

Истратов А.М.

Вводу советских войск в Афганистан посвящается.

**Путешествие из Москвы в Афганистан,
или Срочная служба в рядах Советской Армии
в 1978–1980 годах**

2019 год.

Случайности не существует – всё на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвестие.
Вольтер

Предвестие.

Вместо предисловия.

Желание описать свою службу в Советской Армии возникало постоянно, с момента демобилизации. Но это желание быстро проходило, когда становилось понятно, что выкладывать на бумагу ситуации, связанные со службой, нельзя. Так как это могло вызвать не очень хорошие последствия не только для меня — непосредственного участника событий, но и для всех тех, кто прямо или косвенно были в этих событиях действующими лицами. И только спустя сорок лет я думаю, что мои повествования не принесут никому вреда по службе или в жизни. Многие давно или недавно на пенсии, иных уж нет, а кто, как говорится, далече. Одним словом, говоря юридическим языком, по истечении срока исковой давности.

На всякий случай я старался избегать упоминания фамилий участников событий. И приношу извинения за неправильно указанные имена. Что касается описаний местности

и иных фактов, достойных внимания, они соответствуют действительности сорокалетней давности.

Хотя сразу хочу сказать, что это не художественный вымысел, а реальные моменты моей жизни. Может, где-то и не совсем точные, но это именно так, как я все это пережил и запомнил. Некоторые события, наоборот, пришлось приуменьшить, так как если бы я лично в них не участвовал, то был бы твердо уверен, что они являются плодом большого воображения. Тем не менее, выражаясь канцелярским языком, каждое событие имело место быть.

В моем повествовании нет сюжетных линий и любовных треугольников, громких расследований и психологических загадок. Это просто описание определенного периода моей жизни. Я специально не указываю номера частей, полков и дивизий. Все это при желании можно найти в интернете на специальных сайтах, где собраны и описаны места дислокаций. Вплоть до мелочей можно рассмотреть указанные места на спутниковых снимках. Не затрагиваю я и политическую составляющую. Мне неинтересно, как Политбюро принимало решение о вводе войск в Афганистан. Кто при этом был «за» или «против». Какие подковерные интриги предшествовали принятию решению о вводе войск. Кто поставил последнюю точку.

О событиях в Афганистане известно не так много: несколько фильмов, мало соответствующих действительности, книги, не известные широкой публике, афганские песни, о которых помнят немногие. Все дальше становятся те события. Для сегодняшних призывников мы такие же ветераны войны, как тогда для нас были участники Великой Отечественной войны.

Девяностые годы и перестройка многое сделали, чтобы очернить интернациональный долг в Афганистане. Может, руководство страны и допускало ошибки, но причем тут простые парни, с честью выполнившие свой долг? В истории останутся мемуары полководцев и политиков. Однако историю Великой Отечественной войны мы помним не только по воспоминаниям генералов, но и по рассказам простых солдат. Слова «Это была ошибка, и нечего было нам там делать», а также принятие Советом народных депутатов Постановления о моральном и политическом осуждении ввода войск, пусть останутся на совести тех, кто использовал это в собственных политических интересах.

Немного о себе.

Я постараюсь рассказать, как это было со мной — простым советским гражданином, которому в 1978 году исполнилось двадцать лет. Который родился и вырос в городе Даугавпилс Латвийской ССР. Оказался я в тех краях по велению партии и правительства, направивших туда моего отца служить в 1952 году, после окончания Серпуховского военного училища спецслужб. Это было время, когда по лесам еще шарахались «лесные братья» — недобитые латышские и литовские националисты, служившие на стороне фашистов. Рядом с Даугавпилсом находилась старинная крепость, построенная в 1810 году. Это была территория площадью почти сто гектаров, окруженная со всех сторон валами высотой в десять метров. Вокруг был выкопан глубокий ров, заполняемый водой. Даже Наполеон не смог ее взять при наступлении и просто обошел. Вот в этой крепости и

находилось Даугавпилсское авиационно-техническое училище, где мой отец служил преподавателем. В этой же крепости были и жилые дома, в которых прошло мое детство.

Так я и рос там, как и все мои сверстники. С гордостью сначала носил значок октябрёнка. После того, как дал первое в своей жизни торжественное обещание пионера СССР, сменил значок на пионерский галстук, который, в свою очередь, сменился комсомольским значком. По окончании школы вариант поступления в родное военное училище даже не рассматривался, да и служба отца подошла к завершению, что и послужило поводом к возвращению на свою историческую родину. А моей малой родиной была деревушка на берегу реки Пахры, куда сразу после стрелецкого бунта в 1682 году был сослан стрелец, избежавший казни. Мой семья раз «пра» дед вместе с семьей и двухлетним сыном обосновался в деревне в сорока километрах от Московского Кремля. Двухэтажный дом, построенный в начале девятнадцатого века и стоящий до сих пор, до революции использовался как постоялый двор. На первом этаже, сложенном из кирпича и камня, был трактир, а на втором – деревянном – располагались номера. В 1910 году дом удачно сгорел и тем самым не был конфискован пришедшими к власти большевиками. Двадцать же десятин земли, используемых в хозяйстве, не избежали данной участи и были успешно экспропрированы коммунистами.

Особо не напрягаясь, я поступил на седьмой факультет Московского авиационного института, где с головой окунулся в студенческую жизнь. Точнее, нырнул всем телом. Учеба давалась легко, что способствовало появлению свободного времени, которое использовалось на все сто. Ездить каждый

день из дома в институт было хлопотно и неудобно, и я переехал на съемную квартиру со своим однокурсником Володькой, с которым мы познакомились на вступительных экзаменах. Он тоже был из семьи военных и успел отслужить в армии. Свободное время проводили в общежитии института. Стипендия в 55 рублей, подработка на табачной фабрике «Ява», на кондитерской фабрике «Большевик» и на погрузке багажа на центральном аэровокзале давали возможность для безбедной жизни, да и родители не забывали, подбрасывая на карманные расходы.

Все шло стабильно и уверенно, не предвещая резких катаклизмов. Страна жила по заветам XXV съезда КПСС, состоявшегося в 1976 году, который утвердил направления развития народного хозяйства в СССР. Единственное мое сильное переживание в 1977 — так это принятие Конституции СССР. Я был не против основного закона страны — я был против того, что его приняли 7 октября, не дотянув пяти дней до моего дня рождения. Как было бы хорошо иметь на день рождения постоянный выходной. А еще лучше — если бы Конституцию приняли 13 октября. Каждый день рождения в субботу — достойный подарок от государства.

В общем, доучился я до третьего курса, и тут подкрался 1978 год.

1978 год, начало.

Новый 1978 год начался сразу как-то не так. Проснувшись в комнате, долго пытался осознать, где я и что я. Что это комната общежития — не вызывало сомнения. Наличие занавесок на окнах подсказывало, что здесь живут девочки.

Но что-то в убранстве комнаты сразу настораживало. Начинка книжных полок была явно не авиационного уклона. Голова раскалывалась. За окном было уже темно, да и часы предательски показывали время вечера. По количеству пустых бутылок на столе и минимуму закуски было понятно, что отмечали мы изысканно и с наслаждением. Но коллектив, который принимал в этом участие, отсутствовал как на месте, так и в моей памяти.

К удивлению, из бутылки рислинга и двух бутылок «Салюта» удалось выжать почти полстакана живительного нектара, который более-менее привел меня в чувство, наладил ход мысли и даже разбудил ощущения, что не все так плохо. Захотелось покурить, и я направился на лестницу в надежде узнать более подробно о лихой ночи. На лестнице стояли и курили два негра и смуглый иностранец. Негры и иностранец. В общежитии режимного закрытого института. Мысли в голове встали в хоровод и с нарастающей скоростью закрутились в танце. А когда они мне сказали: «Привет, брат», танец мыслей принял хаотичный характер. В дальнейшем разговоре выяснилось, что это не общага МАИ, а общежитие 2-го мединститута. И общага мединститута была точной копией нашей маёвской общаги. Я, студент 3-го курса Московского авиационного института, обязанный докладывать в первый отдел института обо всех контактах с иностранцами, встретил новый год в общежитии 2-го мединститута на улице Островитянова в Москве. Как я там оказался и что я там делал, история умалчивает, но то, что я начинал праздновать новый год в общежитии МАИ на улице Царева, практически на другом конце Москвы, сомнений не вызывало. Ох, не зря говорят, что как встретишь новый год, так он

и пойдет. Зря не верил. Первые встреченные люди в году — негры из Анголы, называющие меня братом, и человек из Афганистана. Две страны, о которых я имел представление только по урокам географии в школе. Но когда все прояснилось, хоровод в голове стал замедляться и мысли неспешно устремились на свои постоянные места. Стали появляться участники совместных ночных празднований, и постепенно комната наполнилась людьми. Появилась незамысловатая закуска, вино и портвейн, и все завершилось в той же комнате и на той же кровати.

Утром, потихоньку, чтобы не попасть никому на глаза и не втянуться в более длительные посиделки, мною был покинут гостеприимный дом. Таким же тихим было и возвращение в общагу МАИ, где моя команда даже не заметила моего отсутствия. Кто-то вспомнил, что среди новогодней ночи мы пошли с Володькой покурить и не вернулись. Я даже первое время переживал, что оставил там его одного, но, как потом оказалось, он уехал утром первого, оставив меня в руках будущих медицинских работников. Впервые в жизни я общался с «братьями» из Анголы и Афганистана.

Дальше студенческая жизнь покатила, точнее сказать, поскакала по ямам и колдобинам, образом, который не представлялось возможным назвать правильным. На учебе я почти не появлялся, занимая время преферансом, иным аналогичным времяпрепровождением и активным общением с прекрасным полом. Местами постоянной дислокации стали женские общежития автодорожного института на Соколе, инженеров железнодорожного транспорта в Марьиной Роще, сахарного завода им. Мантулина на Красной Пресне и пищевого института, расположенного через дорогу от нас.

В нашей комнате общежития на стене висела большая карта Москвы, где красными флажками отмечались посещаемые нами «автопоилки». Так назывались залы с пивными автоматами, где за двадцатикопеечную монету можно было получить кружку светло желтого напитка, называемого пивом, и прикупить маленьких соленых сухек. С каждым днем карта краснела — то ли от новых флажков, то ли от стыда за своих владельцев. Иногда, после удачной пули в преферанс, позволяли себе посетить и культурные пивные. Таких в Москве было несколько: «Садко» в Столешниках, «Саяны» на метро «Щелковская», «Жигули» на Арбате и «Ракушка» на Юго-Западной. Достойно можно было попить пива в «Пльзене» в парке Горького.

Жизнь в общежитии не располагала к получению знаний. Планирование как таковое отсутствовало напрочь. Представить, просыпаясь утром, чем ты будешь заниматься в обед, было сложно. А уж куда кривая занесет тебя к вечеру, и где ты встретишь следующее утро — практически невозможно. Особенно в праздники, которые были почти каждый день. Показательно одно из утренних пробуждений. Все медленно и нехотя просыпаются в комнате, где накануне было весело и задорно. На кроватях приходят в себя студенты и студентки. На подоконнике сидит Махно, пытаюсь прикурить бычок, выловленный из тарелки, выполнявшей роль пепельницы. На одной из кроватей лежит Царев. Царев и Махно были единственными в общежитии гостями, уже успевшими недавно завести семьи.

— Махно, а что ты говоришь жене, когда не ночуешь дома? — спрашивает Царев.

— За-р-р-р-ранее не г-г-г-готовлюсь. Под-д-д-хожу к д-д-д-дверям и им-м-м-п-п-п-ровизирую, — привычно заикаясь, отвечает Махно, затягиваясь бычком.

В этот момент дверь в комнату резко открывается, и на пороге появляются их жены, подруги по жизни.

— Ну что, Махно. Им-м-м-м-п-п-про-визируй, — раздаётся с кровати, и вся комната бьётся в истерике.

С тех пор фраза «Ну что, импровизируй» стала постоянно применяться в нестандартных ситуациях.

Приходило осознание, что учеба в авиационном институте — это не мое. Получить специальность инженера по вооружению летательных аппаратов — означало засунуть себя по распределению в какое-нибудь КБ или закрытый почтовый ящик, где ближайшие пять лет сидеть и разрабатывать какой-нибудь болт или гайку. Но не было и альтернативы. Поэтому шатко-валко учебу я тянул и даже получал стипендию. Отлично понимая, что это ненадолго: хотелось перемен. Свежего воздуха. Смены обстановки. Хотелось заниматься чем-то другим. Получить другую специальность, какую — неясно, но другую.

Если думать о чем-то постоянно, то твои мысли материализуются. Только не надо себе мешать, а надо правильно использовать подсказки, которые тебе предлагаются. А если ты их не видишь, то ищи их или создавай сам. Первая такая подсказка появилась в конце мая. В этот день мы получили стипендию сразу за два месяца и, по старой доброй традиции, принялись это дело отмечать. Начиналось все стандартно, но к ночи компания из десяти человек только разошлась. Пополнить запасы спиртного не представлялось воз-

можным, так как рестораны работали до одиннадцати вечера, а о круглосуточных магазинах приходилось только мечтать. Брать у метро «Сокол» у таксистов водку по червонцу тоже не хотелось. И тогда в моей голове созрел план: а не посетить ли нам ресторан во Внуково, который работал до пяти утра. Сказано — сделано. И плохо соображающая орава из десяти человек на двух такси, сидя друг на друге, за что пришлось переплачивать таксистам, примчалась в аэровокзальный ресторан. Мы честно отсидели до закрытия, перекусив и влив в себя немереное количество портвейна, не забыв блеснуть студенческой эрудицией перед официантками. Взяв с собой в дорогу несколько бутылок портвейна, отправились ловить такси, предварительно решив посетить туалет. Туалет нас и сгубил. Еле держась на ногах, в туалете я увидел знакомое лицо в военной форме сержанта срочной службы. Судорожно покопавшись в памяти и перебрал возможные варианты, я понял, что передо мной стоит мой одноклассник. Я с первого по восьмой класс учился с ним в Даугавпилсской школе, расположенной в трех километрах от дома, куда я ежедневно, в течение десяти лет, добирался на трамвае, а чаще пешком. В девятом классе я перешел в физико-математический класс, который был в нашей же школе, после чего наше с ним общение стало эпизодическим.

— Привет, Толян. Ты как здесь? Какими судьбами? — заплетающимся языком ошарашил я его.

— Еду с Дальнего Востока на дембель из армии. А ты? — удивился такой встрече и он.

— А я с ребятами отмечаю получение стипендии. Давай за встречу по глотку портвейна, — и я протянул ему уже початую бутылку.

Толик отхлебнул из горлышка и передал бутылку дальше по кругу. Через минуту пустая бутылка полетела в мусорное ведро. За ней по тому же пути проследовала и вторая.

— За братство армии и студенчества, — и третья бутылка ушла по проторенному пути.

Толик слегка подумал и достал из чемодана бутылку питьевого спирта.

— За братство студенчества и армии, — провозгласил уже он, и пустая бутылка, значительно задержавшись, последовала за своими меньшими братьями. Процесс был длительный, так как запивать спирт приходилось из-под крана. Дальше мысли стали сворачиваться в клубочек, и включился автопилот, который должен был доставить нас в родные стены общежития.

Очнулся я от ласкового женского голоса, который словами, проникающими глубоко в душу, сообщил:

— Уважаемые пассажиры! Просьба пристегнуть ремни. Наш самолет совершает посадку в аэропорту города Сухуми.

Дальше пошла информация о температуре воздуха и других полезных вещах, но мне было не до этого. Приоткрыв левый глаз, я увидел сквозь стекло иллюминатора море. Приоткрыв правый глаз, я увидел рядом спящего Лукича. Меня не столько удивила окружающая обстановка, сколько наличие Лукича рядом. Он был на два курса старше нас, и раньше я его в наших компаниях не замечал. Являясь москвичом, он старался обходить стороной общежитие. А уж

склонность к авантюрам у него отсутствовала полностью. Я готов был увидеть рядом кого угодно, но только не его.

— Лукич, очнись. Мы приземляемся в Сухуми, — потерев бил я его за плечо.

Лукич приоткрыл глаза и, с удивлением посмотрев сначала на меня, потом на окружающую обстановку, стал осмысливать ситуацию. По выражению его лица было понятно, что он пытается вспомнить предшествующие эпизоды из жизни. Его воспоминания тоже заканчивались в аэровокзальном туалете. Пока самолет заходил на посадку, мы убедились, что из всей компании нас на борту только двое, что делало ситуацию еще более неожиданной и веселой.

Самолет приземлился, и вместе с толпой прилетевших пассажиров мы вывалились на солнечное поле аэродрома. Одинаковая мысль посетила нас, и мы стали судорожно шарить по своим карманам. До последнего закоулка не умирала надежда, что не все так плохо, и мы тем же рейсом вернемся домой. В конце концов надежда умерла, как и положено, последней. Денег на двоих было около пяти рублей. Мысль о возврате тем же рейсом умерла вместе с надеждой. Решили добраться до моря и там обдумать план дальнейших действий.

На раздолбанном микроавтобусе «рафике», выпущенном на Рижской автобусной фабрике, как мне показалось, во времена моего еще дошкольного детства, мы тряслись пару десятков километров, пока не добрались до моря. Поездка до Сухуми уменьшила наш совместный бюджет на один рубль. Оставалось четыре рубля и полная свобода действий. Делая первые шаги по побережью, мы заметили

остатки старинной крепости. На них располагался небольшой ресторан «Диоскурия», красиво нависающий над морской поверхностью. В нем мы и сделали первый привал, в отсутствие свободных мест присев за столик к двум очаровательным девушкам.

Заказав, сообразно состоянию, только холодную минералку, не обращая внимания на соседок, стали осмысливать ситуацию для принятия плана дальнейших действий. Билеты на самолет на двоих стоили 64 рубля. На поезд — 20 рублей. Можно было бы попытаться доехать до Москвы на товарных составах, но это бы заняло не меньше месяца, а у Лукича государственный экзамен через неделю и свадьба через месяц. Было принято решение сначала доехать до Сочи, а там определиться.

Наши активные обсуждения обратили на себя внимание девушек, и они попросили нас разъяснить ситуацию. Выслушав наши повествования, они великодушно оплатили наш счет, пожелав удачно добраться до Москвы. По дороге к железнодорожным путям, в крохотном магазинчике, расположенном на первом этаже обшарпанного дома, на последние деньги купили бутылку местного шампанского типа «Салюта» и, забравшись на тормозную площадку товарного поезда, стоящего на разъезде, двинулись на нем в сторону Сочи.

С каждым глотком шипучего напитка настроение поднималось и ситуация казалась не такой уж и безнадежной. Картинки перед глазами сменялись, как в калейдоскопе. На фоне моря проплывали пальмы. Неожиданно возникали и тут же скрывались белые громады санаториев и пансионатов. Поезд, который останавливался на каждом разъезде,

привез нас в Сочи, когда уже стемнело. Было 23 мая, и, хотя курортный сезон еще не наступил, Сочи встретил нас толпами отдыхающих и курортной иллюминацией. А еще запахом цветущей магнолии. Этим запахом было пропитано все вокруг.

Денег в кармане было копеек 40. Было принято решение набрать денег на самолет. К чему мы сразу и приступили.

Совсем недавно на экраны страны вышел фильм «Ирония судьбы, или с легким паром», поэтому нашей задачей было знакомство с девушками, рассказ о нашей ситуации и просьба оказать финансовую помощь. Всю ночь мы скакали по кафе, набережным и пляжам, развлекая мимолетных подруг и собирая пожертвования. С первыми мы познакомились в парке возле зимнего театра. Последних мы провожали до комнаты, которую они снимали километрах в трех вверх по реке в частном доме. Сославшись на строгую хозяйку, с собой нас не взяли.

Вымотанные, выжатые, но с первыми деньгами в карманах, под утро мы задумались об отдыхе. Ничего умнее не придумав, мы пришли на приморский пляж, взяли за 20 копеек топчаны, подложили одежду под голову и в одно мгновение уснули. Других вариантов не было. Так мы и спали на пляже под шум прибоя. Под головой у меня лежал замшевый бордовый пиджак, действовавший на девушек сногсшибательно. А в это время жаркое солнышко обрабатывало наши тела. И в первый же день, проснувшись далеко за полдень, мы на собственной шкуре ощутили прелести сна на солнце. Кожа стала красной и болела. Приведя себя в порядок, мы продолжили выполнять свой план. Женские пары сменялись с поразительной быстротой. Бокал вина, вхождение в наше

положение — и мы оказывались свободны с некоторыми купюрами в кармане. С последней парой мы провели весь вечер и половину ночи, проводив их до санатория. Попасть с подругами в их номер гостиницы или санатория было делом безнадежным. А вот попасть в отделение милиции и получить бумагу в институт — было делом реальным и широко практикуемым. Остаток ночи провели на скамейке в парке.

Наше финансовое состояние улучшилось. В кармане было уже около 30 рублей. Мы могли сесть на поезд и комфортно вернуться в Москву, но стремление улететь преобладало. Лукич позвонил домой и через несколько часов недостающие деньги были получены телеграфным переводом на центральном почтамте города Сочи. Пока ждали перевод, спали прямо на газоне.

С каждым часом загар все настойчивее напоминал о себе. Поднялась температура. До спины нельзя было дотронуться. Поэтому, когда мы доехали до аэропорта в Адлере, первое, что сделали после покупки билетов, так это пошли в медпункт, где спина была обработана спиртом. Врач, которая нас лечила, узнав, что мы из МАИ, предложила нам помочь с деньгами, так как ее сын тоже учился в МАИ, и мы бы их потом ему вернули. Но мы уже себя обеспечили всем необходимым.

Короткий сон во время перелета — и мы во Внуково. Заранее отложенные три рубля на такси — и мы снова в общежитии. Каково же было наше удивление, когда, зайдя в комнату общежития, мы увидели все ту же компанию, третий день продолжавшую пропивать стипендию. Наше появление никого не удивило.

— Как официантки из «Внуково»? – первый вопрос, который задали нам.

— Какие официантки? Мы были в Сочи.

— Хватит врать. Вы с официантками ушли к ним домой.

— Вот билеты на самолет. А вот наши спины, — задирая рубашки, предъявили мы неоспоримые доказательства.

Общими усилиями стали восстанавливать события трехдневной давности.

После возлияний в туалете у кого-то, и я догадываюсь, у кого, возникла мысль продолжить гулять в Сочи. Толпа подхватила эту идею и направилась в кассы. В Сочи билетов не было, поэтому взяли билеты в Сухуми. А отправили нас двоих, так как паспорта оказались только у меня и Лукича. Вот нас и запихнули на регистрацию и тут же про нас забыли. Они поехали в общагу, а мы в Сухуми.

Интересно, встреча с одноклассником была случайностью или одним из элементов многоходовой комбинации? Пять минут раньше, пять минут позже — и все было бы совсем не так.

Если первые два курса были интересны в обучении, то специализация ставила крест на моем стремлении учиться дальше. Образ жизни, который я вел, не способствовал получению образования. И это полностью доказала сессия. Ходить на экзамены не было смысла: до одних меня просто не допускали, а на другие мне самому не хотелось идти. Что и привело к закономерному результату. А именно к завалу сессии и предложению деканата повторить обучение на третьем курсе через год. А на этот год уйти в академический отпуск, для чего нужно было устроиться в постоянный строи-

тельный отряд. Была такая форма наряду с отпуском по болезни — поработать на институтских стройках с последующим восстановлением. Был еще альтернативный вариант, который даже не рассматривался — служба в армии.

Особо выбирать не приходилось, и я стал бойцом ПССО. У меня за спиной уже был опыт работы в стройотряде. Все лето 1977 года я отработал на стройках народного хозяйства в студенческом стройотряде в Одинцово. В то лето я строил коровник в Сколково рядом с Московской кольцевой автодорогой. Восстанавливал забор вокруг пожарного водоема на Рублевском шоссе. В результате, помимо неплохих денег, получил много разных специальностей, в том числе каменщика, стропальщика и бетонщика. Единственное, что осложняло личную жизнь в прошлогоднем стройотряде, так это наличие своего родного брата в качестве комиссара. Он умудрялся на корню пресекать почти все мои попытки выйти за рамки стройотрядовского распорядка.

В середине июля меня направили в обычный студенческий строительный отряд, где я и приступил к строительству дворца культуры МАИ, с проживанием в московской школе, расположенной неподалёку. Но коли уж год не задался с самого начала, то и моя работа в отряде особо долго не продолжалась. Подсказки сыпались одна за другой.

Буквально через пару недель, в конце июля 1978 года, окончание рабочей недели было отпраздновано в кафе «Континент», расположенном недалеко от нас, с таким же, как и я, бойцом по имени Петр. При возвращении в место дислокации мы были перехвачены комсомольскими дружинниками из оперотряда и доставлены к руководству стройот-

ряда. Командир отряда провел с нами разъяснительную беседу, пообещав, если мы будем хорошо себя вести, не давать делу хода. Все выходные мы себя прилежно вели, показывая пример остальным стройотрядовцам. Обещание командира отряда успокоило нас и дало надежду на продолжение работы и.

Однако в понедельник утром на линейке нам зачитали постановление об исключении из отряда. А в течение нескольких дней — автоматом и из института с формулировкой «За проступок, порочащий звание советского студента». Правда, почему-то оставили в комсомоле. Наверное, стакан портвейна после работы не стал веским основанием для уменьшения количества членов молодых строителей коммунизма. Я склонен полагать, что командир просто не хотел создавать себе проблемы. Исключение из комсомола по своему резонансу несоизмеримо с вылетом из института. Такие мероприятия не обходились без рассмотрения персонального дела и участия в этом представителей партийного комитета. Ненужные проверки в отряде могли повлиять на карьеру принципиального борца за моральный облик студентов. Командир отряда к тому моменту был важным лицом в профсоюзном комитете студентов и членом Президиума Московского городского комитета профсоюзов. Собака женского рода. Хотя, с другой стороны, раньше или позже — итог был predetermined.

1978 год, продолжение.

До отправления в армию начался обратный отсчет. Захотелось покуражиться и вдоволь погулять, имея перспективу

на пару лет быть лишенным всех жизненных благ и удовольствий. Недолго раздумывая, мы с Петей приняли решение рвануть в Крым. Он, как и я, понимал, что гражданская жизнь скоро закончится, а возможность погреть спинку под ласковым крымским солнышком представится не скоро.

Получив расчет за отработанные дни, мы сели в общий вагон пассажирско-почтового поезда и уже через сутки были в Феодосии. Из одежды на нас были стройотрядовские куртки с эмблемой МАИ на рукаве, наименованием пройденных стройотрядов на спине и соответствующей атрибутикой на груди. Это делало отношение окружающих к нам доброжелательным и заботливым.

В нашем багаже была гитара, на которой Петя мог исполнить несколько сентиментальных песен. Лучше всего у него получалось исполнять, делая соответствующее лицо, *«Там, где клен шумит, над речной волной, говорили мы о любви с т-о-б-о-о-о-о-о-й»*. На Феодосию выпал выбор неспроста. Сразу после первого курса с компанией студентов мы дикарями отдыхали на Азовском море. Жили в палатках и готовили еду на костре. Инициатором выбора этих мест тогда был Володька, с которым мы встретили этот новый год. Рядом с Феодосией во Владиславовке проживали его родственники. Тогдашний поход длился более месяца. Причем готовиться к нему мы начали задолго до лета, зарабатывая деньги на разгрузке вагонов на московских товарных станциях. В Феодосию приходилось иногда ездить за продуктами. Пробыв большую часть в Каменке, исследуя местные каменоломни и вкушая дикий отдых, потом мы через Феодосию и Судак добрались до Ялты. В конце того далекого уже путешествия, перед отъездом домой, мы останавливались у

однокурсника, работающего спасателем на пляже Мисхора. Нынешняя же поездка в Крым была как расставание со студенческой жизнью. Хотелось вновь ощутить ту свободу и бесшабашность, понимая, что вряд ли когда придется испытать это вновь. Осознание того, что время юности подходит к завершению, заставляло совершать действия, которые должны были оставить глубокие воспоминания об этом периоде жизни.

Почему-то, когда надо, денег нет. Данная поездка не была исключением. Имевшиеся деньги закончились сразу после прибытия, и, не утруждая себя поиском жилья, мы нашли приют в неисправных пассажирских вагонах, стоявших в отстойнике на запасном пути. Несколько ночей мы там ночевали, днем болтаясь по городу и валяясь с девочками на пляже. Пара студенток из Харькова составила нам приятную компанию. Когда наши подружки собрались домой, а вокзальная милиция намекнула, что нам пора освободить комфортабельную гостиницу, мы, недолго думая, покинули гостеприимный город. Было принято решение двигаться вдоль побережья до Алушты, где находился студенческий лагерь МАИ.

Осуществив пеший переход через гору, мы оказались в маленьком приморском городке, носящем имя видного партийного деятеля. В Орджоникидзе мы переночевали прямо на пляже, забравшись в естественное углубление под невысоким обрывом. Приятно рано утром, по холодку, идти по берегу. Утренний бриз обдувает прохладным ветерком. Не видно ни одного человека. Все пустынно и неизменно, как и тысячи лет назад. Глаз радуется бескрайним морским про-

сторам и пустым бутылкам, выброшенным на берег прибоем. Эта радость под одобрительные восклицания аккуратно складывалась в наш выдавший виды пакет.

Поход приближался к концу, когда в сиянии восходящего солнца на фоне горы Кара-Даг появилось Планерское, ныне именуемый Коктебелем. Поселок еще не проснулся. Отдыхающие спят крепким сном после вчерашнего отдыха, а мы сидим и ждем, когда откроется пункт приема стеклотары. Долгое ожидание вознаграждается полутора рублями, которые тут же тратятся на незамысловатую еду. Не лишним оказывается и стакан вина за двадцать копеек, налитый дородной продавщицей из квасной бочки. В Советском Союзе был, наверное, инкубатор, где выращивали продавщиц для уличной торговли из бочек квасом, пивом или вином. Что в Латвийской ССР, что в Москве или здесь, в Крыму, я видел одно и то же лицо, с одной и той же комплекцией. А может, наоборот, магия бочки на колесах делала из обычных женщин продавщиц кваса.

Приятная жидкость придала сил и стимулировала дальнейшее движение вперед. Обозначилась конкретная цель — добраться до Ялты. По ощущениям от подъема, гора Кара-Даг оказалась выше, чем казалась снизу. Вид с горы открывался сногсшибательный, но не это было нашей целью. Спуск оказался быстрее, чем подъем, и мы вышли в долину к какому-то санаторию.

Заглянули в столовую санатория в поисках буфета, коего не оказалось. На гривенник, оставшийся после предыдущей трапезы, можно было купить пару булок или ватрушек. В ответ на наше предложение дать нам поесть на эту сумму сердобольные поварихи в столовой бесплатно нас накормили.

Нам был предложен обед из трех блюд, о существовании которого мы давно забыли. Нам еще завернули несколько котлет с собой.

Голодному волку семь верст не крюк, мы же, сытые, передумали топтать пешком и поволокли свои тела к старой крымской дороге. Только к вечеру около нас остановился попутный грузовой автомобиль, в кузов которого мы и залезли. В приморский городок Судак мы добрались уже ночью. Накопленный громадный опыт цивилизованного отдыха сразу решил наши вопросы по обустройству. Перебравшись через забор пансионата, мы рухнули спать прямо под кустами. Кстати, спать рекомендуется не просто в кустах, а в кустах, которые располагаются за скамейкой. Во-первых, так вас никто не видит, а во-вторых, никто не полезет за скамейку справить свои естественные потребности. Сухая земля и чистый воздух гарантируют приемлемый сон. Символично было то, что этот гостеприимный уголок, оказался санаторием Министерства обороны.

То ли принадлежность санатория к армии, то ли усталость от недельного отдыха были виноваты, но нам захотелось домой. Может, осознание того, что попытки убежать от действительности не приносят желаемого эффекта, а может, понимание того, что надо думать о будущем, а не искать утешения в прошлом, послужили основанием для пересмотра планов. Было принято решение добраться до Ялты на пароходе, а там пересесть на поезд. Пароходная часть путешествия прошла без приключений: мы договорились с экипажем, выдав себя за отставших от стройотряда бойцов. В Ялте желания задержаться не возникло, что и послужило основанием для продолжения движения. Отсутствие денег

исключило использование троллейбуса для дальнейшего передвижения, оставив единственную возможность в виде попутного автомобиля. До Симферополя нас довез седой старичок на видавшем виды «Москвиче». В конце концов мы оказались на железнодорожном вокзале. Внимательно изучив расписание поездов до Москвы, мы составили примерный алгоритм дальнейших действий. До Москвы без денег нас никто не возьмет, а вот до следующей станции — почему и не взять.

Первый наш поезд следовал по маршруту Симферополь — Киев. Договориться с девочками-проводницами из студенческого отряда проводников, обслуживавших этот поезд, не составило большого труда. Всю дорогу до Джанкоя Петя не выпускал из рук гитару, демонстрируя известный ему репертуар. Каждая новая проводница, забегающая к нам на огонек, просила исполнить свою любимую песню, и Петя вновь и вновь начинал про шумящий клен. Я же заливал в себя чай, заедая его выпечкой и конфетами. После Джанкоя наши пути разошлись, и мы были вынуждены расстаться с веселыми хохлушками.

Следующий поезд, идущий в нужную нам сторону, был через три часа. Джанкой не отличался наличием особых достопримечательностей и был похож на все подобные города, в которых я побывал в Крыму. Так что мы сидели на перроне в ожидании оказии.

Оказия подошла строго по расписанию. Проводницы не раздумывая пошли навстречу студентам, отставшим от стройотряда, и вокзал в Синельниково стал для нас очередным залом ожидания. Ждать пришлось около четырех часов.

Следующий поезд, где мы в очередной раз представились бедными студентами, отставшими от стройотряда, довез нас до Харькова. В Харькове было много достопримечательностей. Пропустить возможность ознакомиться с ними, было бы глупо, поэтому первым делом мы отправились в место, которое находилось в нескольких остановках от вокзала.

Объект наших исследований представлял собой двухкомнатную квартиру на втором этаже старого дома. Эту квартиру снимали наши знакомые по Феодосии студентки. Два дня и две ночи наши экскурсоводы знакомили нас с экспонатами рынков, магазинов и учреждений культуры. Денег у нас не было, бюджет гостеприимных студенток тоже не позволял нас долго развлекать, что и послужило в конечном итоге основанием для окончания увлекательного исследования. Пора было двигаться дальше. Наши хозяйки привезли нас на вокзал, где, устроив прощальный ужин в вокзальном ресторане, оставили с пожеланием счастливого пути. Оказав помощь проводнице в погрузке огромного количества ящиков с фруктами, мы получили право бесплатного проезда на третьей полке до Курска. Но, так как на станцию поезд прибывал глубокой ночью, про нас никто не вспомнил, и на этом же поезде мы доехали до Москвы.

Была середина августа. В Москве было жарко и пусто. Заняться было нечем. Весь народ давно разъехался, кто домой, кто в стройотряд, кто на отдых. Бессменным напарником в эти дни оставался только Максимка. Он тоже учился в МАИ, только на другом факультете, и познакомились мы с ним еще на первом курсе, расписывая пулю в преферанс. Максимка был феерическим пофигистом. Он тоже был отправлен в академический отпуск, успев отучиться четыре

курса. В детстве Макс переболел то ли остеомиелитом, то ли полиомиелитом, то ли чем-то еще, но в результате получил одну ногу короче другой на несколько сантиметров, что освобождало его не только от армии, но и от всех сопутствующих проблем. По жизни у него было две всепожирающие страсти: женщины и азартные игры. Он играл везде и на все. Выискивал секретные квартиры, где собирались игроки в карты, пропадая там сутками. Постоянно расписывал пули в преферанс во всех студенческих общежитиях Москвы, где нередко я выступал его напарником. Что касается женщин, то, несмотря на физический недуг, их у него было немерено. Когда он своей походкой, слегка подволакивая ногу, шел по улице, его элементарно снимали молоденькие дурочки. Если Максимка был рядом, то наличие подруг было обеспечено. Он мог на спор, проходя мимо незнакомого дома, заметить на балконе вывешенное белье. На глаз определить размер и возраст хозяйки. Выявить отсутствие среди белья мужских составляющих. После чего, вычислив номер квартиры, под надуманным предлогом зайти и остаться там ночевать.

Основным местом, где мы развлекались, был первый в Москве кегельбан (боулинг), который располагался в Парке Горького в надувном шатре. Там мы осваивали метание шаров в игре, которая в стране была в диковинку и рассматривалась скорее, как аттракцион. Играли на деньги по десять копеек с разницы в очках. Запись и подсчеты вели самостоятельно на специальных листах, которые можно было получить при оплате дорожки. Приглашение девушек посетить кегельбан за все время ни разу не натолкнулось на отказ. Как красиво звучало из уст симпатичного личика фраза «Я

вчера провела время в кегельбане». Пили потом с подружками в полупустом общежитии МАИ на улице Царева, 12 дешевый коньяк, закусывая виноградом. Утром, прощаясь, понимали, что совершенствования в метании шаров не будет. Лето подходило к концу, и все ближе была неизвестность, вся сущность которой заключалась в коротком и емком слове «армия». Понимание неизбежности данного события, вызвало желание поскорее примерить на себя военную форму.

Испытание.

Повестка.

В начале сентября я вернулся в отчий дом, на свою историческую родину. К этому времени из родной деревни, из каменного дома, от времени, ушедшего на метр в землю, мы перебрались в расположенный неподалеку городок, где отец получил квартиру на одиннадцатом этаже нового дома.

В моей комнате на журнальном столике, излучая во все стороны оптимизм, красовалась повестка в военкомат. Документы о снятии брони по учебе пришли в военкомат на удивление быстро. Практически весь сентябрь я провел в поездках в Подольский военкомат, где успешно прошел медкомиссию. Медкомиссия состояла в беготне из кабинета в кабинет стада практически голых хорохорящихся пацанов, рассказывающих на перекурах и в очередях истории из армии, услышанные у себя во дворе или от старших братьев. Почти все разговоры были о дедовщине. Говорилось, что все, кто приходит в армию, первые полгода подвергаются насилию —

как физическому, так и моральному. Что армейские деды — это монстры, которые преследуют молодых бойцов и пытаются их уничтожить изысканными способами. Но те, кто был на медкомиссии, монстров не боялись. Доказывали, что они-то точно сразу всех дедов поставят на место одной левой. Однако уверенности не было ни в их словах, ни в их глазах.

Мне же было индифферентно. Все мое детство прошло на территории военного городка, где наряду с жилыми домами находились казармы курсантов, здания учебных корпусов и учебный аэродром, и я не видел на улицах монстров или страшных дедов.

Еще одной темой для обсуждения в курилках была тема распределения по войскам. Ходила легенда о тайных списках, в которые вносили избранных призывников. Каждый был уверен, что именно ему выпадет счастливый билет, и он будет служить в элитных частях спецназа рядом с домом. Или, в крайнем случае, в центре Москвы, в Генеральном штабе. Единственным опасением было попасть на флот, в стройбат или внутренние войска. Хотелось верить, что опасения не подтвердятся. А в конце сентября 1978 года во всех центральных газетах появилась маленькая заметка, которая перевернула судьбы миллионов людей.

Это был приказ Министра обороны СССР от 26 сентября 1978 года под номером 231 «Об увольнении из Вооруженных Сил СССР в ноябре-декабре 1978 г. военнослужащих, выслуживших установленные сроки службы, и об очередном призыве граждан на действительную военную службу».

Пункт второй приказа гласил: *«В связи с увольнением в запас военнослужащих, в соответствии с пунктом первым*

настоящего приказа, призвать на действительную военную службу в Советскую Армию, Военно-морской флот, в пограничные войска и внутренние войска граждан, которым ко дню призыва исполнилось 18 лет, не имеющих права на отсрочку от призыва, а также граждан старших призывных возрастов, у которых истекли отсрочки от призыва». И подпись: «Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Устинов».

В конечном итоге взамен паспорта я получил повестку с требованием явиться 18 октября 1978 года в 6:00 на сборный пункт, располагавшийся в ДК города Щербинки, для дальнейшей отправки к месту прохождения срочной военной службы. Все пути к отступлению были отрезаны. Я давно перестал общаться с друзьями и знакомыми, чувствуя, как расходятся наши пути. Даже не так. Подруги в отношении ко мне становились холоднее, понимая, что я для них в плане семейной жизни абсолютно бесперспективен, и потихоньку, без истерик, я заканчивал с ними отношения. Я понимал, что подруга, провожающая в армию и обещающая ждать, претендует в последующем на более прочные узы, регистрируемые в соответствующих органах. Это однозначно не входило в мои планы. Друзья же начинали сторониться меня, подсознательно боясь «заразиться» от меня армией. Да и я вычеркнул их из списка друзей. Компания из общежития, с которой я ранее провел длительное время, в сентябре, мягко говоря, набедокурила. И когда стали разбираться, они все свалили на меня, хотя я в общежитии не появлялся с августа.

— Понимаешь, Андрей, ты все равно отчислен из института и идешь в армию, а нам надо учиться, — пытались они оправдаться, отводя при разговоре глаза.

Вот и верь после этого людям. Ради собственного благополучия, не задумываясь, предали. Общайся со всеми, но надейся только на себя.

Так я и провел оставшиеся осенние деньки до переломной даты. За неделю до расставания в семейном кругу скромно отметил свое двадцатилетие.

Призыв

Вечером 17 октября 1978 года все родственники собрались на мои проводы в армию. Стол ломился от всевозможных яств и напитков. Еще бы: сыночек, не доучившись в престижном институте, уходит в армию. Никого из бывших друзей и подруг я не приглашал. Та, с которой я продолжал общение, предусмотрительно отказалась. Среди родственников были уже отслужившие двоюродные братья, которые всю ночь рассказывали мне, как надо себя вести в армии, и учили разным армейским премудростям. Алкоголь практически не действовал на организм — то ли от хорошей закуски, то ли от волнения. Постоянно выходил курить на балкон, с которого открывался вид на Москву. Смотрел на Москву и думал, когда еще я снова пройду по улицам, посижу в кафе «Космос» на улице Горького, попью пивка в палатках с разливным пивом, так называемых чепках и автопоилках, где пиво наливали железные автоматы, предварительно проглотив двадцатикопеечную монетку. Казалось, что я покидаю не

Москву, а Землю, и космический корабль унесет меня от родных березок на пустынные поверхности другой планеты. Как же мои представления о предстоящей службе были недалеки от истины!

Уже рассвело, когда под окнами раздался сигнал автобуса, специально заказанного для этого случая. Родственники стали совать деньги: кто трешку, кто пятерку, а кто и червонец. По совету бывалого мужа двоюродной сестры, все деньги были надежно спрятаны по разным местам. В чехол от зубной щетки, в мыльницу и другие потаенные места — чтобы сразу не отобрали. Мудрость данного решения я оценил позднее. Ну и что-то осталось на дорогу в карманах.

Родня стала спускаться на улицу и рассаживаться в автобусе. Автобус тронулся, мимо проплывали знакомые картины, которые хотелось запомнить более яркими и отчетливыми. Полчаса езды промчались незаметно — и вот мы уже стоим в очереди из таких же автобусов, которые, как на конвейере, подъезжают к воротам Дома культуры в Щербинке, выплевывают очередного будущего защитника Родины и отваливают в сторону. Некоторых выносят в совершенно невменяемом состоянии. На все про все уходит минут пять. Подошла и моя очередь. Наскоро попрощавшись с родственниками, по мере возможности успокоив плачущую мать и стойчески державшегося отца, подхватив рюкзак с продуктами и какими-то шмотками на дорогу, я выпрыгнул из автобуса в неизвестность.

В помещении клуба находилось уже человек сорок. Первое дыхание армии не заставило себя ждать. Меня тут же отправили в очередь к парикмахеру, который за несколько секунд лишил меня всех волос. Перетряхнули мой рюкзак на

предмет наличия алкоголя и колюще-режущих предметов. Проверка документов у стола — и я пополнил небольшую толпу ребят, постоянно ощупывающих свою голову в надежде найти шевелюру. Суета продолжалась недолго. Уже через час началась погрузка в автобусы, и оказалось, что в войска мы будем направлены не отсюда, а из областного сборного пункта, находящегося в городе Железнодорожном.

В автобус, где мы расселись, залез не совсем трезвый прапорщик.

— Мужики, — обратился он к нам. — Автобус поедет не скоро. Я могу сбегать вам за пивом. Вы уедете, и никто не узнает, что это я Вам его принес. Я сам недавно служил срочную службу и знаю, что это такое.

— А армия начинается не так уж и плохо, — подумал я.

Многие возбужденно засуетились и быстро скинулись по рублю на благое дело. Прапорщик неторопливо собрал мятые деньги и, выпрыгнув из автобуса, уверенной походкой вышел за ворота. Как только он скрылся из глаз, двери закрылись и два автобуса выехали с территории Дома культуры. Так красиво в первый же день меня развели на рубль, а прапорщик так же красиво снял с автобуса рублей двадцать. Это был первый армейский урок: не верь в благие начинания. Народ поворчал, но, понимая, что права качать — себе дороже, быстро успокоился.

По дороге автобусы по очереди ломались, чинились, коптели, дымили и еле тащились. На кольцевой дороге один автобус заглох окончательно, и мы сидели и ждали, когда придет другой. В город Железнодорожный мы приехали уже далеко после обеда.

Областной сборный пункт в городе Железнодорожном был уже похож на военную часть. Территория, огражденная забором с колючей проволокой, плац и несколько зданий из белого кирпича. В одном из них мы расположились. В комнате стояли только деревянные столы, под которые мы побросали свои рюкзаки и сумки. Долго отдыхать не пришлось. Нас повели в соседнее здание, где снова пришлось пройти медкомиссию. Наверное, по опыту знали, что призывник за месяц до армии — далеко не тот призывник, который приходит на сборный пункт. После проверки частей тела на наличие поступила команда ждать.

Принцип работы областного сборного пункта был устроен следующим образом. На пункте постоянно находилось более сотни призывников. Периодически сюда из частей со всего Союза приезжали «покупатели», которые выбирали по «Личным делам» необходимых призывников и с ними отбывали к месту службы. На их место прибывали следующие группы призывников, и так непрерывно на все время призыва.

Так должно было быть и с нами. Нашу группу, по словам сопровождающих, должны были забрать в западную группу войск на аэродромное обслуживание, точнее, в авиационную часть то ли в Германию, то ли в другую страну Варшавского договора. Однако покупатели, имея на руках билеты, нас не дождались и еще в обед, забрав всех, кто был на сортировке, уехали. Мы оказались никому не нужны. Приезжали следующие покупатели, забирали другие группы, которые прибыли позже нас, а мы сиротливо сидели в комнате, доедая остатки взятой с собой еды.

Первую ночь мы спали на столах и на полу. Утром нам выдали сухой паек. «И как его только можно есть», — рассуждали мы, рассматривая консервные банки с разнообразными кашами с тушенкой. Грызли безвкусные галеты из пайка. Мы освоились и на правах давно сидящих встречали новые партии молодых призывников. Даже местные военные не могли вспомнить, чтобы кто-то был у них больше суток. Мимо нас уезжали служить в разные части Советского Союза, в разные виды войск, а сорок человек сидели в ожидании и молили бога, чтобы за ними случайно не приехали из Военно-морского флота. Тогда бы неизвестность растянулась с двух лет до трех.

Вторая ночь в сборном пункте не отличалась от первой. Когда к обеду нас начали строить и пересчитывать, мы вздохнули облегченно. Наконец-то и мы стали востребованы. Появились наши покупатели. В петлицах офицеров была звездочка, обрамленная венком, а у сержантов — красные погоны с буквами «СА». Конечно, жалко, что не авиация, ВДВ или пограничники, но отлично, что не флот, не стройбат или внутренние войска. Это были обычные мотострелковые войска, пехота в простонародье.

Несмотря на наши усилия, место окончательной дислокации узнать не удалось, что вносило элемент тревожности. Вызывало настороженность и то, что нам выдали сухой паек на трое суток, что предполагало путь неблизкий. Мотострелковые части располагались по всему Советскому Союзу и могли находиться где угодно. Их количество зависело не от военной необходимости, а от количества призывников. Страна не могла допустить, чтобы кому-нибудь по достижении 18 лет не нашлось места в армии. Морякам судно новое

быстро не построишь, пограничникам границу не увеличишь, а вот для мотострелков всегда найдется место в пустыне, в тайге или в поле на радость местным колхозам и совхозам. И местным красавицам. Путь был неблизким, но все это было несущественно по сравнению с желанием поскорее закончить этот поход в неизвестность.

Дорога в часть.

Очередное построение с вещами и погрузка в автобусы, которые направляются непонятно куда. Хотя скоро стало ясно, что непонятно куда — это аэропорт Домодедово. Выгрузили, согнали в угол на втором этаже, под страхом расстрела запретив расползаться по залу. Так и сидели, грязные и мятые, в затертой, старой, разномастной одежде в уголке зала ожидания, вызывая жалость у спешащих мимо нас пассажиров. Даже в туалет или покурить ходили в сопровождении сержантов.

Поздним вечером нас повели на взлетное поле, где недалеко от здания аэровокзала стоял «Ил-62» с работающими двигателями. Куда мы, не сопротивляясь, и были засунуты. Как оказалось, не только мы. С разных сторон аэропорта к самолету двигались группы призывников не только из Москвы и Московской области, но и близлежащих областей. Вскоре в самолете не осталось свободных мест. А это ни много ни мало почти двести человек.

Салон самолета, по сравнению с теми, в которых я совершал полеты несколько месяцев назад, имел совершенно другой вид. Все было ободрано, разрисовано непристой-

ными надписями и рисунками, как в вокзальном туалете. Сиденья не откидывались, ремни не пристегивались. Наверное, это был специальный борт для призывников, и летал он уже долго. Еще не взлетели, а салон уже начал заполняться дымом от сигарет. Я даже не помню, были ли там стюардессы, но сержанты и офицеры были точно. Самолет, дребезжа крышками от багажных отсеков, забитых нашими рюкзаками, неохотно взлетел и направился в ночное небо.

Мы даже не знали, куда летим. Хотя я понимал, что «Ил-62» на короткие расстояния не летает и в стране очень мало полос, которые могут его принять. По тому, как быстро за иллюминатором светало, было понятно, что летим мы на восток. Через пять часов, когда уже было глубокое утро, самолет коснулся взлётно-посадочной полосы и подрулил к аэровокзалу.

Аэровокзал состоял из двух частей: квадратной коробки из стекла и бетона, на которой стояла надпись «Аэропорт», и старого здания с башней посередине, на котором большими буквами было написано «АЛМА-АТА».

В голове сразу возникла карта Советского Союза, Казахская ССР и столица этой республики. Об этом городе я знал из двух источников. Один — это уроки географии в школе. Знания носили общий характер и прикладного значения не имели. Алма-Ата, Ташкент, Ашхабад, Душанбе и Фрунзе — для меня были просто столицы советских республик. Или объединенно — республики Средней Азии в составе СССР. Второй — мой однокурсник, который был отсюда родом и часто мне рассказывал о высокогорном катке на Медео, горнолыжном курорте Чимбулак и полетах домой на каникулы на сверхзвуковом пассажирском самолете «Ту-144». А еще он

привозил из дома яблоки сорта алма-атинский Апорт. Пожалуй, это были все мои знания о месте на карте, расположенном в четырех тысячах километрах от моего дома. Да, домой на выходные не сбежишь, и в гости к тебе просто так никто не придет. Но дух кардинальной смены обстановки уже переполнял меня всего изнутри. Да и побывать в местах и краях, в которых вряд ли побывал бы по своей воле, тоже было интересно. Хотел смены обстановки — получай по максимуму.

Вереница оглушенных перспективами призывников прямо с трапа самолета направилась в сторону армейских грузовых автомобилей. Более десятка машин стояли рядом с аэровокзалом. Некоторые из них уже были заполнены. Неумело забираясь в кузов, закрытый брезентом, рассаживались на деревянные скамейки вдоль бортов. Мы были не единственные, кто прилетел в этот город. После того, как последнего призывника за руки втянули в кузов, колонна в сопровождении машин военной автоинспекции двинулась дальше. Я расположился у самого борта и стал с интересом смотреть на окружающие ландшафты. Примерно через час сельские пейзажи сменились на городские улицы и кварталы домов.

Алма-Ата так Алма-Ата. Столица Казахской ССР. Большой город. Можно и здесь послужить. Красивый город, со спешащими по тротуарам людьми, среди которых можно было видеть немало студентов и студенток. Но привезли нас не в военную часть, а на железнодорожный вокзал, с возвышающимся на привокзальной площади памятником Калинину. Целый зал был заполнен призывниками, большинство

из которых было явно не из европейской части СССР. Становилось все замысловатее и интереснее. Почти сразу, как только нас пересчитали, толпа, подгоняемая сержантами, двинулась на перрон для посадки в вагоны.

Поезд, в который мы загрузились, мало чем отличался от самолета. Те же раздолбанные вагоны и грязь в каждом углу. Я не помню, чтобы были проводники. Как попало разместились, и под прощальный гудок вокзал стал удаляться.

Был объявлен конечный пункт нашего утомительного путешествия — станция Отар. Название абсолютно ни о чем не говорило. Но то, что мы уже были похожи на отару овец, навевало определенные ассоциации. Скорее, даже на стадо баранов.

Сначала мы ехали по городу, потом по пригороду, потом по городам-спутникам, а потом по степи. Трудновыговариваемые названия станций, разъездов и полустанков сменяли друг друга, как в замедленном калейдоскопе. Ехали, останавливаясь у каждого столба, пропуская встречные и попутные поезда. На каждой остановке в другие вагоны люди входили и выходили. Наши же двери были наглухо закрыты, и сопровождающие сержанты следили, чтобы никто не сбежал. Складывалось впечатление, что это не поезд, а трамвай в степи, который тянет упряжка ишаков, периодически останавливающихся на отдых. До нашего пункта назначения, станции Отар, всего сто семьдесят километров, но ехали мы около восьми часов.

Мы пытались съесть выданный нам сухой паек, но холодная тушенка или каша с тушенкой не способствовали утолению голода. Все это время мы смотрели в окно, наблюдая унылый пейзаж с выгоревшей травой, отсутствием деревьев

и водоемов на фоне таких же по цвету унылых сопок. Яркой вспышкой возникал одинокий серый ишак, пытающийся найти еду в жёлто-серой земле. Не зря в переводе «отар» означает «самое дальнее пастбище».

Вымотанный долгим путешествием, заняв место у окна, я прислонился головой к стеклу и стал думать о том, что, может, я зря так поступил с учебой. Поезд стал приближаться к очередной станции, когда пейзаж за окном стал стремительно меняться. Появились деревья и кустарники. Зеленый цвет стал преобладающим. На перроне сухонькие старушки передвигались семенящей походкой, уверенно подхватив ведра с яблоками и абрикосами, чтобы предложить их пассажирам. Все это было так, как в детстве, когда я с родителями ездил в Сочи. Или как в студенчестве, совершая поездки в Крым. Еще чуть-чуть, и я снова окажусь в цивилизации.

— Подъем. Выходи строиться, — прозвучала команда, и, проснувшись, я понял, что дремота закончилась, а за окном все тот же унылый пейзаж на фоне солнца, склоняющегося к закату.

Выгрузились, построились и толпой, мало похожей на строй, двинулись в сторону виднеющихся высоких сопок. Картина, которую мы видели из окон поезда, совершенно не изменилась. Добавился защитный цвет военной техники и белый цвет зданий и заборов. Из-под ног поднимались клубы пыли, которая оседала на лице, руках и одежде. На фоне сопки виднелся военный городок. Три километра мы пылили по дороге до места, которое должно было на ближайшее время стать нашим домом. Это место носило звучное имя — посе-

лок городского типа «Гвардейский». Пыльные, грязные, голодные и почти ничего не соображающие, встали на центральном плацу. Оказалось, что прибыли мы в гвардейскую орденоносную учебную мотострелковую дивизию с богатой боевой историей. В состав дивизии входили три мотострелковых полка, танковый полк, автобат, артиллерийский дивизион и другие подразделения. Полностью укомплектован был только один полк, второй состоял из одного батальона, а от третьего было лишь название. На плацу стояли столы, на которые вывалили наши документы. Офицеры из разных частей стали выбирать себе людей, формируя из них отдельные группы. У всех были свои критерии отбора. Маленький рост — добро пожаловать в танкисты. Закончил десять классов, умеешь считать — артиллерия — твое призвание. Если русский язык не являлся для тебя родным — твой путь в пехоту. Имеешь водительские права — твой удел — автомобильный батальон.

Курс молодого бойца.

Как только формировалась необходимая группа, она принимала форму строя и выдвигалась в сторону своей части. Отобрав нужное количество призывников, закончив необходимые формальности и построив общую колонну, нас повели в расположение части. Так мы и прибыли в свой гвардейский мотострелковый учебный полк. В простонародье — малая пехота, так как было всего четыре роты и постоянный состав, в отличие от верхней пехоты, на плацу которой нас сортировали, где был полностью сформированный полк.

Наш полк готовил сержантов — командиров мотострелковых отделений. Сначала нас привели на полковой плац, где началась уже местная сортировка. Шло распределение по ротам. В группе из шестнадцати призывников, в которой оказался я, были только славяне крепкого телосложения, спортивной подготовки и высокого роста. Я, со своими 178 сантиметрами, был почти самым маленьким. Это оказался учебный взвод, где готовили командиров отделений войсковой разведки. Мы были в учебке единственным разведывательным взводом. Нам представили командира нашей роты — невысокого старшего лейтенанта с казахской фамилией и двух молодых лейтенантов — командира взвода и замполита роты. Первый был худощавый и высокий, а второй среднего роста и такого же телосложения.

Наша войсковая часть не была окружена забором. В центре части был плац. Плац был разлинован разными квадратами, собранными в причудливые фигуры, похожие на загадочные наскальные рисунки. Справа от него, если смотреть со стороны городка, стояли три сборно-щитовые одноэтажные казармы, скорее, похожие на бараки. Плац и казармы разделялись заасфальтированной дорогой и такой же ширины зеленой зоной, состоящей из редких кустарников и чахлых деревьев. Это были казармы нашей первой, второй и третьей рот. Между казармами располагались крытые курилки. Слева от плаца — четвертая рота и казарма постоянного состава. Между ними чуть в отдалении — караульная площадка и за ней спортивная площадка. Перед плацом — котельная. За плацом — длинный барак, состоящий слева направо из клуба, помещения дежурного по части и кухни с

залом столовой. Сзади столовой был вход в крохотный буфет. На заднем дворе — склады и баня.

Справа через дорогу находился автопарк автомобильного батальона дивизии. Слева тянулась степь до танкового полка, за частью впереди — степь до полигона. За спиной, через дорогу располагался жилой фонд городка, состоящий в основном из пятиэтажных панельных домов, разбавленных зданиями военной принадлежности. Одним словом, были мы на семи ветрах. Штаб части находился на другом конце городка в отдельном бараке. Рядом со штабом был барак, половину которого занимала казарма писарей, связистов и командирских водителей. Вот в это собственное мини-государство нас и доставили на четвертые сутки после гражданской. Часть была учебной, срок службы определялся в полгода. По окончании учебного подразделения мы должны были отбыть младшими командирами в войска для прохождения дальнейшей службы. Младшими сержантами или сержантами, в зависимости от успехов в обучении. Так что на полгода мы изначально были освобождены от общения со страшными дедами и дембелями, о которых успели наслушаться. Все четыре роты были укомплектованы одним призывом, а старослужащие были только в роте, обеспечивающей жизнедеятельность части, так называемом постоянном составе, и среди наших сержантов.

После перестроений и формирования новых подразделений что-то, похожее на строй, двинулось в сторону бани. Старослужащие, которые до этого не могли подойти ближе и наблюдали за нами во время отбора издали, встали по краям дороги и выкрикивали названия своих городов, надеясь услышать ответ земляков. Они же и обступили нас перед

баней, внимательно рассматривая нас и выбирая подходящую гражданскую одежду. Если что-то нравилось, то быстро договаривались о ее приобретении просто так. Гражданская одежда нужна была для самоволок или для тех, кто собирался на дембель ехать в гражданке. Нежелание ехать домой в парадной одежде объяснялось тем, что у пехоты были красные погоны, которые почти не отличались по цвету от погон внутренних войск. А внутренние войска, как известно, охраняли тюрьмы и почетом у населения СССР не пользовались. Поэтому те, кому предстояло долго ехать на поезде, не рисковали и добирались в гражданке. Да и дома на первое время нужна была одежда по размеру. Нам-то наша одежда уж точно не нужна была, хотя перед помывкой ее складывали в мешок и подписывали, обещая отдать после окончания службы. Ехали в армию в одежде, заранее зная, что она больше не пригодится. Таким образом, куртка с моего плеча досталась старослужащему москвичу, обещавшему проследить за тем, чтобы меня не обижали.

Баня была небольшой и вмещала сразу не более двадцати человек. Вода нагревалась дровами и до горячего или теплого состояния доходить не успевала. Поэтому, сдав одежду и зайдя в помывочную, быстро-быстро, под холодной водой сполоснув самое необходимое, выскакивали в предбанник, где заботливый прапорщик завскладом под роспись выдавал обмундирование. Туда входили: кирзовые сапоги, нательное белье, портянки, гимнастерка, галифе, шинель, шапка и дерматиновый ремень со звездой на медной бляхе. Нательное белье включало в себя кальсоны с завязками снизу и рубашку без пуговиц, отдаленно напоминающую смирительную, только с обычными рукавами.

Мне кажется, что те, кто шил форму для армии, были уверены, что у нас в армии служат Ильи Муромцы и Алёши Поповичи. Потому что самый маленький размер предлагаемой нам формы был пятидесятым. Думаю, что ко мне в форму можно было влезть еще паре бойцов. Хотя, если стянуть гимнастерку и галифе сзади, вид был не таким комичным. Шапка-ушанка была на пару размеров больше головы и свободно крутилась, закрывая уши. Шинель если не подметала пол, то точно закрывала голенище сапога. Что касается портянок, то тренировка по их наматыванию продолжалась долго и привела не к одной мозоли. Все дальнейшее использование портянок привело меня к пониманию того, что они являются величайшим изобретением. Никакие носки не сравнятся по удобству и комфортности с портянками при правильной их намотке. Причем портянки, как и нательное белье, были летними из сукна и зимними из байки. Чем еще были хороши портянки? Легко стирались и быстро сохли. Когда нога промокала, то достаточно было перемотать сухой стороной. Особенно приятно было наматывать портянки первой категории. В армии к этой категории относилось все имущество, впервые используемое и не подвергавшееся стирке. А спать на белье первой категории могли позволить себе только деды.

Еще не было приказа о переходе на зимнюю форму одежды, и все, кроме нас, ходили в летней форме. На улице было тепло, и мы в шапках-ушанках выглядели достаточно смешно по сравнению с панамами, которые носили все остальные. В первую неделю службы появился местный фотограф, и каждый не преминул запечатлеть себя, избавившись от рубля денег.

Для того чтобы сфотографироваться, брали парадную форму в каптерке. И панаму тоже там. Одну на всех. И форму, и панаму. И значок КСАВО на груди (Краснознаменный Среднеазиатский военный округ). Как первый орден или Звезда героя. Этот вид на первых армейских фотографиях ничего не имел общего с реальностью. На самом деле было жалко на себя смотреть в зеркало. Вся форма топорщилась и пузырилась. Ремень постоянно съезжал вбок. Попытки привести себя в порядок хватало на несколько минут, и все становилось, как прежде, а то и хуже.

Наконец-то нас привели в расположение роты. Точнее, в казарму. Не в свою казарму, где мы проведем ближайшие полгода, а в казарму третьей роты, где и разместили всех вперемешку. Планировка казармы была, наверное, стандартной для всех казарм страны. Посреди казармы был проход шириной метра два, на котором проходили все построения и поверки. Прямо от входа, оставляя слева место с маленькой деревянной подставкой, называемой тумбочкой, где стоял дневальный, был вход в бытовую комнату с зеркалами и гладильными досками. Далее вход в умывальную комнату с 8—10 умывальниками слева и столькими же умывальниками для ног справа. Справа от входа в помывочную располагался вход в туалет с пятью открытыми кабинками по каждой стороне. В кабинке стоял не фарфоровый унитаз, а чугунный напольный с двумя рифлеными подошвами. Чтобы не засиживались.

Если от входа идти направо, то по ходу справа комната старшины, комната командира роты и кубрик второго взвода. Слева, после сушилки, зал для теоретических занятий с деревянными столами и табуретками.

Если от входа идти налево, то по правой стороне за тумбочкой дневального — Ленинская комната, потом кубрик третьего взвода.

По левой стороне — оружейная комната и за ней кубрик первого взвода.

В каждом кубрике стояли в один ряд, головой к окну, двухъярусные металлические кровати, соединенные попарно. На свою кровать можно было залезть только с одной стороны. Между кроватей были деревянные тумбочки для мыльно-рыльных принадлежностей. В ногах кроватей, выходящих в проход, стояли деревянные табуретки, на которые укладывалась особым способом сложенная форма. Перед табуреткой выставлялись сапоги, накрытые сверху развернутыми портянками.

Вот в кубрик второго взвода казармы третьей роты мы после бани и передислоцировались. Каждому выделили персональную кровать. Мне достался второй ярус. Первое, с чего началась наша служба, это необходимость привести свою форму в соответствие с уставом. А именно: пришить погоны, петлицы, шеврон и подворотничок. На гражданке особой необходимости дружить с иглой и ниткой не возникало. А осознание того, что подворотничок, особым образом завернутый кусок белой бязи, необходимо ежедневно пришивать к воротнику гимнастерки, не прибавляло радости от новизны обстановки. Пришить тонкой иглой тонкий шеврон к рукаву из шинельного сукна и при этом сто раз не воткнуть иголку во все части своего тела, требовало особого мастерства. Причем сделать это ровно. Пришить толстый кусок погона к сравнительно тонкому материалу гимнастерки, соблю-

дая два условия — ровно и незаметно - тоже далось не с первого раза. И не со второго. И даже не с третьего. Но в конечном итоге что-то стало получаться. И под ухом шапки всегда хранилась иголка с тремя цветами ниток — белым, черным и зеленым, чтобы в любой момент использовать по назначению. Все эти сложности, которые сначала, кроме слез, ничего не вызывали, со временем стали настолько привычными и обыденными, что делались незаметно и не вызывали ни малейшей напряженности. Особенно подшивка подворотничка. И по тому, как был пришит подворотничок, можно было определить не только срок службы, но и характер бойца. Особым элементом формы, требующего постоянного внимания и активного вмешательства, являлась латунная пряжка солдатского ремня. От степени ее блеска зависела возможность не попасть в наряд вне очереди. Чистилась бляха постоянно. В любой доступный для снятия ремня момент доставался кусок шинельного сукна с вложенным в него камушком пасты ГОИ зеленого цвета, и наступал процесс шлифовки. Паста ГОИ, по своей структуре похожая на школьный мелок, натиралась на поверхность, после чего с определенным усилием стиралась. Все закоулки в звезде и лучах чистились иголкой или зубной щеткой. Такой зачистки хватало на некоторое время, после чего все начиналось сначала. Был еще белый крем «Асидол». Он чистил быстро и за один проход, но после него бляха темнела и переставала блестеть так же быстро. Особым шиком было чистить пряжку не шинельным сукном, а куском бархата. Такие бархотки присылали из дома, а особо отчаянные отрезали от бархатного занавеса в гарнизонном доме офицеров. Ношение

ремня тоже давало представление о его владельце. Чем моложе призыв, тем сильнее ремень был затянут на поясе. Для самых молодых в зазор между ремнем и гимнастеркой не могла протиснуться ладонь. А дембеля носили ремень таким образом, что пряжка свисала далеко ниже пояса.

В свободное от шитья время мы изучали уставы и проводили время в унылой болтовне, рассказывая друг другу про те планеты, с которых мы прибыли. До принятия присяги мы не считались ни гражданскими, ни военными. Одним словом, ни рыба ни мясо. Припахивать нас было нельзя, но и волю давать тоже не рекомендовалось. Вот в таком состоянии мы и пребывали до присяги. Самым счастливым моментом этого периода было разрешение посетить буфет. Комнатушка пять на пять метров с убогим прилавком и четырьмя четырехместными столами. Кто не хотел получать удовольствия на улице, выстраивались в очередь и ждали, когда освободятся столы. Совсем как я в студенчестве, ожидая, когда освободится место в кафе «Космос» или в кафе «Московское» на улице Горького в Москве. И только вместо вина и мороженого ты насладишься местными деликатесами. А в ассортименте буфета был лимонад в стеклянных бутылках и мятные пряники. Дешёвые жесткие конфеты «Кавказские» и слипшиеся леденцы. Всё. Нет ничего вкуснее, чем откусывать мятный пряник и запивать божественным лимонадом. Разве это может сравниться с бокалом вина «Мурфатлар-Котнари» или «Токай», который пользовался повышенным спросом у студентов, посещающих московские кафешки. Казалось, что рай — это место, где с одной стороны пряники, а с другой лимонад. Мы терпели ради этих минут все невзгоды курса молодого бойца. Хотя в этих курсах и не было ничего

экстремального. Все это было пройдено еще в школе на уроках военного дела. Изучение уставов. Разборка-сборка автомата. Подшивка. Политинформации. Щадящая физическая подготовка. Заучивание текста присяги. Строевые марши по плацу с хоровым пением там же. И лимонад с пряниками. И еще прием пищи.

Пища в армии занимала особое место в жизни солдата. Почему нам буфет казался раем, да потому что чувство голода было постоянным. По ночам, в те короткие сны, изредка приходящие под утро, снилась еда. Не женские формы, а пирожки и булочки. Сон, в котором приснилось употребление пива или вина, считался фантастическим и стоял перед глазами весь день. Есть хотелось всегда и везде. Как правильно сразу сказали старослужащие, пока из вас не выйдет последний мамкин пирожок, вы не оцените армейскую еду. И правда, первые несколько дней даже смотреть на то, что предлагают, не хотелось, а не то что бы это есть. При входе в столовую висел стенд, где были прописаны нормы ежедневного продовольственного довольствия на каждого. Там было написано про мясо, рыбу, масло, хлеб и другие продукты, но в еде это все не просматривалось. Примерное меню на день выглядело следующим образом. Завтрак. Чай. И каша – пшенная, перловая, гороховая или комбинированная. Комбинированная – это значит смесь гороховой, перловой и пшенной. Обед. Первое – щи с капустой. (Капуста с водой) Второе – капуста тушеная (Капуста без воды). Третье – чай (вода без капусты). Ужин – полная копия завтрака, только без масла. И так изо дня в день. Без изысков и разносолов. Часто была рыба. Ее называли жареной,

но по ощущениям, скорее пареной, в лучшем случае вареной. Щи сменялись гороховым супом. Разнообразие заключалось в утреннем кружочке масла — *«масло съели — день прошел»*. Этот порционный цилиндрик масла, предназначенного на одного бойца, изготовлялся путем набивания специальной формы и последующего выдавливания. Выполнялась эта работа, как правило, заслуженным дембелем, уважаемым человеком — резчиком хлеба, о месте которого мечтал каждый старослужащий. Праздник в воскресенье. Утром два вареных яйца. *«Яйца съели — прошла неделя»*. Причем складывалось впечатление, что в армии яйца несут цыплята. Яйцо было чуть больше перепелиного, но значительно меньше куриного. В обед вместо каши — плов. Запах мяса в плове был, мяса не было. Стол в столовой на десять человек. Вся еда в большом казане. Стол назначал раздающего, который большим половником накладывал содержимое казана в подставленные алюминиевые миски. Ложки все имели свои, которые носили за голенищем в сапоге, иначе можно было оказаться в ситуации «еда есть, а есть нечем». И хлеб. Хлеб. Хлеб. Ни черный, ни белый. Серый. Вк-у-у-у-сный! Выносить еду нельзя. Если в кармане найдут хлеб — пощады не жди. Заставят хлеб съесть сразу перед строем, а карманы зашить. И сахар к чаю. Еще вкуснее, чем хлеб. Можно размешать, а можно грызть долго и с упоением. Причем сахар не рафинад, а кусковой. Кусок сахара, как камень по форме и крепости. Иногда давали картошку. В сезон наряд вручную чистил ее на весь полк. Не в сезон использовали картофельный порошок. Нет, не крахмал. Картофельный порошок. Как сухое молоко: разбавил — и почти молоко. Порошок разбавил — и почти картофельное пюре. Что-то

среднее между натуральным пюре и клейстером. И если сначала в казанке оставалась половина, то впоследствии содержимое вытирали хлебом и внимательно смотрели, чтобы распределено было строго поровну. Чтобы закрыть тему питания, представьте себе атмосферу в казарме, где живет сотня молодых бойцов. Все пропахло гуталином, оружейным маслом, мастикой, потом молодых тел и результатом принятия вышеперечисленной пищи. Глаза не резало, но иногда щипало.

Привыкали, точнее, отвыкали от привычных слов и обращений. В армии нет слова «можно» Есть слово «разрешите». На обращение «Товарищ сержант, можно ... – в ответ получал: «Можно козу на возу» или «Машку за ляжку». Получали информацию о своей службе. Петличная эмблема мотострелков, изображающая звездочку в окружении листьев – расшифровывалась как «Сижу в кустах и жду героя». Мы же постоянно слышали в свой адрес «Весь в пыли и в жопе ветка – впереди ползет разведка».

Так день за днем приближался и наконец наступил день присяги. Присяга состоялась в конце ноября.

Сначала торжественное построение. Пламенная речь командира полка. Речь замполита полка. Прохождение торжественным маршем. Перед каждой ротой поставил стол, и по команде командира роты каждый солдат, услышав свою фамилию, выходил к столу. Брал папку с текстом, делал разворот на 180 градусов и произносил текст присяги:

«Я, Гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил СССР, принимаю присягу и торжественно клянусь быть..., хранить...

, соблюдать..., выполнять..., беречь... и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Родине и Советскому правительству. Если же я нарушу эту торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение советского народа».

После чего ставил свою подпись под присягой и возвращался в строй. По окончании мероприятия всем было предоставлено свободное время до ужина. Праздничный ужин с куском мяса, и вот новоиспеченные курсанты учебного разведывательного взвода приступают к обучению. За время, проведенное на курсе молодого бойца, практически не запомнились ни люди, ни разговоры, которые мы вели. За исключением азербайджанца по имени Орудж, который постоянно говорил, что он знает корейский язык, и его вот-вот переведут в разведку связи на радиоперехват. И Маврина из Калужской области, который всем объяснял, что его дядя генерал, и его скоро переведут служить в Москву. И за всех, кто наливал ему стакан лимонада, он обещал похлопотать. Да и все остальные тоже считали службу в Отаре недоразумением и ждали, когда устранят несправедливость, и, как обещали в военкомате, они будут служить рядом с домом. И на построении каждый мечтал услышать свою фамилию и приказ о переводе для дальнейшего прохождения службы в район своего проживания. Чтобы по выходным друзья с подружками и мамка с пирожками. Естественно, что у Маврина в роду генералов не нашлось, и все остались на своих местах.

Быт курсантов.

Сразу после принятия присяги мы заселились в свою казарму, которая являлась близнецом казармы, где мы провели первый месяц службы.

Наш разведвзвод занял отдельный кубрик первого взвода, а на свободные кровати подселили курсантов из третьего взвода. Начались армейские будни. Чтобы было понятно, из чего они состояли, необходимо описать наш распорядок дня.

Подъем в шесть часов утра по команде дежурного по роте «Ро-о-о-ота, подъем!». По этой команде все слетали со своих кроватей и судорожно начинали одеваться. Одеться за 45 секунд — это не байка. Это реальное время, которое отводилось на то, чтобы влететь в галифе и гимнастерку, лежащие на табуретке в ногах кровати, намотать на ноги портянки и впихнуть их в сапоги. И бегом на улицу, где построиться для физической зарядки, при этом успеть забежать в туалет. И если другие роты на плацу выполняли разнообразные упражнения, то разведка убегала сначала на километр, позднее на три или пять километров, в зависимости от погоды. Только затем силовые упражнения в спортгородке.

В детстве я занимался многими видами спорта. Особых высот достиг в стрельбе и настольном теннисе. В одном из форпостов крепости было отличное стрельбище для курсантов и офицеров училища. И уже с двенадцати лет я осваивал спортивную стрельбу из пистолета и винтовки. А поездки на полигон с отцом позволяли пострелять из боевого оружия. Атмосфера военного городка постоянно воспитывала культ физического развития. Местом проведения времени у детей

военных были курсантские спортивные площадки. Перекладина и брусья были у нас способом доказать свое превосходство. И какой ты мужчина, если ты не можешь сделать склепку или подъем переворотом. Играл в волейбол, баскетбол и футбол.

Такое детство способствовало легко и играючи соответствовать физическим требованиям, предъявляемым к солдату первого года службы. И даже три года студенчества не смогли повлиять на физическую подготовку. Практически с первых дней организм не только восстановил былую форму, но и активно стал ее развивать.

Когда заканчивалась утренняя физподготовка, выделялось пятнадцать минут, чтобы заправить кровать и привести себя в порядок. Заправка кровати в армии — это особое искусство. Взбивали подушки, выравнивая их положение по ниточке. Для этого нить натягивалась сначала вдоль первого яруса, и обитатели первого спального этажа выравнивали свои подушки по ней. Потом нить перебрасывалась на второй ярус, где то же самое исполняли обитатели верхнего яруса. Получалось, что процесс заправки кроватей являлся коллективным, а не индивидуальным. Особое мастерство требовалось при работе с одеялом. Необходимо было создать прямоугольный кантик. Когда одеяло заправлено под матрац, естественно, торец матраца получался овальной формы. В армии не должно было быть ни круглого, ни плавного — только прямой угол — основа дисциплины. Можно было кантик сделать руками, но для удобства использовались табуретки или отбивашки, так называли узкую полоску фанеры или доску с ручкой. Делалось это следующим образом. Одной рукой держалась табуретка, поставленная вверх

ножками на край постели, а другой рукой подбивался торец матраса. Видавший виды ватный матрас легко принимал необходимую прямоугольную форму. После чего одеяло разглаживалось руками до идеальной ровной поверхности. «Каждая складка на солдатском одеяле – лазейка для агентов мирового империализма», — напоминали нам командиры. Мне, имеющем место на втором ярусе, делать это было сложнее. Когда в узком тупике между кроватей осуществляют вышеперечисленные маневры четыре далеко не миниатюрных человека, в руках у которых табуретки, приходится проявлять чудеса гибкости и изворотливости. Затем умывание. Когда на пару десятков кранов более ста человек, и за тобой в ожидании крана стоит несколько человек, и вода в кране ледяная, то процесс умывания занимал секунды.

Построение - и строем на завтрак. Про столовую я уже говорил. Прием пищи начинался по команде «Приступить к приему пищи» и заканчивался через пятнадцать минут по команде «Первая рота, закончить прием пищи. Выходи строиться!» Успел или не успел засунуть в себя предложенную еду, не пропустив кружочек масла, это были твои проблемы. Как говорили офицеры, на войне и этого времени может не быть. После чего выдвигались в расположение роты.

После небольшого перекура начинались занятия. Как правило, до обеда, несмотря на погоду, были занятия на улице. Это или строевая подготовка на плацу, или занятия на полигоне в пяти километрах от казармы. Смысл загадочных рисунков на поверхности плаца был нами расшифрован при первом же занятии по строевой подготовке. Четыре часа монотонного хождения строевым шагом по квадратикам и

линиям, до автоматизма выполняя команды, не вносили разнообразия в повседневную жизнь и не прибавляли оптимизма. К концу занятий гудели отбитые ноги от чеканного шага и мозги от постоянного «направо», «налево» и «кругом».

Боевая подготовка.

Что касается занятий на полигоне, то они были непредсказуемы и значительно интереснее. Пока другие роты строем брели в сторону полигона, разведвзвод преодолевал это расстояние бегом. Или просто бегом, или в противогазах. Через километр или раньше, чтобы не видели сержанты, оттягиваешь противогаз, выливаешь из него смесь пота, соплей и слез, возвращаешь резинку на место и бежишь дальше. Попытки незаметно открутить шланг от банки с фильтром и дышать только через гофрированную трубу пресекались незамедлительно и влекли для тебя и для всего взвода дополнительные километры бега или движения гуськом. Практиковались и ежеминутные команды «Вспышка слева, вспышка справа». Последние приказы требовали незамедлительно плюхнуться на землю. В независимости от состояния грунта под ногами. Лужа это или грязь, главное, чтобы тело было расположено головой в обратную сторону от вспышки. Простые отжимания раз пятьдесят тоже не располагали к хорошему настроению. Не стоит забывать, что все это с полной выкладкой. Автомат, подсумки, общевойсковой защитный костюм (ОЗК), противогаз, скрутка плащ-палатки за спиной, и все это в шинели и в каске. Все это

навесное оборудование при беге било по всем частям тела и постоянно напоминало о своем наличии.

Основным занятием на полигоне были стрельбы. Упражнения были или неподвижно по мишени или на бегу по появляющимся силуэтам. Стрельба из положения лежа или стоя особого труда не составляла. Как положено перед присягой, всем была дана возможность сделать по три выстрела. Наверное, хотели проверить отношение к оружию потенциального защитника. А вдруг у него к оружию неадекватная реакция. И вместо мишени начнет стрелять по другим целям. Больных у нас не оказалось, но первые стрельбы заставляли находиться в напряжении. Картина выглядела следующим образом. Стоит строй, а перед ним несколько бойцов на рубеже в положении «стрельба стоя». Идут соответствующие команды от командиров. Патрон дослан в патронник, палец на спусковом крючке автомата, и вдруг у стрелка появляется вопрос. Ничего не меняя, он всем телом разворачивается назад. Ствол автомата движется вдоль строя. Все как по команде валятся на землю, не дожидаясь, когда этот умник случайно нажмет на курок. Таким любознательным быстро объясняли, что так делать нельзя. И чаще не словами. Мои навыки по стрельбе, приобретенные в детстве, не пропали. В чем я мог убедиться с первых же выстрелов. Так что по результатам стрельб я лидировал не только в роте, но и в части. Даже один раз участвовал в соревнованиях между частями. Что касалось стрельбы на ходу по появляющимся мишеням, то, в отличие от положенного прицеливания, начальник разведки полка капитан с говорящей фамилией Смелый заставлял наш взвод стрелять от пояса,

объясняя это тем, что во время боя у нас не будет времени не только прицелиться, но и вскинуть автомат.

Стреляли из ручного и танкового пулеметов, гранатомета. Стрельба из пулемета была легче, чем из автомата по причине наличия у первого сошек, которыми он упирался в землю и не скакал в руках. При стрельбе из гранатомета РПГ надо было не забыть маленькую хитрость – стрелять с открытым ртом. Если не открыл рот, то на ближайшие полчаса лишался слуха. Прицел был расположен таким образом, что для удобства прицеливания ухо прижималось к трубе, в которой и происходил разрыв порохового заряда. Стреляли из всего, что стояло на вооружении в мотострелковых войсках. Стреляли из оружия боевой машины пехоты – пулемета и пушки. Противотанковыми управляемыми реактивными снарядами (ПТУРС) стреляли в тренажерных залах. Стрельба на тренажере была похожа на игру в автоматах, которые тогда только стали появляться в кинотеатрах - «Морской бой», «Снайпер». На стене был экран, на котором была спроецирована неподвижная картина с пейзажем боя и танком на заднем плане. Нажимаешь пуск и ведешь джойстиком яркую точку, имитирующую след от снаряда, до совмещения с танком.

Впервые с танками вживую пришлось встретиться лично на так называемой обкатке танком. Упражнение состояло из двух этапов. На первом этапе ты сидишь в окопе с двумя муляжами противотанковой гранаты и с ужасом смотришь, как на тебя, гремя гусеницами, надвигается громада танка. За несколько метров ты должен бросить в танк гранату, после чего съежиться на дне окопа, снизу наблюдая, как это громада проносится над тобой, осыпая стенки окопа

и закапывая тебя ошметками земли с гусениц. После чего вскочить и бросить вторую гранату в удаляющийся танк. Зачет — это когда обе гранаты ударили по танку. Для этого надо или далеко кидать или быстро прятаться. Как правило, в первый раз получалось наоборот. Быстро кидали и далеко прятались. Второе этап — это когда ты ложишься на проселочную дорогу, а танк проезжает над тобой, пропуская тебя между гусениц. При этом в голове у тебя бегают мысли о неисправности танка, разрыве гусениц, ошибках водителя и других приятных моментах, связанных с эксплуатацией техники в Советской армии. Ты при этом вжимаешься в землю с такой силой, что кажется, что после тебя остается яма.

В отсутствие стрельб и другого времяпрепровождения на полигоне любимым занятием было посещение парка культуры и отдыха с аттракционом под названием «Тропа разведчика». Так называлась стандартная полоса препятствий с изысканными дополнениями. Автором дополнений был, наверное, человек, который сам не представлял, как справиться с его большим воображением. Проползти под колючей проволокой, пробежать по бревну, перепрыгнуть канаву с водой, перелезть через забор — это стандартный набор в каждой части. Такие тропы были известны всем военнослужащим, вне зависимости от рода войск. А вот чтобы перелезть через сетку рабицу, высотой три метра, слабо натянутую между двух столбов, требовалось проявить особые качества. И когда ты забираешься наверх, цепляясь пальцами за дырки в сетке, сетка отклоняется под твоим весом назад, и ты ненадолго зависаешь параллельно земле. После чего повисаешь на пальцах рук, судорожно цепляясь ногами за сетку. Дальше твой путь или назад спиной об

землю, либо рывком перебросить через сетку сначала одну ногу, подтянуть вторую и, перевалившись всем корпусом, оставляя следы на теле, победно спрыгнуть с другой стороны. Приятным аттракционом было преодоление МЗПЗ (малозаметное проволочное заграждение). Тонкая проволока, сплетенная особым способом, состоящая из ячеек, которые мгновенно затягивались, если нога при беге или ходьбе цеплялась за проволоку. Высотой заграждение было примерно сантиметров десять. Если не знать о его расположении, то вряд ли преодолеешь сразу. Наш командир взвода с разбегу загнал нас на это заграждение и долго хохотал, когда весь взвод залег, запутавшись в проволоке. После чего со словами «Учитесь, сынки» с разбегу побежал по заграждению, пытаясь вытягивать носки. Наш опрометчивый хохот, после того как он рухнул через несколько метров, вылился в дополнительные упражнения и еще долго отдавался в наших мышцах.

Учили разведчиков не только боевой и физической подготовке. Мы должны были иметь навыки диверсионно-подрывной работы. Несколько раз нас поднимали ночью по тревоге, и мы скрытно выдвигались на полигон. Занимали объект и вели наблюдение за железной дорогой, где в полной темноте, только по звуку и косвенным признакам, должны были определить тип проходящего железнодорожного состава, количество вагонов и примерный груз.

Не доставляло особого воодушевления боевое гранатометание. На вооружении была оборонительная граната Ф—1 с радиусом разлета осколков 200 метров и наступательная граната РГ—42. Первую бросали из окопа. Гранату в руку, по команде дергаешь кольцо, встаешь в полный рост, кидаешь

со всей дури вперед и рывком ложишься на дно окопа, ждешь, когда над головой просвистят осколки. Наступательную надо было метнуть на ходу, имитируя атаку. Быстрым шагом двигаешься вперед, чуть сзади тебя офицер или сержант командует: «Гранату к бою», ты вытаскиваешь гранату из подсумка, выдергиваешь чеку и бросаешь ее как можно дальше. Разлет осколков около 20 метров, так что твоя задача кинуть ее дальше разлета. Наклоняешься головой в каске вперед и ждешь разрыва.

В один из дней все так и было. Наш взвод, как всегда, отметался первым и смотрел, как это делают другие. Конвейер работал исправно, и бойцы сменяли друг друга на дорожке. Очередной боец выдвинулся на позицию, выполняя команды замполита, двигающегося позади него. Остановка, замешательство. Взрыв. Когда рассеялся дым, мы увидели, что оба лежат на земле. Мы рванули к месту взрыва. Курсант был уже мертв. У него был разворочен живот. Рядом, весь в крови, с черными, залитыми кровью руками, без сознания лежал замполит. Вот как об этом потом написала газета «Красная звезда»:

«Курсанты учебной мотострелковой роты выполняли упражнения по метанию боевых гранат. Вместе с ними идет в «атаку» заместитель командира роты по политчасти. Офицер видит, как в шести шагах от него курсант действует по всем правилам: перехватил автомат в левую руку, правой достал гранату, пальцем левой руки захватил кольцо, выдернул предохранительную чеку. Сейчас прицелится и метнет. Однако случилось совершенно непонятное: курсант вдруг переложил гранату в левую руку, а автомат — в правую. Замполит заметил, как скользнул

в траву спусковой рычаг, удерживавший ударник на боевом взводе. Значит, до взрыва — три-четыре секунды. Курсант же словно оцепенел: страх сковал мышцы, тело... Офицер не колебался ни мгновения. Конечно, он мог бы упасть на землю, прикрыть голову каской. Но офицером владела лишь единственная мысль — заслонить, спасти подчиненного. Кинулся к курсанту, обеими руками схватил судорожно сжавший гранату кулак курсанта, чтобы успеть отбросить ее. Не успел. Перед глазами полыхнуло пламя... В госпиталь привезли лейтенанта без сознания. Там перенес состояние клинической смерти. И страшное известие: взрывом гранаты ему оторвало кисти рук».

На самом деле все примерно так и было. Только курсант был левшой. И кинуть гранату правой рукой он просто не мог. Поэтому он и попытался переложить её в левую руку для броска. Но отпустил чеку. И растерялся. После чего прогремел взрыв. Замполит выставил вперед руки, но гранату выбить не успел. Мы положили их на плащ-палатки и бегом понесли к дороге. Каждая секунда была на счету. Далее их отвезли в санчасть. Через пару дней в клубе состоялись траурные мероприятия, и гроб с телом нашего сослуживца был отправлен на родину. Это была первая смерть человека на моих глазах. Да еще человека, с которым я отслужил вместе не один месяц. В такие минуты особенно глубоко осознаешь, что армия — это не игрушка, да и жизнь сама по себе тоже не развлечение.

Что касается замполита, то он еще при мне вернулся в часть. Был награжден орденом Красной Звезды. Ходил в черных лайковых перчатках, натянутых на протезы кистей. Впоследствии он уехал учиться в академию.

Легко было кидать лимонку из танка. Открываешь люк, кидаешь гранату, люк закрываешь. Броня крепка, и все нормально. Рассказывали армейскую байку, в которой каждый рассказчик был свидетелем. При одном гранатометании из танка граната с взведенным запалом выскочила из рук и упала внутрь танка. Раздался взрыв внутри, наблюдающие с вышки офицеры на глазах поседели. Когда рассеялся дым над башней, из нее вылезли курсант и офицер-инструктор без единой царапины. Как и где они спрятались внутри танка и не получили осколок, сами они сказать не смогли. Байка, но в ней намек: в любой ситуации, до последнего, старайся выжить.

Кроме всего, на полигоне мы изучали разнообразную технику: танки, бронетранспортеры, боевые машины, артиллерийские установки и минометы. Как говорил капитан Смелый, для разведки не должно быть неизвестных видов вооружения и техники.

После полигона взвод выдвигался в часть, где в свободное до обеда время чистили оружие и приводили себя в порядок.

Теоретическая подготовка.

Обед начинался в два двадцать пополудни. Как всегда, быстро и без особых изысков. Следует отметить, что та еда, от которой мы отворачивались в первые дни, стала вполне съедобной и даже вызывала потребность в добавке. Наш рацион был сформирован таким образом, что практически все молодые резко стали прибавлять в весе, причем в мышечном весе.

После обеда час свободного времени. Можно было посидеть в курилке и потрепаться за жизнь. С особой теплотой в этот момент вспоминались пионерские лагеря из недалекого детства, где присутствовал «тихий час», которого так не хватало в армии.

Свободное время пролетало незаметно, и его сменяли теоретические занятия в казарменном классе. Первой шла политинформация. Мне, как человеку с незаконченным высшим образованием, частенько выпадало право ее вести. В Ленинской комнате всегда были свежие газеты: «Красная звезда», «Правда» и «Комсомольская правда». Из них выбирались основные тезисы о международной обстановке и внутренних успехах партии и правительства, которые собственными словами доводились до личного состава. Под это дело можно было отпроситься со строевой подготовки, объясняя командирам, что это дело ответственное и за десять минут политику партии не расскажешь. А потом сидеть с умным видом в Ленинской комнате и перелистывать газеты. После политинформации изучали тактико-технические характеристики своего оружия. Изучали оружие потенциального врага, которое практически ничем не отличалось от нашего вооружения. А для нас в тот момент ближайшим потенциальным врагом был Китай. Одна из задач войсковой разведки – захват «языка» на вражеской территории. Мы должны были знать, кого мы берем в плен. А для этого изучали, как выглядит китайская военная форма и их знаки различия. По разговорникам для служебного пользования пытались учить китайский язык. Ложись, руки вверх, иди прямо,

каким языком владеешь, владеешь ли русским языком — тан-гхуя, юги шоу лай, зуй захуай, сжима хуей ухая, нихуй нога инда хулена - вызывало у нас продолжительное веселье.

Смех вызывал и следующий момент. Офицер, проводящий занятия, тихим голосом говорил: «Все, кто спит» и после паузы орал: «ВСТАТЬ!». Если ты задремал или уснул, то первой части команды ты не слышал, а вот вторая вызывала бурную реакцию, и ты вскакивал как черт из табакерки. И каждый раз несколько человек на этом ловилось, что черевато было мытьем полов, чисткой туалета и другими легкими наказаниями. Можно было получить и наряд вне очереди, что зависело от настроения докладчика.

Сложным предметом для обучения была картография. Мы как разведчики должны были ориентироваться в топографических картах с закрытыми глазами. А их нумерация, секретность и другие нюансы были сложными для восприятия. Да и необходимость все это запоминать отбивалась мыслью: ну каких языков придется брать при моей службе и тем более участвовать в диверсионной деятельности? В мире все хорошо. Войной не пахнет. Да и у кого возникнет мысль воевать с нашей страной? А при ядерной войне лазить в тыл к врагу нет необходимости.

Кроме тактических, политических и военных наук, были занятия по психологии. Из нас готовили командиров младшего звена, и мы должны были уметь общаться с подчиненными. Для этого существовало три способа влияния. Первый — Личный пример. Второй — Убеждение. Третий — Принуждение. Рекомендовалось применять сразу третий, так как первые два были не совсем эффективны. Самый главный армейский закон состоял всего из двух пунктов. Первый —

командир всегда прав. Второй — если командир не прав, то смотри пункт первый. Особое внимание необходимо уделять душевному состоянию подчиненного. Чаще беседовать с ним о личной жизни, интересоваться делами у него дома. Такое обучение было неспроста. Частыми были случаи, когда боец получал письмо от своей девушки или друзей, в котором говорилось, что она выходит замуж, не дождавшись его. Боец замыкался в себе, переставал общаться с окружающими и, выждав удобный случай, прихватив автомат с патронами, отправлялся к себе домой выяснять отношения. Такие бегуны были крайне опасны. Их мало что могло остановить. Наша рота участвовала один раз в поиске такого брошенного. Сутки мы стояли в оцеплении станции Отар, пока офицеры совместно с милицией прочесывали каждый проходящий поезд. У нас прошло спокойно. Беглеца взяли на другой станции. Некоторые добирались до дома, где их уже ждали. Особо настырных индивидуумов, которые пытались прорваться домой с применением оружия, уничтожали при задержании.

Следовало также обращать внимание на солдат, которые могли затаить обиду на сослуживцев. Из-за дедовщины или насмешек. Такие выплескивали свои обиды на стрельбах или в карауле, расстреливая своих обидчиков и всех, оказавшихся рядом.

Теория наглядно была подтверждена практикой. Служил в соседнем взводе парнишка. Призывался он из города Сухиничи, а может Думиничи Калужской области. Ничем не отличался от других. Спал он в нашем кубрике. И вот стали с ним происходить странные вещи. То сам вызовется пол

мысль в казарме, то на развод выйдет, мол, хочет он поработать на подсобном хозяйстве. То придет к старшине в каптерку со словами: «Старшина, давай парадную форму, скоро домой поеду».

Присматривать за ним стали. Оружие перестали выдавать. И однажды вечером, когда почти вся рота собралась в бытовке, занимаясь подготовкой к завтрашнему дню, подошел он к своему земляку, приобнял за плечи и тихим голосом, который слышали все, спросил:

— Коль, а знаешь, чем мы с тобой ото всех них отличаемся?

— Чем?

— Мы с тобой на дембель поедем, а они сегодня последнюю ночь спят.

От такого объявления стало не по себе. Так он еще и у нас спит. Был срочно составлен график ночных дежурств. Каждый должен был не спать полчаса. После чего будить соседа. Моя кровать была посередине кубрика, так что очередь подошла к часам двум ночи. После того как сосед разбудил меня, я тут же разбудил другого, и продолжил спать. Есть у меня основания полагать, что так делал весь взвод. Ночь прошла спокойно, а на следующий день его отвезли сначала в местную санчасть, потом в окружной госпиталь и через три месяца его комиссовали по психическому заболеванию. В общем, как он и говорил, так и поехал скоро домой. Прикидывался он или реально тронулся головой, знает только он один.

После теоретических занятий маршировали на ужин. Ужин не отличался деликатесами и разносолами. После ужина дорога до казармы занимала несколько кругов по

плацу. Наступало время строевой песни. Полагали, что строевая песня не только сплавливает коллектив, но и активно прочищает легкие. Вот и топали по асфальту сотни курсантов, вспоминая песни военных времен и относительно свежие, про девчонку, которой не надо плакать, а надо ждать, пока не пройдут дожди. После чего направлялись в казарму. Начиналось так называемое личное время. Что в него входило:

Стирка портянок хозяйственным мылом, расстилая их на кафельном полу в умывальнике и натирая танковой щеткой, щетина которой могла посоперничать с железной проволокой. После чего развешивание их в сушилке так, чтобы не перепутать с чужими портянками. Подшивание подворотничков. Глажка гимнастерки. Чистка ваксой сапог. В обязательном порядке написание писем домой. Офицеры следили за этим строго. Логика была простая. Нетерпеливые родители, не получив от сына долгожданной весточки, начинали бить во все колокола, отправляя запросы во всевозможные инстанции, в том числе и в Министерство обороны. Оттуда, снежным комом из взысканий и выговоров, все докатывалось до части и накрывало непосредственных командиров. А еще были коллективные ответные письма. Чуть ли не с каждой почтой приходило письмо от какой-нибудь девицы на адрес части. В графе «кому» стояло — «Солдату с фамилией на букву «А» в первой роте», или «Первая рота. Андрею», или что-то подобное. Такие письма зачитывались вслух, и если никто не изъявлял желания персонально вступить в переписку, то отвечали всей ротой. Иногда письма были от девичьих коллективов из училищ или техникумов. В таких случаях переписку в свои руки брал замполит роты. В

результате налаживалась связь между армией и трудовым коллективом, доказывая правоту лозунга — «Народ и Армия — едины».

Ровно в 21.00 обязательный просмотр программы «Время» перед телевизором, висевшим под потолком в коридоре. Все рассаживались на личных табуретках и полчаса приобщались к новостям. У телевизора был отломан переключатель программ, и посмотреть что-либо другое было невозможно. Впрочем, альтернативы и не было. Да и желания особого не возникало.

В 22.00 вечерняя поверка, где, услышав свою фамилию, ты должен был громко и четко ответить: «Я». Далее следовала команда «РОТА, ОТБОЙ!», после которой ты должен был взлететь на второй ярус, накрыться одеялом и ждать команды «направо» или «налево», выполнив которую, повернуться на указанный бок и уснуть. Взлет на свое место осуществлялся двумя способами. Сбоку с прохода, опираясь руками о кровать, как на брусьях, закидывая тело на матрац. Самым быстрым был другой способ. Нога на спинку кровати нижнего яруса. Руки хватают спинку кровати верхнего яруса. Толчок ногой, рывок руками. Секунда — и твое тело приземляется на кровать, перелетая через спинку кровати. Каждый в детстве строил летом домики, а зимой пещеры в снегу, куда можно было спрятаться ото всех. Таким домиком нам служила обычная кровать, где ты мог повспоминать о прошлой жизни на гражданке или помечтать о тех далеких временах, которые наступят после дембеля. Только такие моменты были редки по причине того, что ты начинал спать еще в полете, и когда голова касалась подушки, первый сон был уже в разгаре.

Как только из расположения роты уходили офицеры, происходил подъем тех, кто получал замечания в течение дня. Для них сержанты предлагали стандартный набор: мытье туалетов, натирка мастикой полов в Ленинской комнате и комнате для занятий, да и другие разнообразные развлечения. Особое место занимало мытье коридора. Хотя это и было в обязанности дневальных, но чаще пол мыли в качестве исправительных работ. Пол был деревянный и некрашенный. А это означало то, что за день на нем оставалась куча следов от грязи и от сапог. Технология мытья была простой. В тазу с водой растворялось хозяйственное мыло, после чего танковыми щетками мыльная жидкость втиралась в пол. И после того, как это впитывалось в доски, аккуратно соскребывалось стеклами или острыми краями каблуков, полученных в каптерке. После чего пол протирался чистой тряпкой. На все про все уходило от двух до пяти часов, в зависимости от сноровки. У меня на это уходило около трех часов. И за несколько часов до подъема можно было поспать. Спать в армии первые полгода службы хочется постоянно. Каждая возможность поспать используется полностью. И не важно, сидишь ли ты в кузове грузовика или в местном клубе. Сон мог тебя накрыть и во время движения в строю. Идешь с открытыми глазами, попадая в ногу со всеми, а твое сознание отдыхает, блуждая в царстве сна.

Вот таким образом шел день за днем. Основной принцип в армии состоял из двух лозунгов: «Не можешь — научим». «Не хочешь — заставим». Если что-то отсутствует — рожай. Суббота и воскресенье практически не отличались от будней. Из радостных отличий — подъем на час позже. Из пе-

чальных событий — по субботам, как правило, ПХД — парково-хозяйственный день. В этот день наводился порядок во всех местах, куда не дотягивались в будни. В один из выходных дней коллективный просмотр старинных советских кинофильмов в клубе, где храп иногда забивал звук. На праздники офицеры-затейники устраивали нам разнообразные развлечения. В основном это были праздничные кроссы на пять или десять километров. Отсутствие занятий в воскресенье заменялось массовой стиркой. По субботам — холодная баня. Вот и весь распорядок. Даже Новый 1979 год не внес особого разнообразия. Вечером сдвинули столы в классной комнате и накрыли их разнообразными яствами, состоящими из печенья, недорогих конфет, пряников и лимонада. На десерт подали чай. Все офицеры роты в парадной форме поздравили нас с Новым годом, и как только стол опустел, испарились. Возможность подольше поспать компенсировала отсутствие традиционного шампанского и ночного гулянья.

Наряды.

Несколько раз каждый из нас становился дневальным по роте, основная обязанность которого была стоять на тумбочке перед входом и орать со всей силы при входе офицера в казарму: «Рота, смирно! Дежурный по роте, на выход!». В зависимости от звания на встречу с офицером вылетал или сержант, или командир роты с рапортом об отсутствии нарушений и замечаний. Стояние на тумбочке преследовало и другую, более важную цель. Напротив тумбочки находилась

оружейная комната, за которой необходимо было иметь постоянный контроль. К этим двум святым обязанностям прибавлялась необходимость выполнять все указания дежурного по роте в части поддержания чистоты и порядка. Благо, дневальный был не один. Дневальных было двое. Так и приходилось в течение суток, сменяя друг друга, выполнять все возложенные на дневальных обязанности.

Основное разнообразие наступало каждый четвертый день, когда рота заступала в наряд. Накануне на построении зачитывались списки, кто куда направляется.

Весь список я уже не помню, но основные направления — это караул, наряд на кухню, наряд на подсобное хозяйство, в патруль и так, по мелочи. Из мелочей один раз занесло в котельную на сутки кочегаром. Котельная — это сильно сказано. Метрах в ста от казарм, в степи, стоял металлический гараж размером под грузовой автомобиль. Внутри котел, отапливаемый углем. Уголь на улице. Был еще топчан для отдыха в метре от топки. Переплетение труб с манометрами. И все. Именно когда я там находился, из строя вышел насос, который на выходе гнал горячую воду по казармам, получая на входе холодную. Мороз в ту ночь был сильный, и температура в казармах упала до десяти градусов тепла. Дежурный по части обвинил в этом нас, мол, мы спали и не разогрели котел. Для опровержения голословных обвинений мы с напарником поддали жару и с ужасом стали наблюдать, как стрелка давления в котле уходит в красную зону. Потные и разгоряченные, набросив на себя шинели, мы выскочили на улицу. Вместо обещанного теплого местечка, мы час стояли в отдалении от котельной, в ожидании, когда рванет или остынет. Утром, выявив причину, с нас

сняли все обвинения. Однако подхваченная ангина уложила меня на несколько дней в санчасть.

Основной мечтой каждого заступающего в наряд была кухня. Приходилось носить как веник, постоянно мыть столовую, посуду, чистить картошку. Таскать продукты со склада и помой из столовой. Эта выматывающая работа вознаграждалась возможностью наесться до отвала. За все время учебки я был в наряде на кухне раза три. Запомнилось, как перед Новым годом, когда в Москве трещали сорокоградусные морозы, мы сидели на лавочке при градусах десяти тепла, болтали про жизнь, а внизу, в трех километрах от нас, по железной дороге Москва — Алма-Ата проходили пассажирские поезда. И я, обдуваемый теплым ветерком, завидовал пассажирам, которые через три дня будут в Москве. Нахлынувшие в этот момент воспоминания были о чем-то далеком и теплом, и казалось, что та другая жизнь безвозвратно закончилась и стала недоступной.

Особо часто наслаждаться кухонными нарядами не приходилось, так как наш взвод будущих командиров отделений войсковой разведки, по мнению командования, должен был быть на острие тягот и лишений армейской службы. Поэтому наше основное место дислокации было в караульном помещении, расположенном километрах в пяти от войсковой части. После развода в семь часов вечера, предварительно получив под счет шестьдесят патронов к автомату (два магазина — один в автомат, другой в подсумок), мы размещались в старинном открытом бронетранспортере «БТР—152» и, прыгая по проселочной дороге на скорости пешехода, выдвигались в караульное помещение. Неудивительно, так как эта машина была снята с производства пятнадцать лет

назад. Когда наша старушка не заводилась, то для доставки и развозки использовался БРДМ — боевая разведывательная дозорная машина. Иногда просто грузовой автомобиль с тентом. В любом случае, на морозе было ужасно холодно. Не спасало ни теплое белье, ни шинель. И даже «вшивник» — так называлась неуставная теплая одежда, которая поддевалась под форму — не мог спасти от пронизывающего холода. Когда добирались до караулки, все сразу бежали к буржуйке и, отталкивая друг друга, тянули заочевшие руки к спасительному теплу. Весной же все было прекрасно. Наоборот, все оставались на улице и грелись на солнышке. Климат в этой местности был очень некомфортный. Зимой большой минус, а летом большой плюс. Снег, царапающий сапоги, и пыль, забивающая глаза и рот. Любая царапина на теле человека, то ли от климата, то ли еще по каким-либо причинам, заживала месяцами. И часто служила основанием для отправки в медсанбат с опухшей, фиолетового цвета рукой или ногой. К счастью, на мне все заживало как на собаке, и сия участь меня миновала.

Сначала проезжали полигон, а потом ехали до места, которое на сутки становилось нашим пристанищем. Караульное помещение располагалось в маленьком домике, состоящем из комнаты отдыха, комнаты приема пищи, комнаты для занятий и кладовки для одежды. Отапливалось все печкой-буржуйкой на дровах. График несения караула был следующим: два часа на посту, два часа отдых, два часа занятий. И так в течение суток. Охраняемых объектов запомнилось два. Это гаражи с БМП на полигоне и, конечно, открытый танковый парк километрах в пяти от караула. Открытый танковый

парк — это танковая парковка, огражденная по периметру забором из колючей проволоки. По углам этой площадки сто на сто метров стояли столбы с фонарями, которые раскачивались на ветру, ночью образуя движение теней. Когда я смотрю кинофильм «Операция «Ы» и другие приключения Шурика» и вижу, как там качается фонарь перед складом, я сразу вспоминаю свой пост.

Тебя привозят на нашем старичке к посту. Разводящий направляется вперед и, услышав «Стой! Кто идет?», отвечает, что идет разводящий или начальник караула.

«Разводящий, ко мне, остальные на месте», — не может уgomониться часовой.

После окончания доклада о наличии или отсутствии происшествий идет процедура замены часового, прописанная в Уставе караульной службы до мельчайших подробностей. Первый выход на пост был торжественным и значительным. Я наворачивал круги и гордился собой. Вспоминал прочитанный в начальных классах рассказ «Честное слово». Родина доверила мне важную миссию по охране военного имущества. Вот бы кто-нибудь напал! Я бы применил оружие, согласно уставам, и защитил бы от преступного посягательства военную технику. Может быть, получил бы ранение и поехал с медалью домой. За мужество и героизм, проявленные при защите танков от вражеских посягательств. С каждым разом на смену гордости приходило желание спрятаться в укромном местечке и охранять себя и свой автомат. Теплым днем это было несложно. Но зимней ночью, когда температура опускалась ниже тридцати градусов, ходить, хоть и в валенках и армейских белых овчинных тулупах,

было не совсем уютно. При сильных морозах срок уменьшался с двух часов до часа, но от этого не становилось теплее. Мелькали тени. От мороза металл танков щелкал, хрустел и скрипел. Сильный ветер завывал, неся поземку. И ни одного огонька вокруг до горизонта. Только внизу, километрах в пяти проходила железная дорога на Москву с достаточно интенсивным движением. Время на посту останавливалось. Ходишь, ходишь вокруг, думаешь, что скоро смена, а посмотрел на часы — прошло всего минут десять. Категорически запрещено было курить на посту, но это не останавливало. Прятали сигареты кто как мог. Сигарета на посту — это семь минут. И все равно стрелки на часах отказывались двигаться. Врут ученые, что время — это величина постоянная. Как что хорошее, так стрелки в пляс. Как караул — так остановка. Два часа перед буржуйкой в караулке проходили в пять раз быстрее, чем два часа на посту.

В морозную ясную ночь я никогда ни раньше, ни потом не видел такого звездного неба. Млечный путь пересекал небо яркой, широкой белой полосой, в которой отчетливо высвечивали звезды. Звезд было так много, что небо скорее было белым, чем ночным. Казалось, что этот белый свет обволакивает тебя со всех сторон, как дым от костра. Перед твоими глазами открывается вся Вселенная. И ты ловишь взгляд жителя далекой планеты другой галактики, который так же, как и ты, сжимая щупальцами свое оружие, смотрит в небо, охраняя желеобразные танки в форме медуз. Все созвездия были настолько отчетливо видны, что, казалось, протяни руку, и всё будет у тебя на ладони. Вселенная обволакивает тебя, и мерцающие звезды манят тебя: «Иди к нам!». И вот я несусь среди звезд, облетая стороной кометы.

Комета — это такси между обитаемыми мирами. Когда цивилизация истощается, то вся ее история записывается на молекулах воды. Электроны вращаются вокруг ядер, как каретка в пишущей машинке, постоянно записывают происходящее вокруг. В какой-то момент гравитация Земли отключается, и вся масса воды с планеты уходит в космос в поисках другой удобной станции. Наша Земля такая. Такси в виде Луны стоит с включенным двигателем, чтобы окружить себя водой морей и океанов и отправиться в дальнее странствие.

— Шеф, притормози на пару миллионов лет. Мы быстро. Вроде место хорошее.

Я пролетаю черную дыру и слышу звук. Звук в вакууме не может быть. Навстречу мне летят два огненных шара. Что-то в этом настораживает, и я в последний момент открываю глаза. Вовремя. Ко мне приближается наш тархтящий караульный транспорт, высвечивая в ночи дорожку двумя фарами.

— Стой! Кто идет? Разводящий, ко мне, остальные на месте, — еле успеваю я прокричать, возвращаясь с небес на землю.

Однажды в такую ночь я увидел на небе огромную яркую луну, которая быстро увеличивалась в своем размере. Надо сначала себя ущипнуть. Больно. Значит, не сплю. Это было похоже на облако идеально круглой формы, которое достаточно быстро росло в своих размерах. Стало понятно, что это не луна, а что-то другое. Через некоторое время белое пятно достигло громадных размеров, сначала коснувшись горизонта, а потом закрыв все небо, став менее ярким. Сквозь побелевшее небо проглядывали отдельные звезды. Еще несколько минут, и белизна на небе исчезла. Что это

было, для меня до сих пор загадка, хотя это видел не только я один. Все, кто стоял на посту в это время, наблюдали это явление. Это мог быть инверсионный след от запуска космического корабля с Байконура, который располагался недалеко от нас. Это могла быть реакция верхних слоев атмосферы на ядерные испытания в Семипалатинске. Это могло быть все что угодно. Но это зрелище было феерическим, пугающим и захватывающим одновременно.

В свободное от постов время учили устав караульной службы наизусть, и при первой возможности спали или на топчанах, когда разрешалось, или среди тулупов в кладовке, когда спал начальник караула. А самое незабываемое — это сесть у буржуйки и, насадив на пруток кусок хлеба, обжарить его на огне до черной корочки и с удовольствием грызть.

Вот так, день за днем, проходила служба. Командиры работали с нами круглосуточно. Особенно политработники. Мы как младшие командиры должны были быть примером и четко доносить линию партии и правительства до подчиненных. Следили они и за нашим моральным обликом. И даже отправляли вот такие письма родителям.

Уважаемые родители.

Ваш сын прибыл в воинскую часть для выполнения почетного долга гражданина Советского Союза.

Служба в Советской Армии высоко оценена советским народом. Это школа, где воспитываются у воинов высокий моральный дух, физическая выносливость и закалка, мужество и отвага. Командиры постараются привить эти качества и вашему сыну.

Чтобы помочь молодому воину развить в себе положительное, избавиться от недостатков, воспитателям

необходимо знать хорошие его индивидуальные качества. Поэтому мы просим вас откровенно и подробно рассказать о личных качествах вашего сына, его наклонностях, увлечениях, особенностях характера, о среде, в которой он общался, а также о слабостях и недостатках, от которых ему надо помочь избавиться.

Мы обращаемся к вам, а также ко всем близким вашего сына, своими письмами, родительским советом, напутственным словом в его адрес помочь ему честно и добросовестно выполнять свой воинский долг, поддерживать у него бодрое настроение.

Искренне желаем вам доброго здоровья, успехов в труде, благополучия и счастья.

С уважением,

Командир взвода

Заместитель командира по воспитательной части

Шел коренной перелом сознания. От юношеского — я личность и все крутится вокруг меня — к осознанию, что я в армии такой же, как все, и я кручусь вокруг всех. Даже мысли в голове ходили строевым шагом. Раньше меня пугали, что армия убивает личность. Нет. Армия личность не убивает. А то, что нас не убивает, делает нас сильнее. Как в армии говорится в переводе на культурный язык: «Нас имеют, а мы крепчаем». И получалось, что выжить ты можешь только в одиночку при обязательном единении со всеми остальными. Ноль в составе бесконечности.

Что касается людей, окружающих меня, и с которыми я делил тяготы армейской службы в учебке, то время стерло

их лица. Заслуживающих внимания их поступков и действий тоже практически в памяти не сохранилось.

Запомнился один из сержантов, отличающийся умом и сообразительностью. Однажды засорился туалет. Попытки пробить трубу толстой проволокой не увенчались успехом. Тогда он предложил радикальный способ. Смысл был в том, что когда взрывпакет упрется в засор и рванет, то силой взрыва пробку вышибет и все будет как надо. Типа они всегда так делали. Сказано — сделано. К концу проволоки был привязан взрывпакет, зажжен бикфордов шнур, и, пока горит шнур, этот взрывпакет засунули в трубу до упора в засор. Полроты сбежалось смотреть на этот радикальный способ прочистки канализации. В предвкушении зрелищ и я высунул свой нос из-за спин сослуживцев. Раздался взрыв и — нет, не этого результата мы ожидали — все содержимое трубы изо всех дырок выплеснулось наружу, забрызгав потолок и всех наблюдателей. Никогда я не был в таком состоянии. Да, грязью меня поливали, но что бы в прямом смысле — впервые. Только то, что он сержант, помешало засунуть его головой в ту же трубу. Потом, отстирываясь и отмываясь холодной водой, ржали весь день. Очередной преподан урок, что инициатива наказуема, что в армии надо держаться подальше от экспериментов, и хотя решение командира и принимается без обсуждения, но мозги отключать нельзя.

До окончания учебки оставалось чуть более месяца. Командиры во мне души не чаяли. Обо мне как отличнике боевой и политической подготовки писала даже гарнизонная газета «Гвардейская слава». Я с удовольствием привожу текст этой статьи:

«Комсомолец, рядовой, по праву числится одним из лучших воинов этого воинского подразделения. Глубина его знаний, прочность навыков, опыт и отношение к воинской службе являются своеобразным эталоном для каждого воина подразделения. Его действия в поле, умелое владение техникой и оружием — пример достойный для подражания.

В армию Андрей пришел не сразу после школы закончил три курса учебного заведения. А значит, кое-какой опыт удалось приобрести. О том времени воин вспоминает неохотно, так как чувствует, что сложившиеся, мягко говоря, неблагоприятные из-за легкомысленного поведения обстоятельства «на гражданке» полностью зависели от него самого, «слишком был самоуверен, напорист» — говорит Андрей, когда спрашивают о причине, которая вынудила оставить на время учебу.

А в армию пошел по собственному желанию, с большой охотой. От отца, кадрового военного, не раз слышал, что здесь проходишь хорошую жизненную школу, получаешь настоящую закалку характера. Заметим, если юноши приходят в армию выполнять свой гражданский долг с такой целью и желанием — из них получаются отличные воины—специалисты.

Не стал исключением в этом вопросе и Андрей. Добросовестно относиться к занятиям, стремиться качественно усвоить все, чему учат командиры, перенимать лучший опыт товарищей по оружию.

Служить на совесть, как велят уставы и присяга, каждый свой шаг мысленно сверяет с моральным кодексом строителя коммунизма.

Однажды Андрея вызвал к себе офицер политработник. Он давно держал на примете этого способного солдата. Посмотрев на него, офицер сказал:

— Вы считаетесь одним из лучших воинов, грамотны в политических вопросах, трезво мыслите, даете правильную оценку поступкам товарищей. Не возьметесь ли выпускать боевой листок взвода? Вашим помощником будет рядовой Дадеко.

— Постараюсь!

С того момента на воина легла большая ответственность. Хоть небольшим по размеру кажется листок, но не зря носит название «боевой». И надо видеть реакцию нерадивых на появляющиеся в листке критические замечки. Хочешь не хочешь, а ответ перед воинами—сослуживцами отстающие держат, объясняют причину появления их фамилий в заметке, дают слово исправиться.

— С первых дней службы я обратил внимание на то, что рядовой не любит послаблений в ратной жизни — рассказывает офицер политработник — Выбирает те участки работы, которые на самом деле требуют наибольшего физического и морального напряжения.

Хороший спортсмен, отличный стрелок и редактор боевого листка комсомолец Андрей постоянно старается идти в ногу с жизнью страны. Сегодня он участвует вместе со всеми в выборах депутатов в Верховный Совет СССР. А до этого дня он принимал активное участие в пропаганде выборов, сам научил и ознакомливал товарищей с порядком голосования, с биографией кандидатов в высший орган нашей власти. На своем посту активисты

немало приложили усилий для того что бы социалистические обязательства, принятые воинами ко дню выборов, были выполнены. Поэтому в каждом выступлении Андрея скрупулезно анализировался ход боевой учебы, вскрывались недостатки в политической подготовке.

Рядовому многое предстоит сделать в службе, которая пока исчисляется несколькими месяцами. Но отношение к обязанностям солдата Вооруженных Сил СССР он понимает правильно. И верится. Что с верно выбранного пути он не свернет». (Орфография оригинала).

Эта газета вышла к выборам в Верховный Совет СССР, которые состоялись 4 марта. Я впервые в жизни принимал участие в выборах. Когда стояли в очереди в клуб, где располагался избирательный участок, ко мне подошел замполит батальона.

— Андрей, у меня к тебе просьба. Надеюсь, ты меня поймешь, — обратился он ко мне.

Взяв бюллетень и зайдя в кабинку для голосования, я выполнил его просьбу. Те, кто подсчитывал голоса, с огромным воодушевлением прочитали на обратной стороне бюллетеня — «Слава Коммунистической партии Советского Союза». Интересно, что было бы на их лицах, если бы вместо «Слава» я написал «Долой». И как бы сложилась в дальнейшем не только моя судьба, но и всех командиров и политработников полка, да и дивизии.

Вот такой я был глазами командиров. Как говорится, «пользовался заслуженным авторитетом», и не только у командиров, но и у сослуживцев. Замполит, ко всему прочему, предлагал мне вступить в КПСС. Была разнарядка на одного солдата срочной службы. Я под эту разнарядку подходил по

всем параметрам. Две рекомендации получить было несложно. Дальнейшая моя судьба была всем понятна. В войска для дальнейшего прохождения службы не еду, а остаюсь сержантом в учебном разведывательном взводе для последующего обучения молодого пополнения, которое заедет на наше место. Становлюсь кандидатом в партию и личным примером вдохновляю курсантов на ответственную отдачу священного долга перед страной. Такая перспектива не очень прельщала, но это было лучше, чем попасть куда-нибудь в пустыню или на китайскую границу. Все бы так и было бы, если бы не один вечер, который все перевернул.

Перелом.

В середине апреля, перед самым отбоем, поступила команда на построении на плацу части. Был выстроен весь полк, в том числе и рота постоянного состава с оркестром. Перед строем нервно прохаживались командир полка и начальник штаба полка. Когда все построились, начштаба вышел перед строем и произнес речь:

— «Товарищи солдаты! Сложилась ситуация, от которой многое зависит, в том числе и ваше распределение в войска. Завтра утром наша часть должна представить списки личного состава в штаб округа. Но списки эти не готовы, так как машинистки штаба отсутствует. Поэтому прошу вас сделать шаг вперед тех, кто умеет печатать на печатной машинке».

Строй не шелохнулся. Да и кто мог иметь опыт печатания, если в то время печатная машинка была недостижима в городе, не говоря о деревнях и аулах. Мало того, все ма-

шинки были на учете в органах, и их необходимо было сдавать на праздники в специальные хранилища. Для обучения машинописи в стране были специальные профтехучилища, которые готовили секретарей-машинисток.

В уже далекие на тот момент студенческие годы встречался я довольно продолжительное время с одной студенткой с другого факультета. У нее в комнате общежития, где она проживала, стояли две печатные машинки, на которых она подрабатывала, имея специальность машинистки. В школе, которую она заканчивала перед поступлением в институт, у девочек была соответствующая профориентация. Печатала по 20 копеек за лист. Каждый вечер она печатала свою норму из пяти листов. Сначала я просто сидел рядом и с нетерпением ждал окончания работы. Смирненно сидеть рядом, когда гормоны бурлят внутри молодого организма, было невыносимо. Для ускорения процесса я стал осваивать машинопись. Первый лист я печатал несколько дней, долго выискивая нужную клавишу с последующим тыканьем в нее одним пальцем. Запомнив расположение букв на клавиатуре, стал тыкать указательными пальцами обеих рук. Со временем подключились другие пальцы. Через месяц я уже сносно печатал. Не слепым методом, десятью пальцами, но не одним точно. Правильная мотивация располагала к интенсивному обучению.

Вот и на плацу, проникшись речью начштаба, вспомнив свои навыки, сделал шаг вперед. Интересно, сколько раз в жизни человека дано сделать шаг вперед? Это был ничего не значащий шаг. Не выбор добровольцев на смертельное задание. Не набор в космонавты. А просто обыденная ситуация. Подумаешь, заболела машинистка. Но от этого шага

все пошло совсем по-другому. Практически всегда можно сделать шаг назад. Развестись, уволиться, сменить место жительства и т.д. и т.п. Но это оказался не тот случай. Сделал бы я этот шаг, если бы знал, к чему это приведет? Риторический вопрос.

Меня посадили в командирский уазик и повезли через весь гарнизон в штаб. Объяснили задачу и оставили на всю ночь один на один со списками и пишущей машинкой. Где-то к часу ночи работа была закончена, кроме последней страницы. Я спокойно лег спать на столе в ожидании утра, предупредив дежурившего по штабу сержанта, чтобы он меня сразу разбудил, как появится первый офицер. Что и было сделано. Я сел за машинку, и когда в кабинет зашел начштаба, я допечатывал последний листок. Начштаба засиял, когда увидел готовые списки. И то, что я, по его мнению, печатал всю ночь, позволило получить мне отдых на весь день. Я добрался на машине дежурного по части до казармы, где и завалился спать на свою кровать, что категорически запрещалось делать в течение всего дня. Не забыв перед этим плотно поесть в столовой по нормам офицерского довольствия.

С этого дня все пошло совсем по-другому. Днем я околачивался в части, а ночью печатал всякую важную фигню. Офицеры части перестали обращать на меня внимание, когда я бездельничал. Все это привело к войне между офицерами части и штабными офицерами. Штабные решили меня держать при себе, а ротный и комбат хотели, чтобы я был сержантом у нового призыва. Одни мне давали постоянно увольнительные, другие прятали меня в санчасти. Понятно, что в таких условиях о войсках речи быть не могло. Я же,

используя ситуацию, наслаждался свободой и беспризорностью. Для одних я был в части, для других в штабе. В конечном итоге победили штабные. Я закончил учебку, получив звание сержанта и знак разведчика 3—его класса.

Мне даже было неудобно перед своими командирами. Ни одного плохого слова про них не могу сказать. Ротный, комбат, замполит батальона — все отличные ребята, старше меня на три-пять лет. А командир нашего взвода удивил своей любовной историей. Он умудрился приударить за дочкой самого главного и «страшного» человека в дивизии — начальника штаба дивизии. Когда начштаба шел по улицам гарнизона, замолкали даже птицы. Ей еще не было восемнадцати лет. В их отношениях Ромео и Джульетта отдыхали. Папа никак не хотел видеть в зятях молодого лейтенанта. Прятал дочкин паспорт. Будущего зятя грозился сослать в далекие части, хотя дальше Отара были только Мары и Кушка. «В Союзе три дыры — Отар, Кушка и Мары», — гласила армейская мудрость. Весь поселок следил за развитием этого сюжета. Но любовь восторжествовала, и, дождавшись совершеннолетия, пара сочеталась законным браком. Я потом лично взводному выписывал отпускные документы, при этом новоиспеченная супруга не отпускала его ни на шаг.

Штаб.

Служить по специальности мне было не суждено. Командир полка сначала спрятал меня в госпиталь в поселке Курдай, а затем, посчитав, что это ненадежно, перевел меня в окружной госпиталь в город Фрунзе — столицу Киргизской

СССР — в ста километрах от моей части. Пересидев все назначения и распределения вдали от дивизионного командования, я был зачислен в штаб на должность делопроизводителя, которую создали специально под меня. Один делопроизводитель уже в штабе был, и я стал вторым. Мне выделили отдельный кабинет, точнее, освободили место в архиве. Воткнули туда стол со стульями, поставив сверху печатную машинку. Меня отдали в подчинение начальнику делопроизводства — старшему лейтенанту с веселой фамилией. Приятным добавлением было денежное довольствие в размере 13 рублей 80 копеек в месяц.

Кроме срочного печатания, мне вменили в обязанности прием почты. Конверты разных форматов, бандероли и посылки в адрес части поступали ежедневно. Я вскрывал каждое послание и после прочтения передавал по принадлежности. Большинство корреспонденции шло на доклад командиру или начальнику штаба. Других обязанностей мне не придумали. Не стоит забывать, что в штабе работали две штатные машинистки. Служащие Советской Армии — две дородные тетки, которые иногда запирались со штабными офицерами в кабинете для совместного времяпрепровождения после окончания рабочего дня. Я переселился в соседний барак, где проживали штабные. Два кубрика, в которых стояли одноярусные кровати и рядом с каждой — персональная тумбочка. Уже не надо было скакать, чтобы забраться спать. Была своя Ленинская комната с телевизором, стоящим на тумбочке, с возможностью переключать программы. Умывальная комната с тремя умывальниками и туалетом, с таким же количеством фарфоровых унитазов в закрываемых кабинках. Это была уже не казарма, а скорее, общежитие.

В правом кубрике располагались человек пять связистов во главе с Тягловым – дедом, считающим дни до отъезда на дембель в свой родной город Алма-Ату.

В левом кубрике, куда я заселился, народу было не больше. Москвич Коля, отслуживший на полгода больше меня и исполняющий обязанности заместителя начальника секретной части штаба. Первый делопроизводитель Али из Татарстана, моего призыва, заполняющий разнообразные бланки, формы, проездные и другие документы. Полковой художник Вадим из Алма-Аты, моего призыва, умеющий писать плакатным пером и отвечающий за художественное оформление в части. Два водителя командирских машин. Вот и весь наш коллектив.

Никто утром не орал про подъем, а вечером про отбой. Не было и вечерних проверок. Служба у всех была не по распорядку. Почти у всех были ночные работы, после которых отсыпались днем. В столовую в часть через весь городок ходили не все. Я как сержант вел колонну на прием пищи. Колонна могла состоять и из двух человек. В армии всё, что больше одного человека, должно ходить строем. В столовой у нас был персональный стол рядом с хлеборезкой. А самое главное было в том, что за нами не было контроля. У каждого был свой персональный начальник, но и ему можно было сказать, что я выполняю задание командира или начштаба. Проверять он точно не будет. А какое дело начальнику связи до меня? У него свои подчиненные. Перефразируя известную пословицу, можно было сказать, что «У семи командиров солдат без глаза».

Я получил постоянный пропуск на право передвижения по гарнизону без права задержания. Не увольнительная, а

пропуск. Теперь я спокойно мог шататься по городку, заходя во все нужные мне места. Почта, буфеты, магазины — все это стало доступно на раз.

Пару раз сходил в гарнизонный дом офицеров на настоящие, только что вышедшие в прокат кинофильмы — «Женщина, которая поет» и «Бархатный сезон». Ну как сходил? Знакомый киномеханик провел через служебный вход.

Так что с мая 1979 года я кардинально сменил образ жизни и образ службы соотносительно обстоятельствам.

Старослужащие постоянного состава, как правило, начинали службу сразу после призыва, не проходя учебу. Их отбирали в первые дни после прибытия в часть. Парнишка, с которым мы вместе призывались, умел играть на трубе и попал в полковой оркестр. Я же был не просто штабным, я был сержантом, прошедшим подготовку на войскового разведчика. И все меня знали еще курсантом. Что касается офицеров, то они тоже знали меня не первый день. В штабе же мои отношения с ними поднялись на новую ступень. Конечно, ведь их рапорта на отпуск к командиру на подпись относил я. И от меня зависело, успеет командир подписать или отложит на потом. И не только рапорта. Многие моменты их службы зависели от моей оперативности.

Напротив окошка дежурного по штабу был узел связи нашей части с позывным «Волокуша». В первые дни Тяглов обеспечил мне связь с Москвой по военной связи. Тяглов — это боец, требующий отдельного описания. Родом из Алматы, он отличался тем, что хорошо имитировал голоса и ко всему относился несерьезно. Рассказывали, что как-то от нечего делать рано утром он позвонил дежурному по части и голосом, похожим на голос командира дивизии, поднял

часть по тревоге. А потом с хохотом наблюдал в окно, как мимо него пробегают офицеры с тревожными чемоданами. Когда все открылось, отсидел трое суток на гарнизонной гауптвахте и вернулся на службу как ни в чем не бывало. Так вот, он соединился с «Приметой» — позывной штаба дивизии - и, представившись генерал-майором Тюкачевым, потребовал соединения с «Акацией» — позывной штаба округа. Там, представляясь генерал-майором Тюкачевым, потребовал соединения с «Рубином» — позывной Генерального штаба. На «Рубине» попросил набрать московский номерок моего брата, с которым я и поговорил, пока кто-то на линии не понял подвох. И такая связь с Москвой стала регулярной.

Весело было, когда он захотел поднять по тревоге батальон химзащиты, где командиром был подполковник Рубеншпаузер. Каков же был наш хохот, когда на фразу «Добрый вечер. С вами говорит подполковник Рубеншпаузер» — в ответ услышал: «А кто тогда я?» Кто же знал, что он соединится с самим подполковником.

Вечерами, когда штаб пустел и делать было нечего, мы собирались у связистов и, разлив чай по армейским кружкам, травили байки и истории из своей жизни. Электрических чайников не было, костер разводить негде, поэтому приготовление кипятка осуществлялось примитивным способом. Карандаш ломался по ширине горлышка нагреваемого объема. По краям вставлялись лезвия типа «Балтика» или «Нева». К лезвиям прикручивались провода, воткнутые другим концом в розетку. Через короткое время кипяток был готов. В редких случаях чай заменялся портвейном. Главное в таких случаях, если вдруг неожиданно появлялся офицер, надо было так же спокойно прихлебывать из кружки, изображая кипяток.

Тяглов в таких случаях тут же предлагал настоящего чая. Ни разу мы не попались с портвейном, а может, нас просто и не хотели ловить. Что потом с нами делать? На гауптвахту нельзя – работа встанет. Не секрет, что штабные офицеры частенько переваливали свою работу на нас.

Штабная жизнь.

Я быстро привел все дела в порядок, получив кучу свободного времени. Почтовая переписка с прошлой жизнью не занимала много времени по причине небольшого количества адресатов. Родители, брат и пара школьных друзей стали моими непостоянными эпистолярными собеседниками. Львиная доля времени уходила на чтение книг. Благо, напротив штаба была библиотека, где работала милая женщина, жена замполита батальона. Старше меня всего на два года. Мы с ней часто общались, обсуждали прочитанные книги, болтали о всякой ерунде. В библиотеке мне был выделен закуток, где я хранил сумку с запрещенными для армии вещами. Там хранилась и гражданская одежда, заботливо отобранная у только что прибывшего молодого пополнения. Использовать по назначению, для самоволок — так называлось самовольное оставление части, пришлось пару раз. Один раз в Матибулак на танцы. Я не знаю, почему мы втроем решили, что там нас ждут на все готовые подружки, но пять километров туда прошли без помех. Обратная дорога по времени заняла минуты по причине быстрого бега после того, как мы убедились, что в местном клубе патрулей оказалось значительно больше, чем местных жителей. Второй раз был такой же авантюрой, что и первый. Сидели

поздно вечером в курилке перед своим баракком и вспоминали гражданку. Слово за слово, и так захотелось вина, что ни словом сказать, ни пером описать. Как по мановению волшебной палочки, подъехал водитель командира полка, которому тут же объяснили план действий. Мы с Али одеваемся в гражданскую одежду, и он нас везет на железнодорожную станцию. Его легко пропускают через все КПП, а мы прячемся под сиденьями. Перед станцией он нас высаживает и ждет. Мы подходим как ни в чем не бывало к вагону-ресторану стоящего поезда и берем вино. Операция прошла успешно, за исключением того, что пришлось выбирать наименование напитка. В ассортименте была десертная «Фетяска», красное «Каберне» и сухое «Цинандали». Компромисс был найден достаточно быстро, и всю оставшуюся ночь мы смогли себя побаловать и десертным, и красным, и сухим.

Во время службы постоянно возникает желание использовать ситуацию для собственного развития, как в интеллектуальном, так и в физическом плане. Изучение английского языка, обучение игры на гитаре и другие благие стремления пропадали так же внезапно, как и появлялись. Такая же судьба постигала и другие порывы, не связанные со службой. А уж сколько раз принималось решение о прекращении курения, не хватит пересчитать пальцев на руках и ногах.

Когда на работе все было отлажено и отработано, пришло время для расширения сферы деятельности. Мною были отработаны несколько направлений по использованию своего служебного положения. Одним из таких направлений была работа с письмами.

Вся корреспонденция из Министерства обороны, штаба округа, штаба дивизии и рапорты от офицеров поступали сначала ко мне на сортировку. Ознакомившись с их содержанием, я формировал папку командиру, сортируя документы по степени важности. Папка получалась внушительных размеров не только от обилия бумаг, но и от того, что командир достаточно редко появлялся в штабе. Когда же он появлялся на короткое время, то осилить всю кучу бумаг за раз не всегда удавалось. Нерассмотренные документы уходили все далее и далее. Поэтому рапорты офицеров на отпуск, по статусу лежащие в самом низу папки, могли попасть на подпись и через день, и через неделю. Но если офицер был понятливый, то за несколько бутылок пива или бутылочку вина его рапорт мог оказаться сверху приказа министра обороны.

Командир полка, увидев рапорт лейтенанта сразу поверх всех бумаг, удивленно обращался ко мне с вопросом: «Это что такое, почему сверху?», на что получал ответ: «Ой, извините, товарищ подполковник. Виноват, исправлюсь. Но раз уж прочитали, то подпишите, пожалуйста». И каждый раз это проходило без сучка и задоринки. Командир уже привык, что сначала я у него подписываю «свои» документы, а потом остальные. Этот вид деятельности приносил постоянный доход в натуральном выражении.

День сменялся другим днем, а я сидел в своем кабинете восемь часов в сутки и не знал, чем заняться. Стал из любопытства изучать архивные документы Министерства обороны, округа, дивизии и родной части. Особенно интересно читать с грифом ДСП (для служебного пользования). Изучив

громадный объем информации, я стал все систематизировать и пришел к интересному выводу. Каждая войсковая часть – это маленький, ничего не значащий элемент громадной системы. Как куча с песком. Она не пошевелится, если от нее забрать совочек песка. Чтобы сотрясти всю кучу, нужен экскаватор или бульдозер. Это было видно по разбору чрезвычайных происшествий в исследованных документах. Экскаватором или бульдозером служило событие, которое затрагивало несколько элементов системы. Событие, произошедшее в отдельном объекте, огласке не предавалось и всячески замалчивалось. Зачем командирам лишние неприятности? Срок распространения последствий после события составлял не более трех месяцев. При перемещении инициатора события из одного объекта в другой все обнулялось. Вывод был очевиден. Все что я сделаю, касающееся моей части, последствий иметь не будет, если не затронет другие части. В течение трех месяцев после действия контроль над ним будет в моих руках.

Проанализировав ситуацию, я понял, что мне не хватает полковой печати. Имея ее, я бы мог многое сделать. От мысли до исполнения один шаг. Полковая печать хранилась в металлическом цилиндре и опечатывалась печатью командира или начальника штаба. Секретная часть, точнее, комната находилась напротив командирского кабинета и кабинета начштаба, точнее, предбанника в их кабинеты. При необходимости они вызывали секретчика с печатью и, штампуя где надо, отдавали на опечатывание. В моей голове созрел план, который я стал воплощать в жизнь. В хозяйственном магазине я купил необходимые материалы. Баночку гу-

талины, эпоксидную смолу и пластилин. Такие покупки не вызвали никаких подозрений. Гуталин, естественно, для чистки сапог. Пластилин использовался для опечатывания помещений и разнообразных ящиков и шкафов. Что касается эпоксидной смолы, то ее использование было связано со структурой животного мира данной местности. В окружающей природе был избыток ползающих, прыгающих и летающих гадостей. Прежде чем поднять с земли камень, обязательно нужно было убедиться в отсутствии под ним скорпиона или паука. Скорпионы были светло-жёлтые, небольшие, но не менее опасные, особенно весной. Эти твари прятались где попало, выползая или выпрыгивая в самый неожиданный момент, благоприятно действуя на работу желудочно-кишечного тракта. Кстати, заползать на шинель они себе не позволяли ни при каких условиях. Эта вся ядовитая братия служила для создания украшений и памятных знаков. В банку ловилась необходимая особь. После того как она сдыхала естественной смертью, ее доставали и укладывали в форму. После чего заливали эпоксидной смолой. После полировки и обработки получался прозрачный камень, с застывшим внутри элементом местной природы. Очень отдаленно напоминающий янтарь с замершим внутри комариком. Только вместо комара – паук или скорпион, вместо янтаря – затвердевшая, светло-жёлтая эпоксидная смола. Так что вышеперечисленные ингредиенты пользовались в местных магазинах уверенным спросом и были всегда в наличии. Гуталин ушел по назначению, а пустая банка была тщательно очищена и плотно заполнена пластилином. Оставалось ждать, когда прапорщика из секретной части не будет и Коля

останется один. При этом командованию понадобится печать. Через несколько дней такой момент наступил. Тех пяти секунд, что Коля нес печать командиру, мне хватило, чтобы сделать глубокий оттиск в пластилине. Дальше все было делом техники. Залив оттиск эпоксидной смолой, после ее затвердения я получил, ничем не отличающуюся от оригинала гербовую печать войсковой части. Штемпельная краска не прилипала к гладкой поверхности, но мелкая наждачная бумага быстро устранила этот дефект. Дело было сделано. Я прекрасно знал, как мне этим богатством распорядиться. И уже летом заработала моя контора «Рога и копыта».

Для проверки сначала набивалась рука проставлением в военных билетах приказов о присвоении знака «Гвардия» и «Отличник СА». Для выявления отличий и неточностей сделанные записи сверялись с официальными. Набив руку в этой мелочевке, постепенно перешел на более ответственные записи.

По правилам, если подразделение по учебному плану занимается на полигоне стрельбами, то командир подразделения должен начальнику полигона предоставить приказ по части о проведении таких стрельб. Бестолковые молодые лейтенанты, командиры взводов, в последний момент вспоминали об этом и бежали ко мне за таким приказом. И я готовил им такие приказы, благо печать была со мной. А подписи командира части и начальника штаба совсем не отличались от подписей, которые ставил я. Благодарили по-разному. От «спасибо» до сигарет и продуктов. Некоторые могли проставить пиво.

Натуральные продукты были хорошим подспорьем в рационе, но недостаточным. Нужны были деньги. Причем таким способом, чтобы ни на грамм не засветиться и не загреметь по полной катушке. И такой способ был найден. У нас в части служило много ребят из Закавказья. В основном на кухне, на складах и в оркестре. Многие из них после демобилизации собирались идти работать в милицию. В милиции им присваивалось звание по военному билету. И соответственно их зарплата в будущем зависела от звания и должности. Вот и поехали на дембель рядовые сержантами или старшими сержантами, в зависимости от наличия денег. Присвоение очередного звания после увольнения в запас стоило пять рублей. Но это не только печать в военный билет. Это переоформленные все документы на увольнение, в том числе и проездные. В этом мне помогал Али, который по штату занимался подобными вопросами. В течение трех месяцев мы ожидали запрос с места прибытия, чтобы соответствующим образом подготовить ответ. Доход распределялся поровну. Так что достаточно быстро у меня появилось некоторое количество денежных знаков.

Еще доходным способом было перенаправление на службу в войска. Когда кого-нибудь из части отправляли в одиночку в войска, то за дополнительную плату мы с Али могли переоформить документы в другое место. Весь комплект документов вместе с документами на проезд. Так мой сослуживец по разведывательному взводу Володька, которого оставили сержантом в учебке, долго добивался отправки в войска. Этого двухметрового сержанта никто не собирался отпускать, пока он не устроил залет, после которого

его сослали на китайскую границу для дальнейшего прохождения службы. За определенное денежное вознаграждение будущим местом его службы стал город Душанбе. И таких было немало, кому мы меняли место службы, согласно их предпочтениям и расположению их родственников. Особенно это касалось ребят из Средней Азии. Многие из них были интересными кадрами. Всю учебку они повторяли только одно слово – «не понимай». Их старались особо не нагружать из боязни, что не так что-нибудь поймут. Поэтому основными нарядами у них были не караул, а кухня или подсобное хозяйство. Но когда они приходили ко мне с просьбой помочь в дальнейшей службе, то я просто поражался их великолепному знанию русского языка.

Но я не только занимался устройством личных дел. Я реально служил и так же занимался физической подготовкой, стрельбой и другими сопутствующими мероприятиями. Постоянный состав, наравне с учебными подразделениями, активно участвовал в жизни полка. Очень мало было причин, по которым можно было отказаться от массовых полковых мероприятий. Праздничный забег на 10 километров с полной выкладкой. Плановые стрельбы постоянного состава. Конкурс полковой строевой песни, в котором постоянный состав был среди первых. Одним словом, нес тяготы армейской службы. В штабе после изучения архивных материалов привел все в идеальный порядок. Отсортировал и подшил все документы, которые валялись как попало. Только не знал, куда деть громадную коробку с бланками постовых ведомостей. Изучив вопрос, я понял три момента. Во-первых, ведомости должны быть оформлены на каждый день, с подпи-

сями командира части и начальника штаба полка, заверенные полковой печатью. Во-вторых, ведомости последний раз заполнялись во времена, когда я еще не знал, что есть точка на карте под названием Отар. В-третьих, ведомости должны храниться не менее года. Такого безобразия я допустить не мог. Задним числом оформив постовые ведомости за время с момента моей службы в штабе, я ежедневно стал заполнять ведомости, заботливо подписывая и аккуратно ставя печать. После чего аккуратно прошивал их на специальном станке.

Жаркое лето подходило к концу. Приближался год моей службы. Скоро из «духов» я должен был перейти в статус «черпака». Налаживалась и личная жизнь. Сначала ко мне в гости приехали мои родители. Сели на поезд и через четверо суток были у меня в гостях. Поселились в гарнизонной гостинице. Посмотрели на мою службу и, получив кучу впечатлений, уехали домой. Особенно при подъезде ко мне им запомнился развалившийся саманный забор, на котором облупившейся краской было написано «Мы идем в коммунизм». С ними в купе, по дороге в Москву, ехал водитель первого секретаря местного райкома партии со своей дочкой. Ехали они поступать в Москву в институт. За четверо суток сдружились, да и был Григорий неплохим парнем. Имел даже свой двухэтажный домик на территории гарнизона, рядом с неизвестным исследовательским институтом, который располагался за глухим забором и охранялся внутренними войсками. Я слышал, что это был научно-исследовательский сельскохозяйственный институт, исследующий особо опасные вирусные инфекции. Они разрабатывали средства и методы защиты от инфекций и экзотических болезней. В то

время никто не знал, что там делают, но когда оттуда сбежала мышка, весь гарнизон был поднят по тревоге на ее поиски. Так вот, Леночка не поступила и вернулась с папой назад. И я был приглашен к ним на ужин, удавшийся на славу, особенно запомнился бешбармак и домашнее вино. Вот я с Леночкой и стал встречаться в свободное от службы время, одним словом, почти каждый вечер. А днем я пропадал в буфете, расположенном напротив нашего штаба в здании Управления наземной разведки, попросту — штабе стройбата. Там буфетчицей работала девушка с шикарным именем Анджела. Отношения с ней были на стадии знакомства и разговоров.

Служба двигалась к своему завершению и проходила без особых приключений, за редким исключением. Например, один из офицеров оставил на время отпуска ключи от своей квартиры, чтобы присмотреть за ней. Там же нами была устроена грандиозная вечеринка. Соседи вызвали патруль, и вся наша команда в полном составе была взята на месте веселья. Только почему-то трое суток ареста получил я один. На гарнизонной гауптвахте я пробыл двое суток. В сержантской камере нас было всего четверо. Два танкиста за пьянку и водитель автобата за самоволку. За исключением строевой подготовки во дворе губы или подметания пыли на улицах гарнизона, остальное время проводили в камере. Среди бетонных стен было прохладно, в отличие от нестерпимой жары на улице. Только резало глаза от запаха хлорки, которой мыли полы в этом милом увеселительном заведении.

Со всеми офицерами и прапорщиками были налажены нормальные деловые отношения. За исключением начальника разведки капитана Смелого. Он не мог мне простить перевод в штаб и первое, что он делал, появляясь в штабе, так это проводил ревизию в моем кабинете. Его справедливому гневу не было границ, когда он нашел у меня на столе, красиво оформленный блокнот с лозунгом «Кто побывал в Отаре, тому не страшен Бухенвальд». Этот лозунг не я придумал, и этот лозунг был известен каждому в Гвардейском. Но получил за него разнос именно я. Блокнот я использовал как еженедельник. Записывал некоторые текущие события. Вел учет переписки с родителями и друзьями. Отмечал свои доходы и расходы. В том числе там были записаны два странных сна, которые я видел несколько раз. За последнее время я окончательно выспался, и мне стали сниться сны. Были сны, которые я забывал, проснувшись. Некоторые были похожи на реальность, и в памяти они оставались не как просмотренное кино, а как прожитый короткий период жизни. Как некое реальное событие.

Два из них стояли перед глазами в течение всего дня и не забывались со временем. Причем снились они без изменений, как будто крутилась одна и та же пленка. И когда начинался сон, я уже знал, как дальше будут развиваться события. Однако изменить я их не мог. В одном сне я видел дорогу в горах, где справа были высокие скалы, а слева насыпь, уходящая вниз к реке. Я карабкаюсь по этой насыпи вверх на дорогу, но камни из-под ног осыпаются вниз, и я сползаю вниз вместе с ними. Заканчивался сон тем, что с дороги мне помогали выбраться наверх, протягивая руку по-

мощи. Я в таких горах до этого ни разу не был, а горные дороги видел только в кино «Кавказская пленница», если не считать Крым и Курдайский перевал. В другом сне я видел падающий пассажирский самолет. Он падал рядом со мной, а я помогал среди горящих обломков спасать людей. Стюардессу я нес на руках и просыпался. Скорее всего, этот сон был реакцией на авиакатастрофу самолетов, столкнувшихся в августовском небе 1979 года. В одном из самолетов летела футбольная команда «Пахтакор», а в другом сестра моего армейского друга Сашки из Душанбе, служившего в оркестре.

В середине сентября в гарнизон приехала комиссия из штаба округа. Все стояли на ушах, особенно высшее командование. От результатов проверки зависело, либо ты идешь по служебной лестнице, либо будешь до запаса сидеть в этой дыре. Не миновала чаша сия и наш полк. Невысокий генерал-майор проверял работу нашего штаба. Сначала он совершил обход всех помещений, потом сел в кресло командира части и стал требовать разнообразные документы. Рядом со столом стояли навтыяжку командир полка и начальник штаба. Я только успевал приносить приказы и распоряжения. В какой-то момент он спросил:

— Я надеюсь, у вас ведутся постовые ведомости?

Мои командиры изменились в лице, понимая, что им пришел конец, так как последний раз они, если их и подписывали, то в далекие времена. И, не дожидаясь их оправданий, я браво отрапортовал:

— Так точно, товарищ генерал майор.

Генерал удивился, почему сержант прыгает впереди офицеров, и нахмурил брови от такого неуставного к себе

отношения. Лица же командира и начштаба пробил паралич. В их головах крутились мысли одна другой страшнее. А как они на меня смотрели! Во взгляде чувствовалась и надежда — а вдруг? и полное непонимание.

— Сержант, принесите ведомости за последние три месяца.

— Есть.

Через полминуты перед ним лежали три аккуратных подшивки с титульным листом, на котором был указан месяц. Лица командиров уже не выражали ничего.

— И что, сержант, командир и начштаба подписывают ведомости?

Генерал уже общался только со мной.

— Так точно, товарищ генерал-майор. Я лично каждый день отношу ведомости на подпись, — отрапортовал я, стараясь не встречаться глазами с командирами.

— Посмотрим. Посмотрим.

Генерал открыл первую папку и стал листать страницы. В конце каждой страницы стояли аккуратные подписи командира и начальника штаба, заверенные круглой гербовой полковой печатью. Я старался не смотреть на своих командиров, которые тоже видели, как они ставили подписи в ведомостях.

— Молодцы! — громко похвалил генерал, — не встречал ни у кого такого порядка.

— Сколько служишь, сынок? — уже по-отечески спросил генерал.

— Скоро год, товарищ генерал-майор.

— Откуда сам?

— Из Москвы, товарищ генерал-майор.

— Ну что же, — обратился он к офицерам, — вам поощрение, а сержанта в отпуск.

Так и закончилась эта проверка. Наш полк по итогам проверки занял первое место.

Когда комиссия уехала, пришла очередь и моя. Командиры, чье самолюбие было затронуто моими действиями, демонстративно перестали со мной общаться. Они не могли понять, как я смог все провернуть. Мысль о наличии у меня второй печати была для них кощунственной. Но это не помешало в конце сентября подписать приказ о моем отпуске в день осеннего приказа о призыве и увольнении. Я получил документы на отпуск на десять суток плюс восемь дней на дорогу туда и обратно. То есть у меня было в распоряжении восемнадцать дней. Начальник штаба многозначительно пообещал разобраться со мной, когда вернусь. Я понимал, что после отпуска моя служба закончится, и продолжать я ее буду в местах, которые не приснятся в страшном сне. Например, на границе с Китаем в поселке Дружба. Хрен знает как далеко от Усть-Каменогорска. Там была единственная граница с Китаем на равнине, так называемый Джунгарский проход. Это место еще называли Джунгарскими воротами. Коридор шириной десять километров и пятьдесят километров длиной. Место, где был возможен массированный прорыв военной техники и живой силы противника. С нашей стороны, впрочем, как и с китайской, по ширине прохода располагался укрепрайон, где служба была устроена по принципу — неделя в окопах — неделя на базе. Задача перед войсками была одна: в случае прорыва противника продержаться в окопах до подхода основных сил.

Мой отпуск начался в статусе черпака. Ребята подвезли меня до станции Отар, где я сел в проходящий скорый поезд. Через три часа добрался до Алма-Аты. Там в аэропорт, и, доплатив разницу между стоимостью билета в поезде и самолете, уже вечером был в Москве.

Отпуск прошел без приключений. Наслаждался гражданской жизнью. Встречался с бывшими подругами. Пару вечеров провел с бывшими однокурсниками. Скучно, неинтересно и незаметно. Какие-то пустые разговоры ни о чем. Чем ближе к отъезду, тем больше я проводил время дома с родителями, наслаждаясь уютом и домашней едой. Самое интересное было то, что мне хотелось быстрее вернуться назад. Впервую очередь, к своим армейским друзьям. В отпуске, в кругу семьи, отметил двадцать один год со дня рождения.

Одним словом, через двадцать дней я снова был на станции Отар. И хоть я опаздывал на двое суток, ужасным образом нарушая дисциплину, я понимал, что хуже не будет. Начальник штаба оказался в отпуске, и у меня еще было время до карательных мер в мой адрес. Ждать пришлось недолго, и майор появился на пороге штаба. В мое отсутствие он время не терял и провел расследование. Сначала его карающий перст обратился в сторону моего непосредственного начальника — старшего лейтенанта. Отбившись от беспочвенных обвинений начальника штаба, тот присоединился к расследованию. Вычислить источник сбоя в системе не составило особого труда. Майор провел соответствующую работу с младшими офицерами, а старлей с дембелями. Вскоре папка с рапортами и объяснительными, указывающими непосредственно на меня, достигла внушительных

размеров. Страшные мысли о наличии второй полковой печати материализовались. После чего перед ними встала дилемма – сдать меня в особый отдел или сбегать в войска. Здравый смысл восторжествовал. Сразу по прибытию начальника штаба я был вызван к нему в кабинет. По его виду было понятно, что он за это время не только не остыл, а наоборот, стал еще более раздражен. Видно было, что его познания в моих способностях значительно увеличились.

— Неси вторую печать, — с порога заявил он мне, всем своим видом демонстрируя брезгливость к человеку, посягнувшему на самое святое.

— Какую печать? О чем вы, товарищ майор? Нет никакой второй печати.

— А это что? — и он открыл передо мной папку. Там лежали рапорты и объяснительные от младших офицеров. В каждой было написано, когда и как я помогал им с приказами на стрельбы. Тут же лежала и папка с постовыми ведомостями.

— Да я тебя! Да я сейчас все документы передам в особый отдел! Да ты в лучшем случае пойдешь в дисциплинарный батальон, а в худшем в тюрьму, — стал он повышать на меня голос, срываясь на крик.

— Товарищ майор, если вы меня сдадите в особый отдел, то сяду не только я. Думаю, что за халатное хранение печати пострадают многие. Так что давайте я отдам печать, а вы меня просто отправите в войска, и кроме нас об этом никто не будет знать.

Пока майор думал, я сходил за печатью и отдал ее.

— Что с ней дальше делать? Куда деть? — спросил он меня.

— Можно сломать, можно сжечь. А можно оставить себе. Мало ли в жизни пригодится, — подсказал я ему, как надо поступать в таких случаях.

И печать перекечевала в карман его брюк. Надеюсь, он в последующем не использовал ее не по назначению. Система не дает сбоев.

Больше месяца я болтался в подвешенном состоянии. Работой меня не перегружали, и я не торопясь готовился к смене дислокации. В конце концов начальник штаба вызвал меня к себе в кабинет и вручил мне приказ об отправке в войсковую часть в Усть-Каменогорск. При этом на его лице было два чувства — жалко отпускать такого бойца и радость от того, что он наконец-то избавляется от такого бойца. Все офицеры испытывали такие же чувства. Многие, узнав о моем новом месте службы, сочувствовали и пытались приободрить. Мол, и там люди служат, в душе понимая, что там люди не служат, а выживают. Я был поражен такой несправедливостью относительно меня. Все мои действия были только на благо людей. Не срывались стрельбы. Командиры не получали взысканий. Милиция в Закавказье получала командирский состав. А дембеля приезжали на родину, как новогодние елки, обвешанные всевозможными знаками и значками, право на ношение которых было прописано в их военных билетах. Ходило такое поверье, что патрули срывают все прикрученное и приколотое с парадной одежды, если на это нет записи в военном билете. Кроме плюсов, ни одного минуса. Было нечестно так поступить со мной, но я был уверен, что справедливость восторжествует.

Вечером я собрал всех своих однополчан на прощальный ужин. Собрался почти весь постоянный состав. Сделал

ведро салата оливье, ну не совсем сделал — купил в офицерской столовой - и выставил на стол четыре бутылки водки и ящик пива. Конечно, никто не плакал, но было грустно. Сидели, пели песни под гитару. Репертуар был ностальгически солдатский. Во всех песнях дома ждала или мать-старушка, льющая горькие слезы, или подружка.

Мысли улетали далеко, когда под неприхотливый мотив звучали слова песни:

*Пройдёт всего два года, изменится лишь мода -
Мы вспомним рестораны и кафе.*

*Два года будет сниться родимая столица,
Костюмчик новый вместо брюк х/б.*

А припев:

А там, как прежде, бьют фонтаны,

И по ночам гуляют пары,

И только утром, утром рано

Там гаснут яркие огни.

Мой милый друг, не надо грусти -

Ведь всё равно нас не отпустят!

У нас с тобой ещё два года,

Ещё два года впереди.

Стеклянные витрины огромных магазинов,

На улицах шумит поток людской.

Кругом идут машины — "Победы", "Волги", "ЗИМы".

Москва живёт, забыв про нас с тобой...

переносил меня в мыслях на улицу Горького, и я представлял, как я спускаюсь по тротуару от здания Моссовета к Манежной площади, проходя мимо кафе «Марс» и театра Ер-

моловой. Мимо меня проносятся машины, и в витринах движется мое отражение. Были и другие песни, но эта больше всего трогала струнки внутри меня.

Так что через пару недель после ноябрьских праздников, под марш «Прощание славянки», который, кстати, оркестр играл только уволенным в запас, я был отправлен в войска.

Переезд.

И, отслужив чуть больше года, я шел пешком по пыльной дороге к станции Отар уже другим человеком. Тело обтягивало приталенная гимнастерка. Сапоги с наращенными и скошенными каблуками, сжатыми голенищами в гармошку. В начесанной до пушистости шинели, с вещевым мешком, называемым в армии сидор, за плечами. Начинался мой следующий этап армейской службы. В кармане лежало около пятидесяти рублей, приятно согревая душу. Справа остался танковый полк, куда я был летом прикомандирован на три дня. Готовил списки советников из срочного состава для командировки в Афганистан. Еще тогда подумал, как повезло тем, кто оказался в этих списках. Все дальше за спиной оставались сопки, в которых я несколько дней мотался со штабом дивизии на командно-штабных учениях. Те учения запомнились тем, что неоновые лампы светились в руках без подключения к розетке. Такой был сильный уровень излучения от радиостанций управления и другой техники. Неоновые лампы использовались в копировальных аппаратах. Это такой фанерный ящик, одна из стенок которого была из орг-

стекла. Внутри две неоновые лампы. На стекло клали основную карту, сверху другую, на которой рисовали то, что просвечивало. Другое название этого прообраза копировального аппарата – дралоскоп. Сзади оставалась моя годовая служба в армии. Друзья, враги и боевые подруги. И я шел и был уверен, что в эти места я больше не вернусь ни сейчас, ни потом.

Путь к новому месту службы, определенному мне заботливыми командирами, лежал через Алма-Ату, куда я и направился на первом же скором поезде, предварительно выпив бутылочку пива на перроне. Патруль мне был не страшен, так как я должен был прибыть в часть в течение трех суток, и ни у кого не хватило бы смелости помешать этому. Даже если бы я был пьян в стельку, меня бы просто погрузили на поезд и все. Дорогу до Алма-Аты я провел в вагоне-ресторане, поедая ресторанные блюда и рассматривая пейзажи за окном. У меня впереди было очень много времени. И как только я оказался на Алма-Атинском вокзале, я пешком отправился на улицу Суворова. Там уже месяц был на гражданке мой друг связист Тяглов. Встреча была теплой и бурной. Мы сразу же это дело отметили. Потом еще. И еще. Были какие-то его друзья, подруги. А мы отмечали и отмечали. Результатом было то, что я пришел в себя через двое суток на вокзале, с ужасно больной головой и без копейки денег в кармане. Пора было ехать дальше, так как срок действия проходного удостоверения подходил к концу. Достав из рюкзака чистые бланки удостоверений с подписями и печатями, я оформил себе проходное свидетельство для дальнейшего прохождения службы в г. Ташкент. Это была не ошибка. Справедливость восторжествовала. Неужели

начальник штаба, отправляя меня на китайскую границу, думал, что я реально туда поеду? Получив в военной кассе проездные документы до Ташкента, я сел в поезд и поехал в обратную сторону. Путь был не близкий, ехать предстояло почти сутки. Денег на излишества уже не было, и я всю дорогу сидел на боковом месте в плацкарте. В какой-то момент перед окнами промелькнула станция Отар, и я еще какое-то время наслаждался видами гарнизона, полигона и караульного помещения с танковым парком. У всего этого был вид намного прекраснее со стороны, чем изнутри.

Центральный вокзал Ташкента, архитектурный вид которого постоянно напоминал о восточном характере его местоположения, встретил меня приветливо. Уединившись на подоконнике зала ожидания, я снова переоформил свои документы, где пунктом назначения значился город Душанбе. Ташкент не был моей окончательной целью поездки. Я стремился попасть в город Душанбе, о котором я был слышан. Прямого сообщения между Алма-Атой и Душанбе не было, поэтому пришлось делать пересадку в Ташкенте. Получив в воинской кассе необходимые билеты взамен проездных документов, я стал ждать свой поезд. Я мог выправить документы на любой город страны, но до первого патруля, который бы быстро закончил мои перемещения. Все дело было в том, что службу я проходил в Среднеазиатском военном округе и продолжать отдавать долг я мог только на его территории. Система не позволяла выправить документы на Москву или центральную Россию. Выбор городов в округе был большой, но незаманчивой. Казахская, Киргизская и Таджикская республики. Кроме столиц республик, названия

других городов ни о чем не говорили, а уж про места расположения частей рядом с поселениями типа Отара даже думать не хотелось. Казахстан и Киргизия меня особо не прельщали. В их столицах я уже побывал. А вот про Душанбе я слышал постоянно. Про вечно зеленый город, расположенный среди красивых гор. Про доброжелательное население. Одни плюсы в отсутствие минусов, что и послужило выбором точки на карте. Передо мной было великое множество дверей, и я, не задумываясь, шагнул к двери с табличкой «Душанбе». До поезда было около десяти часов, и я гулял по Ташкенту, постоянно сглатывая слюни от запаха узбекского плова, которым был пропитан весь воздух. В конечном итоге я не выдержал и променял в ближайшей чайхане свои наручные часы, с которыми не расставался весь год, на полную миску ароматного плова. А что было делать, если я стал забывать, когда ел последний раз. Почти сутки я смотрел в окно, пока ехал к новому месту службы. Пейзажи за окном сменялись с завидным постоянством. Степи, горы, пустыни, маленькие аулы и привокзальные поселки. Долго стояли на станции Термез. О наличии такого приграничного с Афганистаном города я слышал впервые. С одной стороны был вокзал с единственным перроном, вдоль которого стояли пограничники. С другой — за сетчатым забором десятков пустых железнодорожных путей, за которыми опять шел забор и начинался одноэтажный жилой сектор.

— Как хорошо, что я не прохожу службу в этом пыльном городе. И не буду, — радостно подумал я, увидев, как группа солдат во главе с лейтенантом направилась в город, предварительно пройдя пограничный контроль.

Служба в Душанбе.

Через несколько часов поезд доставил меня в Душанбе. Было середина ноября, но в городе было по-летнему тепло. Путь мой лежал не в часть, а на улицу Айни, где проживал мой друг Сашка, служивший в нашем полковом оркестре и уволенный в запас месяц назад. Он и его жена Людмила проживали в двухкомнатной квартире панельного дома. Встреча превзошла все ожидания. Горячая ванна, домашняя еда с вином и чистая постель благодатно подействовали на мой организм. Утром, переодев меня в гражданскую одежду, взяли меня к себе на работу. К этому времени Сашка уже устроился скрипачом в Театр оперы и балета имени Айни, где его жена давно танцевала в балете. Десять дней я вращался среди музыкантов и балерин этого театра. Мы пили дешевое сухое вино «Душанбе» на улице в открытом кафе, слева перед театром, обсуждая театральные новости, сплетничая о примах. Флиртовал с балеринами. Гулял по городу. Каждое утро я смотрел репетиции длинноногих красавиц, а каждый вечер - спектакли на галерке. Отмечание окончания спектакля в гримерке заканчивалось далеко за полночь. На выходные выбрались на природу в Варзобское ущелье. Недалеко от города и очень красиво. Горное озеро и горная река. На берегах много отдыхающих, но среди них не было местных. Гражданская жизнь затягивала все глубже и глубже, но дамоклов меч, напоминающий, что я еще не отдал полностью священный долг перед страной, возвращал меня на землю.

Чтобы не перейти из гостевого состояния в навязчивое, в начале декабря я принял решение продолжить отдачу

долга. Знание определенных законов тоже способствовало принятию данного решения, так как между самовольным оставлением части и дезертирством совсем неразличимая грань. Хотя разница в наказаниях очень существенна. В очередной раз оформив документы надлежащим образом, как будто учебку я покинул всего три дня назад, через час после прибытия поезда из Ташкента, я направился в штаб мотострелковой дивизии. От театра идти было недалеко. Пройдя меньше километра по центральному проспекту Душанбе, мимо правительственных зданий и площади, где проходили демонстрации, я свернул на ул. Чапаева. Через несколько сот метров улица под прямым углом уходила вправо, а прямо красовались ворота, красные звезды на которых указывали на то, что я достиг цели. Зайдя на КПП рядом с воротами, обратился к дежурному сержанту

— Земляк, я прибыл для дальнейшего прохождения службы к вам в часть. Позови кого-нибудь, кто меня примет.

— Это не сюда. Тебе надо пройти дальше метров сто по улице. Справа увидишь забор и ворота с КПП. Это штаб дивизии. Вот там и оформишься.

Двигаясь в указанном направлении, я увидел, что действительно за забором сквозь деревья проглядывало двухэтажное здание. Пройдя по улице дальше для рекогносцировки, я обнаружил Путовский рынок, на котором я уже был с ребятами. Вернувшись назад, я зашел на КПП. Сержант, дежуривший на КПП, выслушав меня, связался с кем-то по телефону, после чего попросил меня подождать. За время ожидания я получил практически исчерпывающую информацию о части и условиях службы в ней. А еще я узнал от сер-

жанта, что самое лучшее место в части – это служба в комендантской роте, в которой он и служил. Водители командирских машин, мотоциклисты-регулировщики, дежурные по КПП, писари в штабе, художники – все это мне было знакомо по Отару, только здесь был масштаб больше. За все время нашего общения через КПП прошла пара офицеров, и один раз пришлось открывать ворота выезжающему уазику.

Через минут сорок после звонка появился коренастый старший лейтенант с топорщащимися усами. Как оказалось, командир комендантской роты. Выслушал мой доклад. Расспросил, кто я и откуда. Внимательно изучив мои документы, в том числе и заверенную характеристику от командира полка, которую я сам сочинял и подписывал, сообщил мне, что служить я буду в его роте. Наверное, ему понравилась фраза в моей характеристике – «Войсковые уставы знает и умело применяет». Я был готов к службе в любом подразделении. Больше всего я надеялся попасть по специальности в разведывательное подразделение. Штабная работа мне надоела еще в Отаре. Но ротный посчитал, что такая корова нужна самому. Так я оказался командиром отделения мотоциклетного взвода комендантской роты мотострелковой дивизии. У меня в отделении было 4 человека и четыре мотоцикла «МВ–750». Это были военные разведывательно-диверсионные мотоциклы. С ведущим колесом у коляски. С турелью для ручного пулемета Калашникова (РПК). С кучей разных приспособлений. У него даже была задняя передача. К своему стыду, я ни разу в жизни до этого не управлял мотоциклом, о чем я и поделился с ротным.

— А кто сказал, что ты будешь на нем ездить? Они стоят на колодках и в службе не участвуют, — успокоил он меня.

Ротный повел меня в штаб, где, оформив все необходимые документы, представил меня командиру взвода — долговязому прапорщику, как две капли воды похожему на моего взводного в учебке. Командир роты дал указания прапорщику, и после того как он скрылся в недрах здания, повел меня в расположение роты. Дорога уже была известна. Сначала штабное КПП, где я на ходу оповестил стоящего там сержанта о том, что мы теперь будем служить вместе. Далее переход улицы на противоположную сторону и ККП части, куда я уже заглядывал ранее. Мы оказались на территории части, где я планировал провести оставшиеся до демобилизации дни. Весь военный городок располагался вдоль реки Варзоб, часть которой, протекающей через Душанбе, называли Душанбинкой. Дорога от КПП упиралась в забор и уходила влево вниз. Справа, на расстоянии десятка метров от входа, в зарослях кустарника, проглядывала одноэтажная щитовая казарма — расположение комендантской роты. Слева внизу был плац, за которым располагались столовая и несколько типовых казарм других частей, а замыкали всю территорию казармы школы прапорщиков.

Комендантская рота.

Мотострелковая дивизия, в которой мне предстояло продолжить службу, была кадрированной, то есть личного состава было раз в десять меньше нормы. Но этого хватало для содержания техники в исправном состоянии и несения караульной службы по ее охране. Ну и для участия в праздничных парадах на центральной площади столицы Таджикской ССР. Вместо положенных 16 тысяч человек, в дивизии

было от силы не более двух тысяч. Вся техника была ДХ и НЗ — длительного хранения и неприкосновенный запас. В принципе такая служба меня устраивала. Что касается комендантской роты, то она тоже была кадрированной. Офицерский состав состоял из командира роты. Замполита не было. Командовали мотоциклетным, комендантским, автомобильным взводами прапорщики. Прапорщиками были старшина и техник роты.

Заходя в расположение роты через небольшой предбанник, попадаешь сразу в квадратный, со стоящими по всей площади одноярусными кроватями, зал. По правой и левой стороне зала двери вели в Ленинскую, гладильную, умывальную комнаты и туалет. Справа от входа на тумбочке стоял дневальный, рядом с которым просматривалась металлическая дверь в оружейную комнату. В расположении роты никого практически не было. Несколько человек, не раздеваясь, спали на кроватях, отдыхая после ночных дежурств. Несмотря на спящих, в Ленинской комнате крутилась пластинка. Пугачева пела про Арлекино, у которого была одна награда в виде смеха. На пластинке были и другие песни, в том числе из фильма «Ирония судьбы», но как только Арлекино заканчивался, ближайший к проигрывателю снова и снова запускал эту песню. Иногда Пугачева пела более ранние песни, про королей и волшебников — недоучек. Это были не единственные пластинки в роте, но диск с Пугачевой крутился постоянно.

При нашем появлении все, кто не спал, вскочили и стали по стойке смирно.

– Вольно, – скомандовал ротный, – это наш новый командир мотоциклетного отделения. Ознакомьте его с расположением роты и укажите свободные кровати для его устройства, – закончил он и направился к выходу.

Дежурный по роте показал мне свободную кровать, которую я незамедлительно занял. Ко мне подошли все, кто был свободен, и стали меня расспрашивать, кто я и откуда. Большая часть роты состояла из водителей, которые были в разъездах. Многие спали после ночных дежурств. А когда я сказал, что из Отарской учебки, тут же сообщили мне, что в роте есть сержант из той же учебки с немецкой фамилией и русским именем Владимир. И что он важный человек, так как занимает должность замначальника гарнизонной гауптвахты, а фактически является начальником, потому что сам начальник сильно дружит с алкоголем. Это тот Володька, которого я несколько месяцев назад отправил сюда служить. Среди ночи меня разбудили. Передо мной стоял мой сослуживец. Он светился от радости.

– Андрюха, я так тебе благодарен, что я здесь. Ты не представляешь, что это для меня значит. Я уже перевез свою семью в город. Давай это дело отмечать. Дневальный, буди любого водителя.

После чего, загрузившись в командирский уазик, мы помчались по ночным улицам Душанбе за спиртным. Володька знал, где можно ночью купить спиртное. Там нам предложили только арабский бальзам Абусимбел, которым мы и затарились. Всю оставшуюся ночь я пил с дедами этот бальзам. Володька, не останавливаясь, рассказывал всем про меня и про службу в Отаре, не забывая постоянно говорить, что мне очень повезло, попав к ним в роту. Так что утром вся

рота знала про меня все. И то, что я еще «черпак», не стало препятствием для полноценного «дедовского» времяпрепровождения. А то, что у меня в друзьях влиятельный в дивизии человек, да еще ростом около двух метров, сразу меня сделало своим среди сослуживцев.

Ротный меня поставил дежурным на КПП штаба. Я сидел в проходной, открывая ворота командирским машинам, отдавая честь проходящим офицерам. Читал книжки. А по ночам через девчонок в узле связи, с которыми быстро подружился, по военной связи звонил в Москву. Звонил не по каналам Министерства обороны, а через штаб гражданской обороны Таджикской ССР в Центральный штаб гражданской обороны страны в Москве. Представлялся я все время подполковником Рубиншпаузером. Мне казалось, что для гражданской обороны эта фамилия больше подходит, чем Тюкачев. Так я пробыл на КПП до середины декабря 1979 года. Была рутинная служба. Мой командир взвода практически не появлялся, занимаясь делами командира дивизии. Один раз я ему помог из погреба достать соленые арбузы для комдива. Это и были все взаимоотношения с прямым командиром. Зато я впервые увидел бочку с солеными арбузами, которые были не в рассоле, а в песке. Что касается окружающих меня ребят, то коллектив в роте подобрался достаточно толковый. В основном славяне. Деды были спокойные и особо не напрягали. Особенно отличался Толик. Когда он начинал рассказывать, то вся рота лежала вповалку. Запомнилось, как он ходил на охоту:

— Пошел я, значит, на охоту за утками. И свою собаку Жучку взял. Дошли до болота, и вижу я несколько уток.

«Жучка, Жучка, утки! — кричу я, а она голову из кустов высовывает: «Где? Где?»»

И про своего деда:

— Служил мой дед во время войны стрелком на самолете. Возвращаются с задания, а к ним мессершмитт сел на хвост и не отстает. Они и так, и этак — ну никак. А патроны-то кончились. Мой дед из-за пулеметов вылез и сел вместо пилота, мол, молодой еще. Стал дед уходить от погони. И «бочку», и «петлю Нестерова», а фриц все на хвосте. Тогда дед пустил самолет в пике в сторону леса, а фриц за ним. И когда до земли оставалось метров пятьдесят, дед по тормозам и заднюю передачу включил. А немец не успел.

Когда кто-то принес в роту щенка дворняги, то, недолго думая, дали ему кличку «Толян». Кто говорил, что в честь Толика, кто в честь предыдущего командира роты. Когда я пришел в роту, дворняга уже подросла и достигла максимального размера, легко доставая до кармана брюк, опираясь передними ногами в коленку. Собака была умная и сообразительная. В громадной столовой дивизии у нас не было постоянного стола, и мы садились каждый раз на новое место. Это не мешало Толяну каждый раз забраться до нашего прихода именно под наш стол в ожидании своего пищевого довольствия.

Служба, ранее перевалив экватор, не спеша стала приближаться к своему завершению. Не забывшие меня балерины пригласили на премьеру балета «Лебединое озеро». Когда я обратился к ротному с просьбой дать увольнение для просмотра премьерного балета, он очень удивился, но увольнительную дал. Я ходил в театр, ставший мне родным, но отметить спектакль не представилось возможным по

причине необходимости возвращения в часть к одиннадцати часам.

— За предстоящий год наверстаю. И банкеты, и балерины — все будет. Главное — себя изначально зарекомендовать, — успокаивал я себя, возвращаясь по центральным улицам пешком в часть.

Один раз поучаствовал в регулировке и сопровождении боевых машин пехоты, прибывших на железнодорожную станцию Душанбе. Глубокой ночью несколько новых боевых машин пехоты проследовали от станции в нашу дивизию, не останавливаясь на перекрестках, заранее перекрытых нами в целях безопасности.

В середине декабря наша рота выехала на плановые командно-штабные дивизионные учения. Расположились в двадцати километрах от города на полигоне, который служил нам не только стрельбищем, но и запасным районом для развертывания. Разбили палатки ППЛС (пункт приема личного состава) — сборный металлический каркас, на который натягивался брезент. Установили такие же палатки для штаба, столовой и для офицеров. Одним словом, подготовили все к приему штаба дивизии. Пока офицеров не было, сливали бензин с машин и продавали его местным жителям, в основном по ночам. Днем просиживали в палатках. Было холодно и мокро. Как говорится — не май месяц. Несколько дней шла подготовка, после чего приехали офицеры штаба на учения. Командно-штабные учения — это значит без личного состава. Офицеры в горах, являющихся предгорьями Памира, корпели над картами, а мы в это время в низине изображали из себя красных и синих. Стреляя по команде холостыми патронами, взрывая взрывпакеты и ШИРАСы

(шашка, имитирующая разрыв артиллерийского снаряда), имитировали наступление. Одним словом — зарница. После последнего боя, когда уже стало темно на улице, всё, что не взорвалось, саперы сгребли в яму. Все отошли на безопасное расстояние и затаились. Сильный грохот и яркая вспышка оповестили о подрыве неиспользованных боеприпасов. После взрыва все, кто был рядом, подошли к воронке посмотреть — как там внутри. Наверху, как петарда, выпуская дым и искры, крутился ШИРАС. Из благих побуждений наш старшина решил подтолкнуть его в воронку. Когда он, как мяч, поддел эту фигню, рвануло все, что не рвануло раньше. От ослепительной вспышки глаза стали различать силуэты только минут через пять. Хорошо, что никто не получил ранений. Пострадал только наш старшина. Лицо было все черное от копоти и остатков пороха, в сапоге оторвана подметка, а шинель, которой он всегда гордился из-за ворса, была лысая, как застиранная простынь.

Тревога

Офицеры разъехались по домам еще вечером, а мы, отдохнув ночь, утром стали собираться назад. Весь день был суетным и беспокойным. Собрать, свернуть и загрузить палатки по машинам. Загрузить имущество туда же. Выстроиться в колонну и совершить марш до Душанбе. На месте все сделать в обратном порядке. Разгрузиться, почистить, помыть и привести все в порядок, оставив все в готовности до следующих учений, которые пройдут уже весной. Пообедав в столовой из тарелок, а не из котелков, освободились часам к пяти. Основательно устав, разлеглись на кроватях

на заслуженный отдых. В семь часов вечера на табло, расположенном над дневальным, с противным ревом загорелась красная табличка «Тревога». На табло было две таблички. Желтая и красная. Для проверки действия этого комплекса оповещения всегда загоралась желтая подсветка. В этот раз что-то пошло не так, и красная лампочка не только загорелась, но и не собиралась гаснуть.

— Дневальный, — раздался голос с кровати в глубине кубрика, — ударь по ящику. Может, заткнется.

Не помогли ни удары по ящику, ни по дневальному. Но, несмотря на принятые меры, звук продолжался. Я за свою службу видел такое впервые. Стало как-то противно и тревожно. Не отдохнувшие, стали вставать с кроватей и вспоминать, что нужно делать в таких случаях. Все вопросы были сняты с появлением командира роты, вбежавшего в расположение роты. Он был бледен и возбужден.

— Товарищи солдаты! Срочно в парк, заводим технику и выстраиваем в колонну, — отдал приказ ротный.

— Товарищ старший лейтенант! — обратился к нему старший сержант, которого называли Зиной, сокращая его фамилию. — Как заводим? Техника без аккумуляторов и запчастей.

— Так и заводим. Война, Зина, — ответил негромко ротный, после чего ровным и спокойным голосом стал отдавать приказы и распоряжения.

Не дай бог кому-нибудь когда-нибудь испытывать чувства, которые испытали мы от этого тихого слова «война». Сомнений, что это не учебная тревога, не было. Получив приказ, я со своим отделением побежал в гараж, где нужно было снять с хранения и завести наши мотоциклы. Гараж

находился за штабом, для чего пришлось пересекать улицу и территорию штаба. В штабе творилось что-то невообразимое. Все куда-то бежали, отдавали приказы, звонили по телефонам. Ворота были открыты, и через них постоянно заезжали уазики, выплевывая из себя очередных офицеров с тревожными фибровыми чемоданами и тут же уезжая за новыми. Время было позднее и почти все офицеры отдыхали дома. По виду некоторых из них было понятно, что отдыхали они хорошо. Тем более, что некоторые из них только вчера вернулись с учений.

Тут же началась мобилизационная работа. Необходимо было укомплектовать части до полного состава. Кем? Офицерами и солдатами запаса, так называемыми «партизанами». Все Душанбе загудело, как растревоженный муравейник. По домам пошли посыльные из военкоматов, разнося повестки с указанием места и времени прибытия на сборные пункты. Практически все взрослое население, ранее уволенное в запас, было срочно призвано на службу.

А мы в это время пытались завести мотоциклы. Заправив их, стали заводить, понимая, что на многих отсутствуют детали, текут патрубки. Выискивание деталей на складе и работа по оживлению техники заняло много времени. Последней каплей стало обучение меня основам езды на мотоцикле. Со стороны казалось, проще простого. Открыл краник на патрубке, соединяющий бензобак с двигателем. Кнопкой карбюратора подкачал бензин. Завел двигатель, резко дернув ногой рычаг, выполнявший роль стартера, при этом удерживая руку на ручке газа. Не сбавляя обороты двигателя, сел в удобное мотоциклетное кресло, поставив ногу на рычаг переключения скоростей. Выжал ручное сцепление,

щелкнул ногой первую скорость. Поддал газу и отпустил сцепление в надежде начать неспешное движение. Мощный мотоцикл, не задумываясь, рванул из-под меня. От такой неожиданности или, скорее, от полного отсутствия опыта я еле успел затормозить в метре от стены гаража.

— Ездить будешь, — напутствовали меня сослуживцы, наблюдающие за моими первыми шагами, точнее, за моими первыми метрами самостоятельного управления. Вторая попытка не отличалась от первой, только я уже быстрее соображал, каким образом надо тормозить. Никто не догадался подсказать мне, что сцепление нужно отпускать медленно, а не бросать его со всей дури. Так что первые часы я стартовал, как гонщик, задирая переднее колесо. Каждый раз возникало ощущение, что подо мной неоседланный жеребец. Плавно трогаться я научился через пару дней. Выполнив поставленные перед нами задачи по подготовке технике, мы выдвинулись в расположение роты для получения дальнейших указаний. Перед проходной уже скопилась громадная толпа из женщин, которые провожали своих мужей и сыновей на войну. Почти все плакали и причитали. Пробравшись через это жуткое море плачущих женщин, я еще в большей степени осознал серьезность всего происходящего. Ротный дал нам пару часов на сон. Бессонницы не было, была потеря сознания на два часа. Как в омут: закрыл глаза и через два часа их открыл. Организм знал, что следующая возможность для отдыха представится нескоро. Проснувшись и осознав, что все происходящее не является сном, продолжили дальнейшие приготовления к выполнению поставленных задач. Была вскрыта оружейная комната, где мы взяли свое оружие. Предыдущий мой «АК—74» остался в учебке, а здесь

и сейчас я взял в руки автомат «АК—74», который буквально несколько часов назад сдал после учений. Я еще не знал, что выпущу его из рук совсем не скоро, и он долгое время будет неразлучно находиться либо в моих руках, либо на расстоянии вытянутой руки от меня. Боеприпасы пока не выдавали. Собрали свои вещи, утрамбовав их в вещмешки. И выдвинулись к своим средствам передвижения. Загрузили в коляски переносные радиостанции, полученные на складе.

Перед контрольно-пропускным пунктом женское море только увеличилось. Партизаны прибывали и прибывали. Их тут же отправляли по подразделениям, где переодевали в военную форму без знаков отличия. Если у нас на шапке была кокарда, то у них красная звездочка. По шапкам и можно было различить статус. Наш взвод принял двадцать партизан, а рота — человек семьдесят. У меня в отделении появилось семь человек. В основном это были взрослые люди за тридцать. У всех семьи и дети. У одного было пятеро детей. Если они в свое время и служили в армии, то это было так давно, что многое они не помнили. Многие были на гражданских мотоциклах, которые в случае войны изымались у них или организаций в соответствии с мобилизационными предписаниями. Постоянно слышался рев техники, которую снимали с хранения, заводили и выстраивали в походные колонны. Со снятием техники с длительного хранения практически во всех частях возникали проблемы. На каждой единице техники чего-нибудь не хватало. От патрубка до двигателя. Все это было заботливо разукomплектовано находчивыми прапорщиками. Запчасти со складов сметались ураганом. Ближе к утру, по мере восстановления, эта масса техники стала оживать и приходить в движение.

Из отрывков разговоров и слухов мы догадывались, что наша конечная цель — Афганистан. Предполагали, что границу будем переходить в районе города Термез. Что там уже что-то происходит, подтверждал непрерывный гул транспортных самолетов. Днем и ночью натужный звук не прекращался ни на минуту. Когда один самолет уходил за горизонт в сторону Афганистана, другой был в это время над тобой, а третий появлялся из-за горизонта со стороны Союза. Иногда звуки от самолетов накладывались друг на друга, и тогда звук накатывал волнами, незначительно уменьшаясь и в ту же секунду увеличиваясь до дребезжания стекол. Средства массовой информации хранили молчание. Хотя мы их и не имели, но тот же Сашка ничего не мог сказать, пытаюсь по радио или в программе «Время» услышать какой-нибудь намек. Даже вражеские голоса, которые усиленно глушили, не давали картины происходящего.

Мобилизация.

Мы же разъехались по перекресткам и развилкам для регулировки движения и направления техники в запасной район в двадцати километрах от Душанбе, где буквально вчера мы были на учениях. Что касается регулировки движения, то можно представить реакцию водителей на мою регулировку, если я не только не имел водительских прав, но и ни разу не читал правила движения. А уж сигналы регулировщика тем более. Так что регулировку я осуществлял интуитивно понятными движениями жезла. Было холодно, и часто шел дождь. Ездить на открытом мотоцикле с коляской в такую погоду было не совсем комфортно. Спасала наша

специальная форма регулировщика комендантской роты, которая состояла из черной кожаной куртки и такого же цвета кожаных штанов, белой каски с красной буквой «К», белой офицерской портупеи и белых краг почти до локтя. Связь осуществляли по радию, обращение с которой требовало определенных навыков, которых многие не имели. Иной раз легче было доехать, чем пытаться выйти на связь.

Весь день шла и шла техника. И не только техника части, но и гражданские грузовики, призванные по мобилизации вместе с водителями, нагруженные имуществом с армейских складов, выдвигались в запасной район. По обочинам дорог стояла заглушенная бронетехника. Как оказалось, не только я вносил изменения в дембельский военный билет. Многие, уходя на дембель, проставляли себе в военном билете разные специальности, в том числе и механиков водителей. Поэтому им давали в управление технику, а они при этом не знали, что с ней делать. Ночью я стоял на перекрестке, направляя идущую технику. Со стороны города появился и стал нарастать тракторный рев. Звук исходил не с дороги, а с нижерасположенного поля. Без единого огонька ко мне не спеша приближался громадный механизм. Остановившись рядом со мной, из этой, как оказалось вблизи, полевой землеройной машины вылез водитель и обратился ко мне с вопросом:

— Земляк, где стоят саперы?

— Километр вперед и направо. А что ты без фар?

— А хрен его знает, как они включаются. Ты посмотри за трактором, а я до своих пешком дойду.

— Так ты его заглуши.

— А хрен его знает, как он глушится. Да и хрен потом его заведу.

Он ушел в темноту, а я забрался на двигатель, обнял выходящую вверх выхлопную трубу и грелся до утра, сидя на тарахтящем подо мной двигателе до нового приказа о передислокации на другую точку регулировки.

Все это продолжалось несколько дней. За это время я успел одну ночь отдохнуть у Сашки с Людмилой, поесть и помыться горячей водой. Когда график был очень напряженный, мы по очереди спали и грелись на посту ГАИ. Пост, похожий на летающую тарелку на тонкой ножке, располагался на Т-образном перекрестке, где дорога справа вниз шла в Термез, а справа налево — в сторону Гиссарской крепости. Забравшись наверх по трапу, можно было приткнуться на полу, рядом с электрическим обогревателем.

Когда вся техника была выведена из Душанбе и опустошены все армейские склады, начался следующий этап. Марш до полигона в районе Термеза и погрузка гусеничной техники на железнодорожные платформы на станции Гиссар. Колонны уходили одна за другой, а мы регулировали движение танков до станции. Глубокой ночью, двумя мотоциклами, мы ехали в Гиссар. Шел дождь. Капли хлестали по лицу и затекали за воротник. Габариты впереди идущего мотоцикла не просматривались из-за дождя. Мотоциклетный звук становился все тише. Дорога проходила через хлопковое поле и возвышалась над ним примерно метра на три. Несмотря на активное сопротивление, усталость брала свое. «Дотянуть до станции», — было последней мыслью, перед тем как сознание отключилось. Сколько секунд или ми-

нут я проехал в режиме автопилота, сказать трудно, но очнулся я в тот момент, когда мотоцикл, пересекая встречную полосу, под углом уходил в обрыв. За те доли секунды, что оставалось проехать обочину и нырнуть вниз, я успел вывернуть руль перпендикулярно обрыву и в момент отрыва переднего колеса, оттолкнувшись от подножек, выпрыгнуть влево. Мотоцикл и я плюхнулись в размокшую землю одновременно. Мотоцикл потарахтел и заглох. Я же лежал на спине в мягкой, приятно обволакивающей тело грязи и только чувствовал, как на лицо падают капли дождя. В голове было тихо и пустынно. Вставать не хотелось. Пошевелив конечностями, с удовлетворением осознал, что все на месте. Двигаться мог, но желание вставать отсутствовало напрочь. Сверху по дороге прогрохотало несколько танков, и все стихло. Через несколько минут затарахтел мотоцикл, и сверху появились мои товарищи, которые, приехав в Гиссар и не дождавшись меня, рванули на поиски. Заглохший мотоцикл с горящей фарой, неподвижно стоящий внизу дороги, сразу очертил место моего исчезновения.

— Андрюха, ты где? Ты живой? — почему-то шепотом они стали звать меня.

— Живой. Живой. Спускайтесь вниз. Помогайте.

Завели мой мотоцикл и втроем, натужно толкая его по мокрому полю, утопая в грязи по колена, стали пробираться до ближайшего плавного спуска с дороги, располагающегося в двухстах метрах от места полета и удачного приземления. Так и приехали на станцию, по уши грязные и до нитки мокрые.

Где-то числа 27-го декабря наша партизанская дивизия двинулась в сторону города Термез и, как поговаривали,

сходу должна была пересечь границу. Мы сопровождали колонну разномастной техники все 240 километров пути, перекрывая движение на крупных перекрестках. Эта дорога запомнилась огромным алюминиевым заводом в Турсунзаде, кишлаками с чайханами, где в халатах за дастарханами – столами высотой не выше колена, на стеганых подушках восседали аксакалы. В одной из таких мы остановились пообедать. Местная национальная кухня понравилась, хотя, наверное, в нашем состоянии мы были бы рады любой гражданской еде. Названия населенных пунктов, мелькавших по ходу следования, абсолютно ни о чем не говорили. Из крупных городов — Денау и Кумкурган. На пути встречались небольшие придорожные магазины с земляным полом и очень вкусными дешевыми сахарными подушечками — парвардой. Вроде бы просто карамель в форме подушечки, обсыпанная мукой, а вкус неповторим. Там же можно было купить лепешку, заменяющую хлеб. Не доезжая Термеза, проехав несколько километров от Джаркургана, повернули налево на полигон. Справа остался поселок Джайрхана.

Полигон

Полигон располагался между дорогой и рекой Амударья, по которой проходила граница. Нам сразу порекомендовали на берег без нужды не соваться: во-первых, запретная зона, а во-вторых, можно было нарваться на пограничников, охраняющих эту зону. Тем не менее, в последующем я пару раз был на берегу и сверху наблюдал, как по понтонному мосту в обе стороны движется военная техника. Полигон пред-

ставлял собой обычную пустыню, да еще раздолбанную военной техникой. Посередине возвышался пункт управления с вышкой. И всё. Наша рота расположилась с краю полигона у насосной станции, которая закачивала воду из реки в оросительный канал. Это было громадное бетонное сооружение, похожее на плотину, только снизу от него отходили три громадные трубы, уходящие в воду канала, соединенного с рекой. Развернули свои каркасные палатки и стали ждать приказа на пересечение границы. За пару дней до нового года стали появляться короткие заметки в газетах о том, что, по просьбе правительства Афганистана, СССР оказывает срочную помощь, в том числе и военную. Это называлось оказанием интернациональной помощи дружественному народу.

Так и встретили Новый 1980 год. Начальник штаба дивизии построил нас и под бой курантов долго рассказывал нам про долг и дисциплину. А дисциплина в это время не то что хромала, она лежала, корчась в конвульсиях. Двенадцать тысяч взрослых мужиков, которых выдернули из семей и готовятся отправить на непонятную войну, вряд ли будут паиньками. Да и мы тоже прочувствовали момент и быстренько сменили униформу на обычные шинели, а на шапках кокарды на звездочки, став неотличимыми от партизан. За километр от полигона родственниками партизан был разбит палаточный лагерь, больше похожий на табор, через который не прекращался поток алкоголя. Поэтому вид партизана, валяющегося на песке и подложившего под голову гранатомет, прикрыв уязвимое место пистолетом Стечкина в деревянной кобуре, не являлся из ряда вон выходящим.

А в чайхане в Джайрхане никогда не было свободных дастарханов, да и место рядом на земле сложно было найти. Только пили они там не чай, а «Чашму» — девятнадцатиградусное вино типа портвейна. Мне кажется, что другого в то время и не пили. «Абу Симбел» и «Чашма». «Чашма» и «Абу Симбел». И сухое дешевое «Душанбе».

Я был прикомандирован к военному прокурору и целый день развозил его на мотоцикле по местам происшествий. Почти каждый день на полигоне были ЧП, которые требовали присутствия прокурора. Перевернутый на повороте бензовоз с полупустой цистерной и с погибшим водителем. Снятое саперами колесо у чужой машины, где вместо колодки подложена стопка мин. А еще прокурор считал делом чести разобраться с пропавшим грузовиком «ЗИЛ—130». С его слов, грузовик, нагруженный под завязку ящиками с автомобильными свечами, выехал со всеми из Душанбе, но в Термез не приехал. Бесследно испарился по дороге. Я не знаю, нашли свечи или нет, но я думаю, что тот, кто за этим стоял, обеспечил свечами Таджикскую ССР на долгие годы, а деньгами не только себя, но и последующие поколения. Примерная стоимость свечей была в районе миллиона рублей. При стоимости «Жигулей» в то время около 6000 рублей. Как говорили прапорщики, что если они не пойдут в Афган, то пойдут в тюрьму. Уж они-то с нетерпением ждали возможности списать все недостатки на войну. Часто ждал капитана у гауптвахты, представляющую собой квадратную яму метра три глубиной и размерами пять на пять. Туда по лестнице опускали бойца, а потом лестницу вытаскивали. Сверху, по периметру ямы, бродил часовой, пресекая по-

пытки узников выбраться наверх. Как только темнело, я отвозил капитана в его палатку. Капитан мог отпустить меня и раньше, если не было других поездок. Так что большую часть времени я был сам по себе. Мой взводный был скорее адъютантом командира дивизии, чем командиром взвода, и я его практически не видел. Ротный обеспечивал жизнедеятельность штаба дивизии и там постоянно пропадал.

Мы же обеспечивали свой быт самостоятельно. Питьевую воду привозили на водовозке. Вместо дров для печек буржеек использовали доски от оружейных ящиков, которых было в изобилии. Еду нам готовил наглый нерусский повар в автомобильной кухне, которая была устроена на базе «ЗИЛ—131». Готовил он так, как научили его в учебке поваров, где, скорее всего, он был двоечником. Поэтому, если было время, мы разогревали в своих котелках на печке сухой паек, разные каши с мясом и тушенку. Особое место занимал чай, который пили постоянно. Чайник с кипятком не покидал буржуйку. Первое время было напряженно с туалетом, точнее, туалетов вообще не было. Все ходили по нужде на небольшой холм, склоны которого очень быстро покрылись продуктами жизнедеятельности. Всю ночь по холму блуждали люди с фонариками, выискивая свободное место, а утром открывался вид на холм, усеянный как веснушками, белыми точками использованной бумаги. Во время ветра, эти клочки бумаги, перекатывались по полигону, как перекаати-поле. Позже кто-то додумался делать стационарные туалеты, состоящие из узкого глубокого рва, шириной на пару штыков лопаты и огороженного маскировочной сеткой или брезентом. Унитазом служили две свободнолежащие

доски, положенные поперек рва. Естественный процесс посещения данного заведения заиграл особыми красками. Нам могли позавидовать цирковые канатоходцы. Удерживать равновесие, при этом придерживая полы шинели, предварительно заправленные за ремень, и следить, чтобы ничего не выпало из карманов, требовало отменной координации движений.

Работы на полигоне было много, и каждый был занят своим делом, поэтому служба была бесконтрольной и самодостаточной. В нашей роте служил Володька, закончивший железнодорожный институт, которому служить надо было всего год. Интеллигентный и скромный, постоянно свободный от дел, он был легок на подъем и с радостью принимал мои предложения. Мне же, когда прокурора не было на полигоне, хотелось свободное время использовать по полной программе, что мы с Володькой и делали, находясь в постоянном поиске приключений.

Первым городом для изучения местных достопримечательностей был выбран Термез. Совсем недавно я смотрел на этот город из окна поезда, везущего меня к светлому мирному будущему. О том, что я здесь окажусь, собираясь пересечь государственную границу для участия в боевых действиях, не могло присниться и в самом бредовом сне. Как давно это было, и сколько событий произошло за это время.

Только начинало темнеть, когда мы въехали в город. Что-то сразу насторожило при въезде. Чего-то не хватало. И только въехав на центральную улицу, мы поняли. Не хватало людей и автомашин. На дорогах и тротуарах было пусто. Складывалось впечатление, что все в спешке покинули город. Не видно было даже собак и кошек. Вымерший город.

Все напоминало сцену в театре, когда актеры уже ушли со сцены, а декорации остались. Отсутствовало осмысленное живое движение. Только ветер гнал по асфальту обрывки газет, сорванных с газетных стендов. Скрипели, раскачиваясь, фонари на столбах. Где-то что-то хлопало на ветру. Стало как-то не по себе. Я такое видел только в кино про войну. Вдалеке замаячил пограничный патруль, и мы подъехали к нему:

— Привет, земляки. А где все люди?

— Так «бабай» начинается. Все заранее попрятались. И вы уезжайте быстрее. Еще успеете.

Уговаривать нас не пришлось. Тревожное ощущение от вида заброшенного города пересилило любопытство, и мы рванули на мотоцикле прочь от неизвестного «бабая». В спину дул все усиливающийся ветер. Мы неслись на такой скорости, что на повороте на мост через Сурхандарью, встали на два колеса, высоко задрав коляску, и чуть не улетели в реку. Спас бетонный отбойник, от которого мы оттолкнулись, ударившись головкой блока двигателя. Мы уже въезжали на полигон, и до шлагбаума оставалось метров триста, когда «бабай», или песчаная буря по-научному, нас догнал. Стало не темно, а как-то серо. Луч от мотоциклетной фары терялся в метре от мотоцикла. Казалось, что ты находишься на дне озера, в котором вместо воды пыль и песок, обтекающие тебя со всех сторон. Землю под ногами тоже не было видно. Вообще ничего не было видно. Да и смотреть было невозможно. Как только ты открывал глаза, они тут же забивались песком и пылью. А если ты хотел что-то сказать, то во рту сразу начинало першить и скрипеть на зубах. Медленно, медленно, чтобы не провалиться в яму или траншею,

а еще хуже в чей-то полевой туалет, на ощупь, мы пробирались к своим. Мы держали курс на палатки, а они все не появлялись. И, проехав километров пять, хотя до палаток от шлагбаума было не более километра, отчаявшись, мы уперлись в свой лагерь. В палатке, посреди которой дровами топились буржуйка, а по краям на полу на деревянных щитах спали или болтали наши ребята, нас встретили хохотом:

— А мы гадали, кто это вокруг лагеря на мотоцикле круги нарезает? Кругов пять сделали.

То есть все это время, мы, думая, что прорываемся вперед, на самом деле крутились вокруг палаток. Несмотря на то, что палатка была плотно закрыта, пыль висела в воздухе. К утру «бабай» стих, но еще долго мы вытряхивали песок и пыль из всех закоулков, удивляясь, как мог попасть песок в закрытую мыльницу.

Следующим городом для исследования стал Джаркурган. Туда мы приехали с Володькой днем и занялись исследованием его достопримечательностей. Джаркурган, как и все аналогичные города, представлял собой одноэтажный жилой сектор с железнодорожным вокзалом в центре города. Возле станции высились несколько трехэтажных блочных домов. Пыль, мусор и выжженная земля вместо газонов. И обязательный восточный рынок, на котором можно было купить все что угодно. Экскурсионную программу мы начали с рынка. Здесь нас ждал первый успех. Мы стали обладателями важной информации и двухсот граммов спирта. Везти спирт в роту не имело смысла и, не найдя ничего умнее, мы постучались в первый попавшийся частный дом. Нам нужны были просто стаканы.

Калитку открыла пожилая узбечка, которая не понимала по-русски. На помощь к ней вышел пожилой узбек, как потом оказалось, участник Отечественной войны. Выслушав нашу просьбу о стаканах, он пригласил нас в дом, где и усадил за дастархан. Сняв сапоги и размотав портянки, мы сели на стеганные подушки, старательно пытаюсь засунуть не совсем свежие ноги себе под мягкое место. Появилась внучка хозяина, которая принесла плов и лепешки, чай и соленый лук. Вместо стаканов были пиалы. Пить спирт из пиал оказалось делом далеко не простым. Первая попытка резко бросить содержимое пиалы в рот не увенчалась успехом. Часть спирта пролилось мимо рта. Из пиалы пьют маленькими глоточками, что и пришлось распространить на спирт. За оживленной беседой время прошло незаметно. Мы распрощались с гостеприимными хозяевами, когда на улице было уже темно. Нас изрядно шатало от спирта, еды и тепла. Дорога до лагеря была трудной, так как перегорела лампочка дальнего света в фаре, и мы ехали на ощупь, ориентируясь по разметке на дороге. Причем приняли сплошную полосу левой обочины за разделительную. Проехали все расстояние по встречной полосе, удивляясь, почему редкие встречные машины объезжают нас справа.

На следующую экскурсию в Джаркурган мы подготовились основательно. На кухне и на складе была проведена соответствующая работа, в результате чего вся коляска мотоцикла была забита консервами, крупами и сахаром. Проведенная разведка на рынке указывала, что рядом с вокзалом находится винный пункт. Найти его не составило большого труда. Огромные бочки, выкрашенные в серебристый цвет, виднелись за забором в месте, где дорога, отходящая

от вокзала, раздваивалась. Одна дорога шла параллельно железной дороге, другая уходила влево в сторону Термеза. Это была огороженная высоким забором территория. Несколько бочек выделялись из общей картины и лежали на специальных бетонных подставках. По полученной ранее информации, нам было известно, что в этих бочках выдерживается вино до отправки на винзавод.

Оставив мотоцикл недалеко от пункта, чтобы не привлекать внимание, мы постучались в калитку, расположенную посередине забора. Нам открыл маленький узбекский мальчик.

— Позови папу, — попросили мы его.

— Папы нет. Только мама.

— Зови маму.

Мальчик убежал в небольшой домик рядом с бочками, и оттуда появился громадного роста узбек.

— Уважаемый, можно ли у вас приобрести немного вина? — обратились мы к нему. — У нас денег нет. Зато есть сахар, гречка и тушенка.

— Нет. У меня все это есть, и мне ничего не нужно, — ответил узбек, оказавшийся директором этого винного пункта.

Мы продолжили уговаривать его, мотивируя, что не сегодня-завтра на войну, и когда мы еще сможем выпить вина. Но он был непреклонен. Понимая бесполезность наших попыток, перешли на другие темы. Когда он узнал, что я из Москвы, он рассказал, что часто там бывает. Я ему предложил взять номер телефона моего брата — мало ли когда пригодится. Записав телефон, он сказал:

— Несите тару.

Володька сбегал к мотоциклу и приволок двадцатилитровую канистру, в которой мы возили питьевую воду.

— Нет. В железную тару нельзя. Вино испортится.

— Можно. Можно. Мы его привезем и быстро перельем в стеклянную тару.

Директор взял шланг толщиной с руку. Засунул его в бочку, приподняв крышку, подсосал снизу, и мощная струя портвейна полилась в канистру. Наша радость от этой картины и журчания струи не знала границ. Хотелось, как мотылек, расправить крылья и в танце взлететь над этой сказочной картиной. Двадцать литров портвейна. Почти тридцать бутылок.

Когда канистра наполнилась, директор зажал шланг снизу и вытащил его из бочки.

— Будете? Спросил он нас, предлагая выпить содержимое шланга. На глаз там было не менее литра. А когда мы отказались, невозмутимо выпил сам.

Мы с ним попрощались и на всех парах помчались в лагерь. Было время обеда, когда мы зашли в палатку. Партизаны так же скучали вокруг буржуйки, разогревая чайник.

— Ребята, мы вам привезли канистру портвейна, — объявили мы голосами, как будто такие события бывают каждый день и являются обыденными.

— Грешно смеяться над больными людьми, — услышали мы грустные голоса.

— Как хотите. Тогда мы сами.

На дно наших кружек полилась непрозрачная жидкость из наклоненной канистры

— За тех, кто в сапогах! — чокнулись мы и стали смаковать божественный напиток.

Запах быстро распространился по палатке, и когда до всех дошло, что мы не шутим, со всех сторон потянулись кружки. Разливать из канистры было неудобно, и содержимое перекочевало в армейские чайники. Подтянулись еще бойцы. Стало действительно веселее. Народу было очень много. Канистра опустела, и разгоряченный народ стал заводить мотоциклы и разъезжаться. Кто в табор к родственникам и знакомым, кто в Джайрхану в чайхану, кто в Термез в поисках приключений. Мы же с Володькой в десять вечера звонили в дверь к Сашке в Душанбе.

Вот так получилось, что 240 километров после Чашмы — не крюк. Володька принял ванну и завалился спать, а я до утра сидел с ребятами, обсуждая текущее состояние дел в стране и мире, попивая сухое вино. И хотя в газетах ни слова не было об Афганистане, все только об этом говорили, особенно в Душанбе, взрослое население которого было непосредственным участником обсуждаемых событий.

Рано утром мы отправились назад. Володька сел за руль, а я разобрал сиденье и лег почти во весь рост, засунув голову в багажник коляски. Всю дорогу я спал, а Володька гнал. Я не знаю, по какой причине, не доезжая до Джаркургана километров двадцать, двигатель заглох и не заводился. Сняли головку блока и увидели дыру в поршне. Прогорел ли поршень от некачественного бензина или от бешеных нагрузок, было не принципиально. Главное, что ехать мы дальше не могли. На буксире попутка нас дотянула до Джаркургана. Мы останавливали все проезжающие военные машины и просили сообщить о нашей поломке в комендантскую роту. Так и сидели около рынка в ожидании помощи. Ротный и

старшина приехали за нами через час. По их лицам и разговорам было понятно, что что-то пошло не так. Попытавшись быстренько объяснить, что я утром приехал сюда, чтобы позвонить домой в Москву, я понял, что ротный знает больше меня.

Картина оказалось совершенно сюрреалистичной. Первыми появились путешественники, уехавшие в Термез. Мотоцикл, на котором сидело пять совершенно невменяемых человек, уперся в шлагбаум на въезде на полигон и стал буксовать. Думая, что просто застряли в песке, они стали толкать мотоцикл, пытаясь двигать его вместе со шлагбаумом. Дежурный сообщил в штаб. В таком виде их и застал ротный, которого подняли среди ночи по команде из штаба. При построении в роте не досчитались десяти мотоциклов и тридцати человек. Это было не ЧП, а ЧПище. Всю оставшуюся ночь и утро возвращающиеся беглецы принимались по полной программе.

К обеду собрали всех, кроме меня и Володьки. Хотя скоро привезли и нас. Мы писали и переписывали объяснительные. Нас строили и пугали разными карами. Причем все понимали, что с партизан спрос никакой, а вот со срочников спрос мог быть очень и очень. Тем более, партизаны, особо не сопротивляясь, сразу сдали меня, рассказав про канистру с вином. Да еще кто-то доложил ротному, что я был в Душанбе. Ничему не научила история с печатью в учебке.

Вот и делай после этого людям добро. Тучи над моей головой сгущались посильнее «бабая». Все ждали, когда приедут представители прокуратуры для разбора и принятия мер. Ждать пришлось недолго. Всех путешественников по-

строили, и перед нами появился прокурор — капитан, которого я возил. Увидев меня как зачинщика, он очень расстроился. Долго он перед строем рассказывал о том, какие мы плохие, что нам партия и Правительство доверило и т.д. и т.п., а мы не оправдали доверие и т.д. и т. п., и за такие дела тюрьма и т.д. и т.п. Зная его не один день и не только как прокурора, но и как человека, я был уверен, что после всех этих дежурных лозунгов, все будет хорошо. Так оно и случилось. Дело замяли, списав все на партизан, вычеркнув из списка срочников. А меня за это ротный сослал на трое суток в пункт приема личного состава, предварительно освободив от должности командира мотоциклетного отделения. Определив меня в зачинщики, к Володьке санкции не применили, и он отделался легким испугом. Мотоцикл восстанавливать не стали, и он стоял как памятник о произошедших событиях. Я же смотрел на него, как на родное существо, с которым провел множество незабываемых часов и дней, отмотав на нем не одну тысячу километров. За время нашего общения я из начинающего мотоциклиста стал, без преувеличения, высококлассным водителем.

К этому времени всем стало понятно, что в партизанском составе и на раздолбанной старинной гражданской и военной технике за речкой делать нечего. Поэтому было принято решение о замене партизан на солдат и сержантов срочной службы. По всем частям Союза и западных групп войск прошло указание об отправке для выполнения интернационального долга отличников боевой и политической подготовки. Было глупо полагать, что командир откажется от солдат, на ком держались показатели. А вот избавиться от тех, кто своей службой портил всю отчетность, появилась

прекрасная возможность. Опыт показывал, что возмутители спокойствия в частях и занозы в заднем месте командиров, сами по себе, как правило, были отличными ребятами. Просто у них была такая реакция на службу. Характер у них такой был – неугомонный. И основное их место службы было в нарядах и на гауптвахте. Но если случалось что-то неординарное, то они всегда были впереди. В том числе и такие солдаты, поодиночке и группами, стали прибывать в Термез, где их собирали и привозили в пункт приема. Здесь комиссия из офицеров просматривала их сопроводительные документы и распределяла по частям. Прибывали круглосуточно. Я сидел в палатке, не высовываясь, чтобы про меня быстрее забыли. Надо было для некоторых офицеров исключить раздражающий фактор в моем лице. А так как нагрузка и новые впечатления наслаивались с огромной скоростью, была надежда, что добычка вина и устроителя праздника для роты и шухера для всей дивизии быстро забудут.

Моя задача в пункте была дежурить на телефоне, поддерживать огонь в печке и сообщать офицерам о прибытии новой группы. Вечером, когда прием заканчивался, и до утра все разбредались по своим палаткам, я оставался один. После напряженного дня так приятно, растопив докрасна буржуйку, прилечь на уютный топчан без ножек и накрыться шинелью. Сон обволакивает тебя и переносит в волшебную страну под названием гражданка. В этой стране тихо и уютно. Только слышно потрескивание дров в печке. Скоро потрескивание прекращается, и перед тобой открываются фантастические виды. Движущие картинки с разнообразными сюжетами меняются, как в калейдоскопе. На смену

приятным незнакомкам приходят столы с разнообразными яствами. Калейдоскоп прекращает крутиться, и картинки замирают в неестественных позах. Цвета становятся блеклыми и сливаются с белым фоном. Стая беззвучных пчел налетает на лицо и начинает безжалостно жалить щеки, нос и лоб.

— Скорее надо вернуться на полигон. Там мои друзья и невыполненный долг, — пронзает меня мысль, и я просыпаюсь.

В палатке дичайший холод. Пока я спал, печка погасла, ветром открыло полог палатки, и пошедший снег меня всего засыпал.

— Такая служба мне не нужна, — решаю я и возвращаюсь из ссылки в роту.

Партизаны уже разъехались по домам. В роте пустынно. Ротный запретил уединяться по маленьким палаткам, и все переселились в одну огромную армейскую палатку. На улице похолодало. Постоянно начинает идти снег. Ночью температура уходит в минус, и водители всю ночь бегают прогревать машины. В палатке топят две буржуйки, поэтому относительно тепло. Все спят на полу на досках. Только справа от входа доски подняты повыше, и эта конструкция похожа на дастархан. Наступил день, когда и к нам, на смену партизанам, стало поступать пополнение из солдат и сержантов срочной службы. Я сидел на возвышении, скрестив под собой ноги, как султан, и каждый вновь прибывший подходил ко мне и отвечал на вопросы. С учетом того, что деды практически отсутствовали и остались в Душанбе, за исключением пары-тройки человек, мой призыв был самым старшим.

И те, кто прибывал, думая, что я дед, отвечали на все мои вопросы, ведя себя при этом подобающим образом.

Поздним вечером я уговорил одного из водителей, которого все звали Назаром, съездить в Джаркурган на его шишиге (так назывался грузовой «ГАЗ-66») в самоволку. Взяв армейский термос емкостью 12 литров, поехали на станцию. Приемка новой техники на станции Джаркурган шла полным ходом, и военная машина в городе не вызывала никаких подозрений. Постоянно приходили эшелоны с новой техникой, обмундированием, боеприпасами и оружием. Разгрузка шла круглосуточно. Проезжая мимо вокзала, я видел, как с платформ снимались и ехали в сторону полигона «Зил-157», на которых располагались длинные зеленые ракеты с оперением. Наверное, это были зенитные ракеты. Но зачем зенитные ракеты в Афганистане, где воюют старинными ружьями, было непонятно. Может, нам что-то не договаривали. Хотя нам вообще ни о чем не говорили.

— Мы входим в Афганистан для помощи братскому народу по просьбе законного правительства, — произносили официальные источники.

— Если не войдем мы, то войдут американцы и разместят ядерное оружие у наших границ, — звучало в разговорах при попытке выяснить истинную причину ввода войск.

— Советский Союз ведет захватническую войну в Афганистане, — вещали из радиоприемников вражеские голоса.

Версия об опережении американцев казалась нам наиболее правдоподобной.

Была уже скорее ночь, чем поздний вечер, когда мы подъехали к знакомому винному пункту. За забором была тишина, и не лаяли даже собаки. Я стучал в калитку, пока не

понял, что там никого нет. Перемахнуть через калитку и открыть засов без замка заняло секунды. Я знал, что делать. Я знал, и какая бочка доступна. Я не стал искать шланг, ведь у меня был свой с грушей для подсоса. Минута - и упругая струя ударила в дно термоса. Еще минута. Полный двенадцатилитровый термос с туго завинченными барашками, удерживающими крышку, уже стоял в кузове.

— Трогай, — дал я команду Назару.

Стартер пару раз натужно крутанул двигатель и встал. Аккумулятор был на нуле. Надо было что-то решать, оставив разборки с Назаром по поводу заглушки двигателя при слабом аккумуляторе на потом.

Впереди показался милицейский автомобиль — воронок. Он ничем не отличался от такого же из фильма «Операция Ы и другие приключения Шурика». Назар вжался в сиденье, чтобы его не заметили в свете фар. Я же выпрыгнул из машины и пошел навстречу милиции.

— Ребята, помогите завестись, а то аккумулятор сдох, — обратился я к ним, когда они остановились.

— Трос есть?

— Конечно.

Они подали свою машину задом к нашему бамперу, и Назар, накинув на клык трос, сел за руль. Машины тронулись, увозя нас от винпункта. Через двести метров «ГАЗ—66» зачихал, и двигатель заработал. Поблагодарили за помощь доблестную узбекскую милицию и поехали на полигон.

На следующий вечер я собрал свой призыв, который не совсем доброжелательно косился в мою сторону, и поставил

перед ними термос. Разлив по кружкам содержимое, я произнес тост за знакомство и предстоящий совместный год. Лица подобрели, а уже после второй казалось, что мы вместе не один год. Каждый рассказывал про свою предыдущую службу. Оказалось, что Лёха, так мы его все звали, хотя он был Леонидом, призывался из Мичуринска и служил водителем в Москве в Генштабе. И его задачей была перевозка секретных документов. Для его остановки и проверки требовалось присутствие Минобороны, ГАИ и КГБ, чем он и пользовался в полной мере. Сослали его в Афганистан за стоянку на Васильевском спуске. А когда открыли кунг (кузов унифицированный нормальных габаритов), то в нем был Лёха с девичей, а в сейфе для совершенно секретных документов водка и закуска. Поэтому при первой же возможности его захихнули в группу с водителями и отправили в Термез. Не нравилось его командирам, как я подозревал, и то, что его отца звали Илья. Приходилось налагать взыскания на Леонида Ильича, а, как известно, такое же имя носил в то время Генеральный секретарь.

Вместе с ним из этой группы попал к нам и Серега из Рязанской области. Две противоположности. Серега был степенным и медлительным. Его легко можно было представить сеятелем из одноименной картины известного русского художника. Лёха был полной противоположностью. Невысокого роста, крепко сбитый, он не стоял на одном месте. Казалось, что у него в мягком месте не одно, а как минимум два шила. Сказывалось, наверное, его занятие боксом на гражданке. Казалось, что по жизни он движется, как по рингу. Постоянно перемещаясь, уклоняясь и находясь при этом в напряжении. После третьей мне признались, что хотели

меня проучить за то, что я буро вел себя по отношению к ним. Но согласились, что хоть я и был с ними одного призыва, но был сержантом после учебки и уж точно старожилом роты. Термос портвейна сплотил нас, и мы, как будто знавшие друг друга не один год, решили продолжить наше общение. Для этого был использован командирский уазик, забравшись в который мы поехали в Термез в женское общежитие в поисках приключений. По дороге подкупили известный «Абусимбел», то ли бальзам, то ли водка на травах. Долго орали под окнами общежития. К счастью, никто не вышел, и мы тихо вернулись назад, за исключением того, что Лёха заблевал всех нас и всю машину на обратном пути.

В роту все прибывало и прибывало пополнение. Разного возраста и национальностей, с разных мест службы и разных сроков призыва. В основном весеннего призыва, которым до черпаков нужно было служить еще пять месяцев. Последними к нашему призыву добавились прибывшие ребята из Белоруссии, державшиеся первое время обособленно. Рота была полностью укомплектована личным составом и техникой. Не знаю зачем, но в нашу роту добавили зенитный взвод с четырьмя ПЗРК «Игла». В Джаркургане мы сняли с платформ три новых БТР, два автобуса «ПАЗ» и другую автотехнику. Вся техника была еще в заводской смазке. За руль автобусов сели Лёха и Серега.

В конце января произошло событие, которое для всех, кроме офицеров штаба дивизии, осталось незамеченным. Но только не для меня. Директивой Министерства обороны наша дивизия передавалась из состава Среднеазиатского военного округа в состав Туркестанского военного округа. В

отличие от всех, для которых эта передача ни на что не влияла, для меня это было хорошим подарком. До этого момента еще был теоретический шанс выявить обстоятельства, по которым я оказался в Душанбе, но после смены округа вероятность этого ушла в ноль. Система, впрочем, как и всегда, сработала на все сто.

На смену январю, как и планировалось, пришел февраль. В воздухе витало ощущение скорого пересечения границы. Ротный по мере возможности проводил с нами занятия по боевой подготовке. Выезжали в поле пострелять из автомата, пальнуть из ручного гранатомета или метнуть ручную гранату. Даже организовали ночной марш на автомобилях с целью получения навыков езды в колонне по пересеченной местности. Заодно проверили молодых водителей на умение рулить в колонне.

Один раз ротный вывез нас в Термез в баню. Баня запомнилась холодными серыми бетонными стенами, паром, шедшим не из парилки, а изо рта, и узбечкой на входе в помывочную. Всем раздевшись говорили, что эта узбечка врач, и перед тем как идти в помывочную, надо предъявить свое достоинство на предмет наличия заболеваний. И долго баню сотрясал хохот, когда очередной солдат тряс своими причиндалами перед уборщицей, которая не могла понять, что от нее хотят голые солдаты. А на обратном пути Лёха нас чуть всех не уложил, влетев в поворот на огромной скорости и поставив автобус на два колеса.

Конечно же, полтора месяца, которые мы провели на полигоне под Термезом, не были всегда такими веселыми и беззаботными. Ежедневная служба была полна тягот и лишений. Мерзкая холодная погода то с дождем, то со снегом.

Минусовые температуры. Разъезды на мотоцикле, из защиты на котором было только невысокое ветровое стекло. Питание консервами и тушенкой, разогретыми на буржуйке. Нательное белье, которое не менялось неделями. Постоянно влажные портянки, не успевающие высыхать у печки. Сон на голых досках, лежащих на земле, без матрасов, подушек и одеял, только под своей шинелью. Показательно то, что за день так выматывались, что засыпали в таких условиях, как на перине, и спали «без задних ног». Только молодой организм мог безболезненно выдержать такие нагрузки. Или в таких экстремальных условиях организм подключал скрытые резервы, которые не позволяли болеть. При этом бойцы, отслужившие больше года, как полагается, воспитывали и обучали более молодых. В нашей роте таких, как я, было не очень много. Человек пятнадцать. Обычно каждого призыва было по четверти состава. У нас в основном рота была укомплектована молодыми, отслужившими менее года, а то и меньше полугода. Держать в руках весь личный состав было сложнее. Вечерами перед печкой в большой палатке я убеждал всех, что мы участвуем в событиях мирового масштаба, и что эти события повлияют на всю нашу оставшуюся жизнь.

Афганистан.

Через речку.

Все ближе и ближе наступал день, когда служба должна была кардинально измениться. И этот день наступил. 13 февраля 1980 года поступила команда — завтра в путь. С

утра мы начали сворачивать лагерь. Загружали имущество в машины, которые выстраивались в колонну. У нас было около тридцати единиц техники. Весь личный состав был распределен по машинам. Водитель и старший машины. Оставшиеся ребята, в основном из комендантского взвода, были распределены по автобусам. В автобусе ехал и Толян. Да, та самая дворняга, которая с нами прошла весь путь из Душанбе, скрашивая суровые будни, внося элементы тепла и уюта в наш быт. Днем получили боеприпасы. Если до этого я получал боеприпасы под роспись штучно, то сейчас были просто вскрыты цинки с патронами и ящики с гранатами. Каждый брал столько, сколько считал нужным. И уже забиты патронами были все магазины и гребенки (специальное приспособление для быстрого заряжания магазина), а гранатами под сумки, но пачки патронов и гранаты продолжали засовывать в сидор. Вечером, закончив сборы, расселись по своим местам. Я был назначен старшим в «ЗИЛ-131» с прицепом, управлял которым Федор, призванный из города Ош Киргизской ССР. Вся машина и прицеп были под завязку забиты боеприпасами, так что путь мы начали на пороховой бочке. Сидели по машинам в полудреме, ожидая приказа. В пять утра поступила команда подготовиться к движению. К переправе наша колонна подошла к шести часам утра. Мы стояли на спуске к реке и ждали, когда нам дадут отмашку на движение. По понтонному мосту выдвигались другие части. Переправа была четко организована. Пограничники открывали шлагбаум и пропускали по несколько единиц техники. Наступила наша очередь. Сначала тронулся БТР, потом проехало несколько грузовиков. Ровно в 9.00 14 февраля 1980 года наш зиллок съехал с горки и въехал на понтонный мост.

Мы двинулись в сторону другой страны, пересекая границу, расположенную посредине реки.

Один шаг вперед в учебке, и результатом стала эта минута. Служил бы сейчас в учебке, готовил бы молодых специалистов. Читал бы в газетах и на политинформациях об Афганистане. А может, этот шаг был сделан раньше? Может, это был и не шаг, а сломанный автобус с призывниками на пути из Щербинки в Железнодорожный? Или более раннее знакомство с машинисткой? Или выправленные документы в Душанбе? Может быть, эта минута была уже определена, когда я только родился? Сложно, а скорее, невозможно определить причинно-следственную связь, но результатом оказалось пересечение границы с тем самым Афганистаном, о котором я слышал на уроках географии в школе, и общался с представителем этой страны, отмечая Новый 1978 год.

За нами пошли другие грузовые машины, доверху забитые разнообразным имуществом, необходимым для жизнеобеспечения роты и штаба дивизии. Автобусы. Водовозка. Кухня. Бензовоз. Уазики. Снова грузовые. Кунг «ЗИЛ-157», называемый в армии мормоном или захаром. Мотоциклы не пережили дикие условия эксплуатации на полигоне и заняли свое почетное место в кузовах грузовых машин. Своим ходом поехал только один оставшийся в живых мотоцикл. На нем двинулись два отчаянных латыша, призванных из-под Риги. Понтонный мост, удерживаемый несколькими катерами от сноса по течению, прогибающийся под тяжестью груженых машин и боевой техники, вывел нас на другой берег, в другую страну, в другой век и в другой мир. И я чувствовал, что мой мир никогда уже не будет прежним. По

местному летоисчислению был 1358 год, и это соответствовало действительности, в которую мы тут же окунулись. Мы были первыми. У нас не было ни опыта, ни знаний. И не только у солдат, но и у офицеров. Мы никогда не воевали в горах. Мы не знали страну, в которую входим. Не знали ни обычаев, ни условий. Для нас никто не подготовил уютных казарм и соответствующей инфраструктуры. Нас ждала полная неизвестность и непредсказуемость. Но мы уверенно шли вперед, зная, что за нами великая страна. И мы идем не только помогать многострадальному афганскому народу, но и защищать южные границы своей страны от щупальцев мирового империализма.

Из отчего дома мои прадеды, деды и дяди уходили на войну. Прадед моего деда воевал с Наполеоном. Мой прапрадед был участником Крымской войны с турками. Дед в Первую мировую попал в газовую атаку и всю оставшуюся жизнь тяжело кашлял. Дядя в Великую Отечественную войну форсировал Балатон и дошел до Праги. Мне же предстояло выполнить свой интернациональный долг, названный так впоследствии, на территории Афганистана.

Дорога.

Наш путь лежал в город Кундуз одноименной провинции, который располагался на расстоянии трехсот километров от границы. Еще в декабре туда выезжали офицеры дивизии на рекогносцировку. В течение полутора месяцев, пока мы стояли в ожидании, обрывками до нас доходили слухи, а может, и правда, о происходящих за речкой событиях. В основном это были страшилки о коварности местных

жителей. О том, как они нападают на одинокие машины. Как устраивают засады на дорогах. Закладывают мины. И что уже очень много потерь среди мотострелковой дивизии, которая еще в декабре ушла в Афганистан в партизанском составе. И все машины, идущие из Афганистана, заполнены убитыми и ранеными. Особо не верили, но в памяти каждый рассказ занимал определенную полочку.

На другой стороне реки просматривался Хайратон — порт не порт, город не город, одним словом, пограничный переход.

Когда с понтонного моста мы поднялись на другой берег, страха не было. Были запредельная сосредоточенность и напряженность. Гордость за свою страну. А еще огромное любопытство. После предсказуемой жизни в Советском Союзе — непредсказуемое будущее на ближайшее время. Интересно было все: и новая страна, и, как ни странно звучит, возможность повоевать. Граница была пересечена не только на земле, более укрепленную границу пересекали в своем сознании. Первые же увиденные картины вызывали удивление. На улице было холодно, но это не мешало афганцам ходить босиком или в резиновых тапках на босу ногу. Они сидели на корточках на обочине дороги. Или, как воробьи, на деревянных слегах заборов. Из одежды — широкие штаны из тонкой материи и такая же рубашка до колен. Мне стало не по себе, когда увидел на обочине ребенка лет шести с протянутой рукой и босиком. Его ноги от холода были синевато-бордового цвета. Складывалось ощущение, что мы попали на много столетий назад. И даже их грузовые автомобили скорее подчеркивали это, чем указывали на соответствие веку текущему. Это были

машины с высоко наращенными бортами, разукрашенные местными сюжетами и обвешанные разными цепочками, колечками и другими звенящими и блестящими штуками. Поражало количество афганцев, сидящих в машинах. Они были везде: в багажнике, на крыше, висели на подножках. Каждая машина была облеплена людьми, и складывалось впечатление, что это последняя машина, на которой можно уехать. В легковушке запросто умещалось больше десяти человек. А если у машины надо было поменять колесо, то домкратами не пользовались. Съезжали с дороги и под колесом копали яму. Впоследствии к этим машинам плотно прилепилось название «барбухайка».

Выехав из Хайратона, мы встали в степи в ожидании остальных машин, пересекающих реку. Ждать пришлось недолго, и наша рота тронулась в путь. Километров десять мы шли вдоль реки, после чего повернули вглубь страны. С поворота хорошо была видна дорога, поднимающаяся вверх, в сторону гор, и хорошо было видно, как по этой дороге сплошной цепочкой движется военная техника. С первых же минут колонна стала периодически останавливаться. Да и понятно, обгонять никого нельзя, и если останавливалась одна машина впереди, то за ней вставала вся колонна. Колонна сжималась, и когда первые машины набирали скорость, задние еще стояли. Время движения можно было просчитать. Пусть будет сто стоящих машин. Первая машина поехала. Как только она отъехала на сорок метров, поехала вторая, и так далее. Последняя машина трогается, когда первая уехала на четыре километра. А когда в колонне тысяча машин, то последняя трогается, когда первая ушла на сорок километров. И если первая встала, то последняя встает при скорости

в сорок километров в час через час. Так и шла колонна, то сжимаясь, то растягиваясь, как гармошка. Стояли часто и подолгу. Как только останавливались, вокруг нас, как по мановению волшебной палочки, появлялись афганские дети, которые тянули к нам грязные ладошки и кричали: «Бахшиш, бахшиш», что в переводе означало или «дай», или «подари». Мы, воспитанные в духе морального кодекса строителей коммунизма, кидали им консервы, за которые они тут же начинали драться между собой. Малолетние дети просили сигарет, которые тут же при нас начинали курить. На одной из таких стоянок к нам в машину заглянул Володька из Краснодара. Он сиял от счастья, сжимая в руке коричневые кусочки, похожие на мышинные катышки.

— Здесь столько плана, столько плана! — восхищенно рассказывал он нам.

Честно говоря, я впервые услышал о наличии в природе «плана», хотя по его речам стало понятно, что в Краснодаре этот «план» пользуется огромной популярностью. Более знакомыми, почерпнутыми из литературы названиями, являлись анаша, гашиш и марихуана. Все это добывалось из обычной конопли разными способами. От простого перетирания сухих листьев до экзотической беготни в голом виде по конопляным полям с последующим соскрёбыванием с тела пыльцы. Восторг краснодарца я в этот момент не мог разделить, так как имел смутные представления о продукте и его влиянии на организм. Сам не употреблял и соответствующих знакомых не имел. Чего нельзя было сказать о Феде, который проживал в Ферганской долине, где сорняковой конопли было не меньше, чем в известной Чуйской долине.

Стоянки использовались нами для проверки техники, для перекусывания, для общения друг с другом. Или чтобы просто отлить на обочину. Только к обеду проехали около восьмидесяти километров. Мы плавно поднимались в горы, когда слева в низине увидели какой-то город. Таких картинок я не видел даже в сказках «1001 ночь». Город сверху был глиняного цвета, так как весь состоял из глиняных домов без окон, окруженных глиняными стенами. В этой картине не было ни одного даже пятнышка другого цвета. Оставив одноцветный город позади, мы стали карабкаться на первый перевал. По дороге из Отара во Фрунзе, где я отдыхал в госпитале, был Курдайский перевал. Он был похож на старокрымскую дорогу. То, что возникало впереди нас, на порядки превосходило ранее виденное. Чтобы увидеть краешек неба, приходилось высоко задирать голову. Горы были такими громадными и величественными, что захватывало дух. Все время, что мы ехали в горах, где температура за бортом стремилась к нулю, приходилось бороться то с холодом, то с необходимостью быть начеку. Объяснялось все просто. Если дверное окно было закрыто, то автомат мог быть только в ногах, и это стало бы препятствием при нападении. Если открыть окно и высунуть ствол на улицу, то тепло из кабины сразу улетучивалось. Так и ехали, или мерзли, или были готовы к отражению атак. Весело выглядели автобусы, в которых ехал комендантский взвод. В отличие от нас, у них можно было окно чуть-чуть отодвинуть. Поэтому автобус выглядел как ёжик, из-за торчавших из каждого окна стволов автоматов. Его так и называли — «картонный ёжик». В этом же автобусе ехал наш ротный пес Толян.

В горах резко стемнело, как будто кто-то щелкнул выключателем. Перед машинами побежали светлые дорожки ближнего света фар. На фары были надеты светомаскировочные насадки — крышки с горизонтальной узкой щелью и козырьком. Может, с высоты мы и не были заметны, но освещение даже не дотягивало до впередиидущей машины. Теперь все ориентирование шло по красным габаритам впереди идущих машин. На безоблачном небе висела огромная луна. Не совсем полнолуние, но близко к этому. Перед нами были черные силуэты громадных гор с подсвеченными лунной снежными шапками и петляющая по серпантину дорога, с парами красных точек впереди. Обрезанные фары внезапно выхватывали обгоревшие и покорёженные остовы автомобилей, валяющиеся рядом с дорогой. Двигатель надрывно воет, пытаясь втащить наверх перегруженную машину. Еще до перевала столкнулись с интересным эффектом. В одном месте, где дорога явно визуальное уходила вверх, машина вдруг стала самопроизвольно набирать скорость.

— Андрюха, — повернул голову ко мне Федя, — мы набираем скорость, но я не нажимаю на газ.

— Притормаживай.

Федя стал притормаживать, и машина стала ехать с постоянной скоростью. Так мы этот участок в гору проехали на тормозах. Потом мне о такой же ситуации рассказывал и Лёха.

— Представь, Андрюха. Я в гору, а автобус набирает скорость. Я ногу с газа, а он быстрее и быстрее. Я чуть не обделался, думал, с головой не все в порядке. В гору заехал и все прошло.

Как только стемнело, останавливаться стали чаще, но из машин практически не выходили. Сидели в кабинах, отключив подсветку приборов, чтобы не было видно лиц. Двигатели не глушили, боялись не завести. На одном из поворотов заглох наш мотоцикл, который постоянно носился туда-сюда вдоль колонны. Все попытки его завести не увенчались успехом. Командиров рядом не было, и мы, притормозив, предложили его бросить, а наездникам сесть в автобус к Лёхе. Что и было сделано. Через полчаса об этом узнал командир мотоциклетного взвода. Прапорщик, развернув уазик, в котором ехал, помчался спасать мотоцикл. Но на том месте было пусто. Не было никаких следов, указывающих на то, что здесь совсем недавно стоял мотоцикл. Высоко в горах, хрен его знает, на каком расстоянии от ближайшего населенного пункта, тяжелый армейский мотоцикл был эвакуирован без следов. Два воспитательных момента были продемонстрированы данным происшествием.

Первое: мы никогда не остаемся одни, и всегда за нами следят.

Второе: после слов прапорщика — «Списать живую силу в боевые потери легче, чем технику», я понял, что самое главное — это живая сила, а не техника. И впредь для меня техника перестала представлять какую-либо ценность. Для меня, которого комсомол и партия воспитывали на геройских примерах комсомольцев, которые ценой своей жизни, спасали комбайны и хлебные поля.

— На хрен, на хрен, — думал я, до боли в глазах всматриваясь в ночную горную дорогу, сжимая в руках автомат.

Самое интересное началось, когда время подошло к ночи. Вторая бессонная ночь, постоянное напряжение и

усталость, и к этому разреженный горный воздух стали давать о себе знать. Водители стали засыпать прямо за рулем. Уже не было порядка в колонне. Цель была одна — ехать, не останавливаясь. Я по движению чувствовал, что Федя засыпает. Машина начинала ехать неуверенно, рывками, болтаясь из стороны в сторону. Получая тычок в бок, Федя приходил в себя, и через несколько минут начиналось все снова. Сначала мы пели, но репертуар быстро закончился, да и пение отвлекало от дороги.

— Давай, Федя. Рассказывай про свою жизнь. Про всё, про всё. И как только ты замолчишь, я буду знать, что ты заснул.

В ближайшие полчаса мы спокойно ехали, а я узнал про Федю всё. Даже про его любовь в детском саду. Про прекрасный город Ош. Про Ферганскую долину. Когда же Федины повествования подошли к концу, я предложил Феде свистеть. И под Федино насвистывание мы поехали дальше. На очередной остановке мы поменялись местами. За год службы я научился управлять мотоциклом, боевой машиной пехоты, бронетранспортером и танком. Немножко мог рулить уазиком. За руль тяжелого ЗИЛа с прицепом я сел впервые. Привычно выжав сцепление, включил первую скорость и надавил на газ, плавно отпуская сцепление. Машина натужно пришла в движение. Я держал дистанцию с машиной, идущей впереди. Ускорялась она, и я давил на газ. Загорались стоп-сигналы, и я вжимал в пол педаль тормоза. Шел на второй и третьей передачах. Я уверенно держался за руль до тех пор, пока машина не стала уходить влево, в обрыв. Руль заклинило, и все попытки его повернуть были безуспешны. Педаль тормоза, на которую я стал давить всем телом, легко

провалилась вниз и уперлась в пол, не оказывая сопротивления. До края обрыва оставались считанные метры.

— Федя, что делать? — повернулся я к Феде, но его там не было. Кабина была пуста.

Мозг заработал в аварийном режиме, и я увидел, что машина находится в том же положении на пути к обрыву, но только Федя сидит за рулем, а я на своем месте рядом. Со всей дури, врезав Феде в бок и закричав: Федя! Проснись! — я стал выворачивать руль.

— Андрюха, ты что? Я яму объезжал, — услышал я в ответ обиженный голос Феде.

Такое состояние я испытал впервые. Когда сон и явь переплетались и накладывались друг на друга. Глаза были открыты, а сознание гуляло в узком объеме кабины грузового автомобиля.

Сразу за перевалом колонна встала. Незаметно мы задремали. Когда очнулись, то не увидели впереди габаритных огней. «Все. Отстали. Мы одни», — пронеслись в голове тревожные мысли, и, выжав газ до пола, мы рванули догонять. И через сто метров за поворотом, скрывающим продолжение дороги, чуть не въехали в машину, за которой плелись последние несколько часов. В темноте уходили вперед пары красных огоньков от других участников движения. Елочная гирлянда из красных лампочек опутывала горный серпантин, как новогоднюю елку. Посмотрев в зеркало заднего вида, увидели, как за нами светятся фары вереницы машин, идущих за нами. Сняли светомаскировочные насадки. Ехать с ними стало невозможно. Не хватало сил всматриваться на дорогу и боялись врезаться в зад впереди идущей машины, если у той погаснут габариты.

Дальше стало еще хуже. Строй нарушился. Колонна стала жить сама по себе, а не по единому командованию. Некоторые машины останавливались на обочине и не мешали проезду основной группы. «ГАЗ—69», в простонародье «козлик», обогнал нас явно в состоянии прострации. Через километр мы увидели его метров десять ниже дороги на плоскогорье. Как он не перевернулся, съехав с такой высоты! Остановились и спустились вниз. Четыре человека, находящиеся в нем, мирно спали. Разбудили водителя и трех офицеров и, прицепив лебедку от «ГАЗ—66», который остановился рядом для помощи, вытащили на дорогу. Тронулись дальше. Если раньше перед нами постоянно маячил номер, нарисованный на заднем борту машины «62—58 БО», то теперь типы машин и номера стали меняться. Появлялись и исчезали номера с серией «БО», которые принадлежали только нашей роте. Тебя никто не обгоняет, не обгоняешь и ты, только впереди уже не «БО», а какой-нибудь «ИЧ», «ИФ» или «ЖЛ». Как он оказался впереди, уже совершенно не волнует. Нет уже «свой — чужой». Все давно уже свои. Главное, что вокруг тебя твои друзья, и ты не один. Несколько раз колонна вставала из-за уснувших танкистов. Они засыпали посреди дороги, и объехать их не представлялось возможным. В таких случаях брали кувалды и молотили по броне, пока танк, не выбросив облака копоти, не срывался с места или не давал дорогу для объезда. Наша скорость была повыше, а объезжаемые танки были еще с предыдущих колонн. Таким же способом будили и вставшие бронетранспортеры. Чем дальше, тем чаще слышалось в горах эхо от монотонных ударов по броне.

До развилки Пули-Хумри — Баглан мы добрались в полночь. Часть техники уходила направо в сторону города Пули-Хумри, где в десяти километрах за ним, в Килогайской долине, был организован запасной командный пункт армии. Наш же путь лежал налево, в сторону Кундуза. Глубокой ночью мы въехали в Баглан. Это был еще целый город с освещенными безлюдными улицами. Светились неоновые вывески. Работала автозаправочная станция. Было ощущение, что люди прячутся где-то рядом. Весь город показался длинным и негостеприимным. Где-то глубоко внутри возникало чувство тревоги. Особенно проезжая места, где деревья подходили вплотную к дороге. После Баглана вздохнули с облегчением и дальше ехали практически без остановок. Ехали по ровной дороге, идущей параллельно речке, оставляя справа горы. Когда закончились горы, перед нами открылась огромная долина, утопающая в зелени. И наконец-то, когда рассвело, мы добрались до Кундуза. Точнее, до поворота на аэродром. До самого города было еще километров пять. Техника сворачивала направо и, проехав по аллее из высоких деревьев, смыкающихся вверху, поднималась по дороге вверх на плоскогорье. На подъеме возникла пробка и неразбериха. За время марша машины перемешались, и водители не понимали, куда ехать дальше. Колонна встала на обочине, и мы с Федей, наплевав на безопасность, завалились на сиденье спать. Причем для удобства мы легли вальтом на сиденье, и для этого, непомерные ноги высунули в окна дверей. Некоторые последовали нашему примеру. И стояла колонна с торчащими из окон сапогами, в кбинах которой спали изнуренные долгой дорогой молодые ребята, совсем недавно закончившие школу. Перехватив

глоточек сна, по команде командиров, мы полезли на подъем. На плоскогорье машины разбредались в разные стороны к местам расположения своих частей. Наше место было определено на краю плоскогорья, куда мы и прибыли, отъехав дальше всех от взлётно-посадочной полосы аэродрома.

Временный лагерь.

Мы расположились на краю плоскогорья, перед достаточно глубоким оврагом шириной более ста метров. С другой стороны оврага простиралось холмистое плоскогорье, на горизонте которого виднелись горы. Никаких жилых построек с противоположной стороны не наблюдалось. Только наделы обрабатываемой или брошенной земли. Склоны оврага, или, скорее, лощины были пологими, со следами былой растительности и вытоптанных животными тропинок. Справа внизу овраг заканчивался, выходя на долину реки Кундуз. Ниже выхода располагался небольшой кишлак, в котором было не более трех десятков глиняных домов, огороженных глиняными заборами и узкими проходами между ними. С левой стороны овраг, петляя, уходил к горам, и его длину установить не представлялось возможным. Убедившись в том, что по дороге никого не потеряли, приступили к обустройству. Это было уже третье за последние два месяца развертывание роты в чистом поле, не считая декабрьских учений. Каждый уже знал, что нужно делать. Только в отличие от Союза, первой необходимостью здесь была личная безопасность. Опасность же поджидала нас со стороны поля, расположенного с другой стороны оврага.

Сразу начались работы по созданию линии обороны, состоящей из длинного окопа, простирающегося по всей длине расположения роты. Между окопом и склоном было около пяти метров. На самом склоне вырыли ячейки для секретов.

Организовали автопарк между окопами и местом для палаток, расставив машины по всем правилам. Сразу же вырыли туалет. Пользуясь туалетом на полигоне, мы накопили огромный опыт по его использованию. В этот раз мы подошли к делу творчески, с учетом всех наработок. Сначала вырыли яму, три метра на пять глубиной больше метра, а уже в этой яме - очень глубокую траншею. По краям траншеи уложили прочные толстые доски и скрепили их поперек парными дощечкам. Получилось около десяти посадочных мест. Конструкция была достаточно прочной и устойчивой. Пропала необходимость балансировать на досках, как на канате. Сделанный из брезента навес делал заведение уютным и приятным для посещения. В рабочем положении боец полностью скрывался из зоны видимости и был недосягаем для пуль.

Обустройство своих мест для ночлега заняло больше времени. Установить большую армейскую палатку не составило особого труда, а вот над своей десятиместной палаткой пришлось потрудиться. Сначала по размерам палатки вырыли прямоугольную яму с прямыми краями глубиной метр. Затем, отступив от двух сторон по два метра, углубились еще на метр. Сделали песчаные ступеньки, укрепив их досками. Все это сооружение накрыли брезентом, вкопав посередине ямы опорный столб. Края брезента крепко закрепили к земле и вырыли по периметру водоотводную канаву. В самом низу поставили печку-буржуйку и вывели трубу наверх.

Получилось, что самое дно было полом, а то, что выше, стало нашими нарами. Закрытые досками, нары вмещали семь человек по длинной стороне и троих по короткой. А то, что наше лежбище было заглублено на метр, спасало нас от шальных пуль. Напротив входа в нашу палатку располагался вход в палатку ротного.

Своеобразно решался вопрос отопления. В отличие от Союза, с дровами было не то что плохо, а очень плохо. А если точнее, то их просто не было. Поэтому использовалось следующее приспособление. На стенку вешался бачок от автомобильного нагревателя, в который заливалось около литра солярки. По тонкой металлической трубке солярка поступала в трубу и капала в печку. В печке зажигалась щепка, и, попадая на неё, солярка воспламенялась. И каждая последующая капля возгонялась и воспламенялась от предыдущей капли. И так, капля за каплей, все это горело с диким шумом и гулом, за что такие конструкции прозвали «фугасом». При этом труба и буржуйка раскалялись докрасна. За всем этим хозяйством нужно было постоянно присматривать, иначе можно было спалить палатку. На плоскогорье в других частях палатки вспыхивали с постоянной периодичностью.

Когда мы, уже почти деды, отбивались спать, всегда оставляли на дежурстве молодого бойца, который с автоматом в руках сидел сзади буржуйки и не только следил за необходимой температурой, но и охранял наш покой от вражеских лазутчиков. Рассказывали, что душманы ночью проникают в палатку и убивают всех, кто там находится. Душман, в переводе с таджикского языка – враг. Мы же их называли

еще духами, сокращая основное название. Так вот духи использовали для этого шомпол. Шомполом в ухо спящего, чтобы не вскрикивал и не будил остальных.

В одну из ночей охранял нас рядовой Бондаренко. Небольшого роста, пухленький, призванный всего несколько месяцев назад, непонимающий, что с ним происходит, и где обещанная ему армия с казармами и увольнительными. Среди ночи то ли он уснул, то ли со страху нажал на курок своего автомата и пустил от себя очередь. Две пули зарылись в пол, одна перед ним под нары, одна в стену над головой спящего Володьки из Краснодара, а две оставили дырки в брезентовом верхе. Мы, как по команде, привстали со своих мест, увидели догорающие в земле трассера, мгновенно оценили обстановку, и со словами — «Бондарь, ты так больше не делай» — рухнули снова спать. Но не тут-то было. Через пять минут в палатку влетел замполит роты, который некстати оказался дежурным в эту ночь. Я до этого не упоминал его, потому что было не за что. Это был долговязый угловатый лейтенант, только вылупившийся из училища и ничего из себя не представляющий. Даже его фамилия сразу забылась. Даже не помню, откуда он взялся. Может, он был еще в Душанбе, что вряд ли. Скорее, его нам подсунули в Термезе, в суете и неразберихе.

— Рядовой Бондаренко, что случилось? Почему стрелял? Да я тебя! — начал он орать со всей дури.

— Товарищ лейтенант, — обратился я к нему, не поднимая головы, если Вы хотите разобраться с рядовым Бондаренко, то выйдите на улицу и делайте с ним что хотите. А мы устали, дайте нам выспаться.

— Встать! — заорал он на меня — Я приказываю тебе встать.

— Ну не тебе, а вам, согласно уставу.

— Я тебе. Я вам. Я.Я.Я.

Не находя больше слов, он стал все больше и больше распаляться. Понимая, что мне поспать не удастся, так пусть хоть поспят ребята, я вышел с ним из палатки.

— Ты сволочь. Ты подонок, — понеслось в мою сторону.

— Знаете, товарищ лейтенант, если бы эти слова мне сказал ротный, то я бы очень сильно расстроился. А от вас для меня это просто пустой звук, — ответил я ему и понял, что этого говорить ему было не нужно.

— Пойдем, — как-то уж очень спокойно и сосредоточенно приказал он.

— Куда?

— В овраг.

— Зачем?

— Я тебя там расстреляю, — на полном серьезе сказал он, и я осознал, что он не шутит.

На днях в этом овраге расстреляли душмана, о чем напоминал прямоугольный, не успевший зарости травой участок земли. Замполит, наверное, был еще под впечатлением от этого события, как, впрочем, и мы.

— А как же ваша карьера? Вас же посадят за убийство сержанта?

— Скажу, что при попытке к бегству к бандитам.

Пройдя через автопарк, мы приблизились к краю оврага и остановились, не переходя через боевое охранение. Пора было принимать со своей стороны меры по приведению лейтенанта в нормальное состояние.

— Товарищ лейтенант, а можно перед расстрелом покурить?

Мы закурили по сигарете, и я, приобняв его за пояс, стал разворачивать в сторону палаток.

— Товарищ лейтенант, Вы уж извините. Погорячился. Сами знаете, как вкалываем. С ног валимся к вечеру. Виноват. Погорячился. Такого больше не повторится, — плел я ему всякую чушь, а сам подталкивал его в сторону роты. Возвращаясь назад, увидел, как несколько ребят следили за нами и были в курсе наших разговоров.

Лейтенант успокоился, и я нырнул к себе в палатку. Следом в палатку спустились мои сопровождающие.

— Андрюха, ну, ты и даешь. Он же готов был тебя расстрелять.

— Всем спать. Завтра обсудим.

Дав подзатыльник Бондарю и пообещав в перспективе настучать ему по голове, полезли на свои уже остывшие места. Привычно гудел фугас, нагревая ноги. Где-то далеко в охранении прозвучала короткая пулеметная очередь, но поддержки не нашла.

Хотелось спать, но до утра так и не уснул, переваривая ночные превратности службы. В очередной раз напоминая себе, что по службе, да и по жизни надо держаться подальше от дураков.

Собственными силами мы себя охраняли по ночам. По расположению роты и автопарку ходили часовые. С вечера в окопы загружались бойцы и всю ночь попеременно следили за противоположным склоном. На той стороне были установлены сигнальные мины-растяжки. При задевании

проволаки вверх поднимался столб огня, освещающий предполагаемое место нахождения нарушителя, а в небо летела ракета, издавая свист. Мины срабатывали практически каждую ночь. То ли так были поставлены, то ли ежик цеплял, но на каждый такой сигнал боевое охранение открывало шквальный огонь. Ежиков было много, и отличались они от привычных советских длинными ушами, торчащими над иголками на несколько сантиметров. Личный состав поднимался по тревоге и занимал заранее подготовленные места для отражения нападения. Первые ночи стрельба длилась долго и затихала тогда, когда всем надоедало пускать трассеры в ночь. К необходимости своей защиты примешивалось желание просто бесконтрольно пострелять из автомата, ощутив мощь собственного оружия. Такие односторонние перестрелки за ночь вспыхивали по всему периметру аэродрома. Со временем на такие мероприятия выбегало все меньше и меньше желающих пострелять. Лучше подольше поспать, да и постоянная чистка автомата не прибавляла энтузиазма. Чуть позже к нам на усиление прибыл танк. Окопался и стал нам помогать. Но за все время так ни разу и не выстрелил. Не было целей. А если бы выстрелил, то наши палатки снесло бы. Я один раз по неосторожности стоял рядом со стреляющим танком. Отбитая мягкая часть тела и глухота на несколько часов – хороший урок от подобного любопытства.

Приходилось быть внимательными и днем. За месяц до нас на аэродроме была дислоцирована десантная штурмовая бригада. У них с собой вообще не было имущества. И многие из них шастали по плоскогорью в поисках того, что

плохо лежит. Их молодые бойцы в грязных бушлатах постоянно крутились возле нашей роты. Нужен был глаз да глаз. Об этой штурмовой бригаде ходили далеко не лестные отзывы. Начиная с одного из командиров, про которого говорили, что он переправил в Союз легковую «Тойоту», конфискованную у местного населения, заканчивая личным составом, который нес большие потери и отличался жестокостью по отношению к местному населению.

Начались первые поездки за водой в Кундуз. Мы битком залезали в БТР, занимая все места в десантном отделении и, высунув автоматы из бойниц, смотрели в триплексы, ожидая нападения. Несколько раз садился за пулеметы. Поездки были редкие. Вода нужна была только для приготовления еды. Хватало одной бочки на несколько дней. Ожидая водовозку, из бронетранспортера не выходили. Сидели на броне, рассматривая окружающую обстановку.

Каждый новый день приносил новую информацию о стране пребывания. Календарная весна началась сезоном дождей. Это когда дождь идет круглосуточно и без перерыва. Причем интенсивность дождя практически не меняется. Наши осенние затяжные дожди по сравнению с местными были кратковременными ливнями. Земля, которую легко было копать сухой, превратилась в месиво. Особенно было сложно ехать по этой грязи. Хоть все машины у нас были вездеходами со всеми ведущими колесами, но один раз без танка не обошлось. Сначала сел «ЗИЛ—131». На помощь ушли «ГАЗ—66» и «ЗИЛ—157». Три машины попытались вытащить два «Урала». Когда в этой луже мы утопили девять машин, пришлось идти за помощью к танки-

стам. С первого раза танк заглох. Прапорщик, управляющий танком, вылез на броню и удивленно посмотрел на гроздь машин, после чего нырнул в люк, и танк, выпустив вверх столб дыма, потянул вперед. Кавалькада сцепленных между собой машин запрыгала за ним, как детские машинки в песочнице. Несколько оторванных бамперов и грязная по зеркала заднего вида техника — результат недооценки свойств грязи и переоценка возможностей нашей техники.

Грязь, скорее похожая по составу на сметану, была везде. Перед палаткой росли грязевые сугробы, которые образовывались от очистки сапог. Ко всем бытовым проблемам добавилась вечно сырая и грязная одежда. Постоянно раскаленная буржуйка не справлялась с сушкой одежды. Сушка десяти пар портянок в маленькой палатке над буржуйкой не прибавляли атмосфере приятных ароматов. Поэтому старались без особой нужды под дождь не высываться, что получалось редко. Единственное, что скрашивало иногда, так это употребление той фигни, которая так в свое время воодушевила краснодарского парня. Володька не только постоянно ее находил, но и умудрился за короткое время почти всех научить ею пользоваться. Не курили только те, кто не курил совсем. Мы рассаживались в теплом автобусе и под шум дождя пускали по кругу самодельную сигарету. Здесь же был в первый (и последний) раз опробован одеколон «Саша» и «Тройной» в качестве напитка. В металлическую кружку наливался парфюмерный продукт и доливался водой до получения жидкости, по цвету похожей на молоко. Употребления данного коктейля не доставило мне удовольствия, а вот выдох долгое время напоминал работу автоматов, в которых за двадцать копеек тебя обдавало

брызгами, выбранного одеколona. Кружку пришлось выкинуть, так как одеколонный дух из нее не выходил, несмотря на все усилия.

Все в этом мире проходит, закончился и сезон дождей. Становилось теплее день ото дня. В овраге из нор вылезали греться на солнце большие черепахи. Все поля покрылись сначала желтыми маленькими тюльпанами, а потом красными маками. Эти разноцветные ковры из цветов совсем не вязались с нашей службой. В свободное время загорали на солнышке. И первый коричневый загар покрывал наши тела. Боялись не успеть загореть до дембеля. Наивные. До дембеля коричневый загар сначала сменился бронзовым, потом желтым, а потом цветом выгоревшей земли. Мы уже стали привыкать к такой жизни. Третий месяц на земле очень способствовал появлению насекомых, что потребовало принятия соответствующих мер. Такими мерами служила передвижная армейская баня на базе шишиги. Конечно, это была не русская баня и не сауна, а пропарочная камера для белья в кузове и растянутая рядом с машиной брезентовая палатка. Вопрос с помывкой тоже был решен. В парилку удалось попасть только нашему белью, а тело было вымыто теплой водой в палатке. Ощущение чистоты тела, помытого полностью первый раз за несколько месяцев, было приятнее, чем посещение бани в Сандунах. Когда потеплело, то вопрос дезинфекции и стирки обмундирования решался очень быстро и просто. В полное ведро бензина опускалась одежда. Через пять-десять минут, не отжимая, все развешивалось на проволоке. Когда одежда высыхала и практически переставала вонять бензином, надевалась. Все было чисто

и стерильно. Главное — этот процесс нужно было осуществлять без сигареты во рту. И воздержаться от курения в первые минуты после одевания.

Оставаясь на краю оврага, мы стали готовить новую площадку для роты. Находилась она в пятистах метрах от взлётно-посадочной полосы аэродрома. И в километре от оврага.

Километр был и до съезда с плоскогорья, до КПП и шлагбаума, расположенного там же. Колонны из Союза с имуществом и материалами прибывали постоянно. Мы получили две новых армейских палатки и двухъярусные армейские кровати с матрасами, подушками, одеялами и комплектами белья. Как работала система обеспечения, сложно представить, но в нужное время и в нужном месте мы находили все необходимое. В конце марта — начале апреля, мы перебрались на новое место. Нам это не составило особого труда, так как опыт последних месяцев позволял развернуть лагерь в любых условиях. Мы это делали пятый или четвертый раз за последние три месяца.

Постоянный лагерь

Чтобы иметь представление о нашей жизни, необходимо описать каждый объект расположения роты. Начнем с палаток для личного состава. Рассмотрим букву «П». По правой стойке буквы были установлены две армейские палатки, смотрящие входом на противоположную стойку. Это были достаточно обширные армейские палатки. В середине палатки были деревянные настилы. А по краям двухъярусные кровати, застеленные постельным бельем. Между опорных

стоек и двух печек располагался ящик, на котором был установлен пулемет дневального по роте. Сзади палаток, параллельно правой стойке буквы «П», были более мелкие палатки штаба дивизии, выходившие на сторону взлётно-посадочной полосы. Параллельно крайней большой палатке со стороны столовых была организована волейбольная площадка.

Напротив входа в наши палатки, по левой стойке буквы «П», располагались три небольшие палатки, входами обращенные к нам. В первой снизу стояли одноярусные кровати наших командиров, а другая закрывала бассейн размером три на три, глубиной около двух метров. Процесс строительства бассейна был небыстрым. Бетонирование стенок осуществлялось трофейным цементом. Между палатками была дорожка, выложенная деревянными срезами бревен. Обе палатки были накрыты маскировочной сетью. Третья палатка выполняла функции оружейной комнаты. Интересна была начинка оружейки. Все оружие было на руках, поэтому там хранились только боеприпасы. Свободно валялись открытые ящики с цинками с патронами, ящики с гранатами, как наступательными, так и оборонительными. Сигнальные ракеты и цветные дымы. Там же стояли ящики с сигаретами. Согласно нормативам, на каждого было положено табачное довольствие, около двадцати пачек сигарет на человека в месяц. Сигареты не раздавались, а лежали в ящиках. Любой мог взять столько сигарет, сколько ему было нужно. Сигареты были простейшие, которые стоили в Союзе от шести до десяти копеек за пачку. Это были «Охотничьи» (Смерть на болоте) и «Памир» (Нищий в горах).

Слева от входа, по перекладине буквы «П», замыкала пространство палатка, выполнявшая роль склада. На складе валялось всякое барахло, о назначении которого знал только старшина роты. Там же я присмотрел ящик с прицелом ночного видения. Восстановив его, получил очень хорошую трубу для ночного обзора.

Автопарк находился примерно в ста метрах слева от расположения роты. Если автопарк обозвать квадратной буквой «О» из-за схожести периметров, то вся конструкция выглядела как «О П». Между автопарком и палатками ночью ходил часовой. Для того чтобы идентифицировать проходящего, была придумана система паролей.

— Стой! Кто идет? — орал часовой и называл город.

В ответ нужно было сказать другой город. Города менялись каждый день. Поэтому чаще всего в ответ звучало: «Пошел на ...»

Потом какой-то умник решил автоматизировать пароли. Принцип был заложен в следующем: например, сегодня двадцатое число. Часовой называет цифру пять. А ты в ответ должен сказать число, сумма которого с числом часового будет равна сегодняшней дате. Такая система значительно усложнила процесс взаимодействия. Вспомнить, какое сегодня число, да еще решить уравнение в голове было не под силу многим. Особенно для выходцев из Средней Азии, которые говорили и понимали по-русски с трудом, хотя активно участвовали с нами в выполнении заданий как переводчики. Поэтому вскоре система паролей между солдатами и сержантами перешла на великий и могучий. Несменяемая паратройка известных слов надежно защищала нас от посторонних.

Иногда из парка можно было слышать диалоги часового с офицером:

— Стой. Кто шла? Двадцать две.

— Два. Три. Бл...!

— Нет. Ложись. Стрелять буду.

— Это я. Твой командир. Четыре. Пять. Бл...ь! Какие двадцать две. Сегодня пятое число.

— Пять отнять две и две будет один. Проходи, товарищ командира.

Часовые между ротой и парком часто служили нам посыльными в роту. А также охраняли нас от незапланированных визитов офицеров в автопарк. Пока они выясняли пароли у офицеров, у нас было достаточно времени навести порядок и спрятать то, что не предназначалось для посторонних глаз.

Пищеблок имел тоже форму буквы «П», перевернутой вверх ногами относительно нашей, где ножками были две армейские палатки с входами со стороны перекладины, выполнявшие роль столовых, а перекладиной кухня. Он обеспечивал питанием не только нашу роту, но и офицеров штаба дивизии. Офицерская столовая была гражданской, со столами и стульями. Офицеров обслуживали официантки, вольнонаемные гражданские женщины, вахтовым способом прилетающие из Душанбе.

Солдатская столовая разительно отличалась от офицерской. Столы появились в конце лета. А до этого прием пищи осуществлялся стоя, на широкой доске, которая была приколочена к двум вкопанным столбикам. Прием пищи ничем не отличался от полигонных трапез. Подходишь к котлу на кухне со своим котелком, в который повар черпаком на

длинной ручке вываливает приготовленный продукт. Идешь в палатку и принимаешь содержимое, уютно установив свою металлическую емкость на нестроганую доску.

Поедая изысканные деликатесы, к которым привык за последний год, ты мысленно уже давно не уносишься в фешенебельные рестораны и модные кафе. Твоя задача проглотить необходимое количество калорий для поддержки организма, который испытывает огромные физические, психологические и моральные нагрузки. В один из первых ужинов на новом месте вдруг стало тревожно на душе, ноги начали предательски дрожать и подгибаться. Захотелось схватиться за опору или сесть на землю. Посмотрев по сторонам, стало понятно, что и окружающие испытывают такие же чувства, садясь на землю или хватаясь за столы. Нет, это не помутилось в голове, это обычное землетрясение. Первое в твоей жизни, поэтому такое тревожное и страшное. Это просто твое сознание не может принять то, что земная твердь, на которой ты привык устойчиво держаться, вдруг начинает себя вести неподобающим образом.

Палатки, в которых жили официантки, стояли параллельно офицерской столовой со стороны аэродрома как продолжение штабных палаток. Они были центром притяжения офицерского и летного состава. Неудивительно, что по вечерам туда подтягивались офицеры всех родов войск. На весь гарнизон это было единственное место, где были молодые женщины. Некоторые вертолетчики, возвращаясь с задания, на низкой высоте проходили над их палатками. На аэродроме располагались транспортные «МИ—6», боевые «МИ—8» и «МИ—24» — волки, как мы их называли. Их присут-

ствие мы ощущали всегда. Постоянно в небе висело несколько вертолетов. Высоко «МИ—8», а у земли волки с бронированным днищем. На операциях они обрабатывали склоны, выпуская над нами ракеты, которые, оставляя за собой след, уходили по целям. Мы смотрели, как красиво взлетает пара. Сначала они поднимались над землей метра на три и зависали на короткое время. Потом гул нарастал, и пара синхронно уходила вперед большим винтом, набирая высоту. После полетов летный состав подтягивался к палаткам с прекрасным полом. После всего, что творилось во время выполнения боевых операций, общение с женщинами было маленькой отдушиной. Возможностью хотя бы на короткое время отвлечься от войны. Ощутить себя в домашней обстановке. Про романы офицеров и официанток не знаю, не слышал, да и неинтересно было. А вот роман солдата из нашей роты с одной из них был настолько бурным и публичным, что для его окончания ротному пришлось отправить незадачливого влюбленного в другую часть, подальше от возлюбленной.

Чуть в стороне от дорожки, ведущей от наших палаток к столовой, стоял дизельный генератор на колесах. Он работал круглосуточно, и его громкое тарахтение преследовало нас все время службы. Электричество, вырабатываемое этим дизельным монстром ярославского завода, позволяло иметь освещение не только внутри палаток, но и на территории перед ними. Наш автопарк тоже освещался четырьмя лампочками, свободно болтающимися на столбах. Если обозначить генератор буквой «Ж» из-за его постоянного жужжания, а аэродром буквой «А», то общая схема расположения

лагеря с высоты птичьего полета, выглядела следующим образом: Ж О П А и перевернутая П (пищеблок) снизу под палатками.

Про туалет понятно. Яма в неглубокой, огороженной яме. Только узкая яма была вырыта на глубину метра три, чтобы хватило надолго, и не надо было часто менять дислокацию. Соответственно естественный процесс напоминал бросание камушка в колодец. Бросил и ждешь, когда раздастся булькающий звук достигнутого дна.

Место для умывания представляло собой участок, внутри которого на высоте более двух метров был установлен резервуар, от которого вода поступала не только в трубу с кранами, но и в трубу с душевыми лейками. Все это вокруг было закрыто деревянным забором. С началом изнуряющей жары вода в баке нагревалась до кипятка. Под душем можно было помыться с мылом.

О воде следует поговорить отдельно. У местных водопровода не было в принципе. Вся вода самотеком, по кяризам – подземным каналам и арыкам поступала с гор. То есть за много километров от города или кишлака делался отвод от горной реки, и где по поверхности, где тоннелями, эта вода доходила до места. Этим ирригационным системам была не одна сотня, а может, и тысяча лет. Вода использовалась и для полива и орошения полей, и в быту. Причем можно было наблюдать картину, как в арыке сидит корова, ниже по течению купаются дети, здесь же в арык вываливают мусор и тут же берут воду для нужд. Цвет воды желтовато-зеленоватый. Понятно, что при такой антисанитарии заболеть было легко и просто. Жара и грязная вода давали испарения, насыщенные целым букетом болезней, в том

числе тех, про которые в Союзе давно забыли. С целью недопущения заболеваний и переноса их в последующем в Союз, в начале лета прилетела группа врачей для вакцинации личного состава. Ты подходил к двум медикам, и с двух сторон тебе лупили в обе руки из бесконтактных шприцов. После чего у прививаемого поднималась температура, а некоторые еле стояли на ногах. Я не знаю, что загоняли в мышцы, или известные вакцины от возможных болезней, или экспериментальные препараты, но, взглянув на это действие, я, сославшись на аллергию к лекарствам и из книг зная, что бывает какой-то шок, отбилась от этой процедуры. Может, их и миновал тиф, холера и другие экзотические прелести, но от желтухи спаслись не все.

27 марта 1980 года вышел Приказ Министра обороны № 97 «О призыве и увольнении в запас». В этот день, соблюдая традицию, отхлестали кожаными ремнями по мягким местам призыв весны 1979 года, таким образом переводя их из молодых в черпаки. Сами же мы стали дедушками Советской Армии со всеми вытекающими последствиями.

В нашей роте дедовщины, основанной на унижении и издевательствах, не было в принципе. Не потому, что рядом штаб дивизии, а у молодых в руках всегда автомат. И откуда прилетела пуля во время операции, выяснять не будут. Нет. У нас было заслуженное уважение младших перед старшими. Молодые старались учиться нашему опыту. А мы старались их прикрыть от опасности. Такой субординацией пользовались и командиры. Им не было смысла воспитывать молодежь. Достаточно было вставить нам, дедам, а мы уже учили черпаков, а те в свою очередь молодых. Ротный тоже поддерживал такую постановку вопроса. Он, конечно,

воспитывал всех, но молодых старался через нас. Воспитанием он занимался просто и жестко. Чтобы показать, что мы не на прогулке и не на учениях, он всю роту вывел к санчасти, находившейся сравнительно недалеко от нас. И провел мимо штабелей с пока еще пустыми цинками и мимо лежащих окровавленных простреленных бушлатов. Это произвело сильное впечатление и соответственно настроило личный состав роты. Ротный был у нас отличным командиром. Москвич. Из семьи прокурорских работников. Носил усы щеточкой. Его физической подготовке можно было только позавидовать.

— Кто быстрее меня бегает, кто лучше меня стреляет, кто больше меня подтягивается на перекладине, тому я разрешу носить усы, — мотивировал он дедов. А какой дед без усов? Как говорится, был суров, но справедлив. Приходилось держать себя в отличной форме. А самой главной стала его фраза, которая проникла во все клеточки мозга и руководила сознанием в самых напряженных моментах. «Не видишь — не стреляй». Со страху или от возбуждения легко было расстрелять весь боекомплект и остаться беззащитным. И уповать только на отполированный патрон, который практически у каждого лежал в маленьком карманчике (пистоне) в галифе. Для себя. Чтобы не попасть в плен. Хоть и был ротный всего на три года старше меня, но с точки зрения армейской службы, он был авторитетом. Как кадровый военный, он относился к службе основательно и серьезно. Мы же смотрели на свою службу, как на отрезок времени, который надо быстрее проскочить. Его медленная и уверенная речь тормозила нашу прыть и заставляла прислушиваться к каждому слову.

Когда все стали делать татуировки, кто на плече орлов с лентой и надписью ОКСВА (ограниченный контингент советских войск в Афганистане), кто на груди группу крови и резус фактор, ротный построил всю роту и вывел меня перед всеми.

— Снимай гимнастерку, — приказал он. И когда я скинул гимнастерку, он продолжил: — Посмотрите на нормального человека. Тело должно быть чистым, без татуировок и опознавательных знаков.

Мысли — а не наколоть ли мне что-нибудь — после этого были изгнаны из головы и больше не появлялись.

Когда Лёха узнал, что родители у ротного прокуроры, то основательно напрягся. Лёха родился, когда его отцу было 56 лет. За спиной его отца было 35 лет тюрем и лагерей. Два побега. Один из лагеря через тайгу, после чего ему пришлось прятаться на фронте. Другой с этапа, когда их сплавляли на барже в ледоход, и он прыгнул в ледяную воду. Один раз его приговорили к расстрелу, но, как говорил Лёха, все-союзный староста Калинин помиловал. Частенько вечерами я слушал о похождениях его отца, у которого в подельниках был друг Леонид, с которым они неоднократно нарушали закон в довоенном Советском Союзе. Лёха боялся, что ротный узнает о его родословной и переведет в другую часть.

Работа.

Передав охрану гарнизона сменившим нас артиллеристам, мы перебрались на новое место. Здесь, на постоянной основе, каждый получил свою зону ответственности. Первый водитель БТР не зарекомендовал себя должным образом, поэтому ротный посадил Лёху водителем на БТР

под номером 087. Я же был определен туда командиром с совмещением обязанностей оператора-наводчика. Или наоборот, оператором-наводчиком с совмещением обязанностей командира БТР. Мы перешли под непосредственное подчинение ротному.

У Лёхи были в руках два восьмицилиндровых двигателя от автомобиля «ГАЗ 66» мощностью по 120 лошадей каждый, а у меня два пулемета — КПВТ (крупнокалиберный пулемет Владимирова танковый) и ПКТ (пулемет Калашникова танковый). У ПКТ был калибр 7.62, как у старого автомата АК—47, только применялся не унитарный патрон, а винтовочный. КПВТ же имел калибр 14,5. патронов было всего два вида: МДЗ — мгновенного действия зажигательный и БЗТ — бронебойно-зажигательный трассирующий. Первый использовали как разрывную по живой силе и технике, а второй по сооружениям и технике. Лично я забивал в ленту по три МДЗ и один БЗТ. При попадании любым из этих мини-снарядов в зад ишаку, последнего, вывернутого наизнанку, уносило далеко вперед, оставляя на месте копытца.

По мере эксплуатации, мы внесли кардинальные изменения в конструкцию. Кстати, к нам часто приезжали разработчики БТРов и интересовались нашими замечаниями и пожеланиями. Так вот, некоторые наши изменения и предложения были внесены в новые образцы и сейчас используются во всех БТРах последующих серий. Что касается моей епархии, то прожектор до нас располагался над люком старшего по машине и при его отсутствии был бесполезен, да и при его наличии был не синхронизирован с башней. Мне же для подсветки места обстрела необходимо было освеще-

ние. Поэтому прожектор переключался на ствол пулемета. Поставив прожектор на свое управление, я получил освещенный круговой обзор. Что касается Лёхиной области, то над двигателями воздухозаборные жалюзи были закреплены жестко. При высокой температуре за бортом не хватало воздуха для охлаждения радиаторов, что приводило к закипанию и перегреву двигателя. Мы их просто открутили со стороны башни и подперли досками. Когда при сопровождении колонны закипает двигатель, рвутся патрубки и вода из радиатора вытекает, есть три выхода. Встать, отстав от колонны, и поменять патрубки – что равносильно самоубийству. Зацепиться на буксир, что при отсутствии равнозначной бронетехники не представлялось возможным. Или продолжить движение без охлаждения. Мы использовали все возможные варианты. И чинились в дороге, догоняя колонну. И тащились на буксире, когда дорога была к дому. И возвращались домой без охлаждающей жидкости, что приводило к прогоранию прокладки блока цилиндров и соответствующему ремонту. Дважды двигатели полностью разбирались для замены прокладок. И все это надо было успеть сделать до следующего выезда. Кроме того, были сняты заводские ограничители скорости, что в свою очередь увеличило предельную скорость. По трассе разгонялись до ста десяти километров в час, а рекорд – сто двадцать с горы.

— Двигатель можно заменить или отремонтировать. А нас — хрен, — заявил Лёха, когда кто-то сказал, что в таком режиме двигатели долго не протянут.

Внутри БТРа, в заднем левом углу, находился суперсекретный фильтр противоатомной защиты, опечатанный

пломбой. Мы один раз его использовали, когда задул «афганец», тот же «бабай», но только местный. С таким природным явлением я сталкивался три раза. Один раз в Термезе и два раза в Афганистане. Я уже говорил, что дышать, говорить, видеть — это совершенно бесполезные занятия. Причем отличий, что днем в Афганистане, что ночью в Термезе, не наблюдалось. Такие же ощущения, наверное, испытывает страус в минуты опасности, зарывая голову в песок. Каждый хоть раз в жизни оказывался в жаркое лето на проселочной дороге. Когда идешь босиком, то ноги утопают в теплой пыли. Если же идешь в обуви, то от каждого шага в разные стороны разлетаются облака пыли. Представьте муравья, рядом с которым ступила нога. Вот мы и были теми муравьями, рядом с которыми великан в безразмерных ботинках не нежно наступал, а постоянно подпрыгивал в течение долгого времени. И если первый раз в Термезе не было видно из-за темноты, то днем было отчетливо видно облако пыли, стремительно несущееся на тебя. Когда на тебя несется хрень из песка, пыли и мелкого мусора, становится не по себе. И возникает желание спрятаться в защищенном месте. Мы прятались в БТР и включали фильтр противоатомной защиты. Он должен был создавать внутри повышенное давление очищенным воздухом, что препятствовало бы проникновению снаружи зараженного воздуха и мелких частиц. Но, несмотря на все действия по инструкции, внутри БТРа было полно пыли и песка. Что послужило нам основанием выкинуть из бачка фильтра всю начинку и использовать его как сейф. При осмотре БТРа офицерами особого отдела или командова-

нием на предмет наличия запрещенных предметов, (особенно тщательный досмотр был после боевых операций), ни у одного проверяющего не появлялось даже мысли, что мы могли посягнуть на опломбированное святое.

Десантное отделение служило нам кубриком. Когда сиденья раскладывались, то получалось отличное спальное место, на которое помещался матрас, чем мы постоянно пользовались. Днем матрас скручивался, а ночью было отличное место для сна на мягком матрасе с подушкой. Наволочка и простыня делали сон более приятным. Летом, когда температура воздуха с восходом солнца резко поднималась, внутри оставалось прохладно и давало возможность подольше поспать. Вечером, перед сном, мы поливали БТР водой, чтобы он быстрее остывал. Так что, хоть у нас и были свои места в палатке вместе со всеми, в центре на первом ярусе, но комфортнее было спать в машине. Да и удобнее, если возникала срочная поездка.

С этого момента служба, не отличающаяся спокойствием, забурлила с новой силой. Дни, когда мы не выезжали из парка, можно было пересчитать по пальцам. Через несколько выездов обстоятельства сформировали свою манеру езды. У душман была своя тактика нападения на колонну. Они отсекали несколько задних машин, и пока до передней части колонны доходило, что сзади засада, было уже поздно. Мы же практически всегда были замыкающими колонны. Лёха гнал машину на пределе возможностей, а я сидел на броне, отслеживая обстановку вдоль дороги. Так было намного эффективнее. Внутри БТРа из-за шума нельзя было не только увидеть, откуда стреляют, но и услышать сам

выстрел. Снайпера опасался, но не боялся. Вероятность попадания в меня на большой скорости издалека была нереальной. Кроме того, при попадании из гранатомета в БТР вероятность выжить была реальной. Как только по ходу возникала подозрительная ситуация, или раздавался выстрел, то нырнуть вниз, занять свое место, развернуть башню в сторону атаки, нажать на кнопки электроспусков пулеметов в ответ занимало доли секунды.

В наши обязанности входило сопровождение и охрана водовозки. До того, как пробурили свою скважину, питьевая вода набиралась на заводе Спинзар в центре Кундуза. Водовоз докладывал ротному, что вода закончилась, и ротный отправлял нас за водой. Сначала это был «ЗИЛ—130» с бочкой на три куба воды. Наш водовоз плохо учился в школе и вошел в поворот с неполной бочкой. После трех переворотов чудом выживший водитель долго рассматривал сплюснутую кабину и цистерну, вспоминая про уроки физики и центр тяжести. Это происшествие способствовало появлению авторазливочной станции (АРС) на базе «ЗИЛ—131», вмещающей уже пять тонн воды. Мы вставали сзади водовозки и выезжали с плоскогорья.

Дорога сначала шла по аллее из высоких деревьев, кроны которых смыкались вверху, создавая естественный тоннель. Справа был обширный фруктовый сад с абрикосами, а слева кладбище и поле. Про абрикосы ходила история, что один боец решил полакомиться, а чтобы было удобно их собирать, оставил автомат под деревом. После чего не нашли ни бойца, ни автомата. Там же пропали и три десантника, отправившиеся попробовать вкусных плодов.

Мы же один раз собрали пару ведер. Пока молодые собирали, я с Лёхой охранял зону сбора. Ротный в это время контролировал процесс с дороги, сидя на броне.

Выезжали на трассу Баглан — Кундуз и уходили направо. Дорога шла между полей, где нужно было быть очень внимательным, иногда постреливали. Город начинался аркой с надписью Кундуз и уже по улице, среди мелких лавок, доезжали до места, где улица под прямым углом уходила направо. На этом повороте, слева, были ворота на завод, а перед ними площадка. Водовозка заезжала внутрь, а мы оставались перед воротами в ожидании возвращения. Весь путь был не более десяти километров. Водой там заправлялся весь гарнизон, дислоцированный на аэродроме, поэтому всегда была очередь, и на площадке стояла разнообразная бронетехника со всех частей. Иногда ожидание затягивалось на несколько часов. Знакомились и обсуждали вопросы службы с экипажами бронемашин, стоящими рядом. Заводили друзей из других частей. Искали земляков. Не забывая при этом внимательно следить за обстановкой. Предупредив ребят, ждущих свои машины, осуществляли прогулки по лавкам.

Запах. Запах. Запах. Всепроникающий запах восточных специй, от которого кружилась голова. Запах был везде. Он проникал во все щели. И звук. На каждом столбе висели громкоговорители. Из них постоянно звучала или восточная музыка, переворачивая все внутри, или текст на афганском языке. Скорее всего, за репертуаром громкоговорителей отвечали наши советники, иначе невозможно было объяснить, как среди местного колорита, вдруг зазвучала песня Челентано. Недолго, но я чуть не слетел с брони, когда

услышал ее, проезжая Кундуз. И еще звук молитв с минаретов, разносящийся по всем закоулкам с раннего утра. И это все служило фоном наших походов по лавкам. Звук и запах. Жара, звук и запах. И нервы, натянутые в струну, в ожидании удара ножом или выстрела. Ходили мы с Лёхой спина к спине, чтобы со всех сторон защищать себя от возможных нападений. Из зоны видимости старались не удаляться. Да и не надо было. Местные лавочники быстро сообразили, что нам надо, и подогнали нужный ассортимент. При наличии афганей (местной валюты), покупали разные товары.

Среди самых распространенных покупок преобладали сигареты «Мальборо» и ментоловый «Салем». Кока-кола в стеклянной посуде и, конечно, чарс – местное название того, что в Союзе называлось планом. Покупали лед. Первое время покупали арбузы и дыни. Очень хотелось горячих лепешек и шашлыка, но боялись отравиться. Покупали часы «Сейко», но прятали их от командиров из боязни быть уличенными в мародерстве. Там их и оставляли, уезжая в Союз. Не хотелось получить обвинение в контрабанде. В 1980 году за это можно было схлопотать до десяти лет. А вечером, сидя на табуретке под маскировочной сеткой, поднять армейскую металлическую кружку, наполненную водкой и кока-колой с плавающими кусочками льда, и после этого закурить «Мальборо». Разве это не было исполнением мечты советского человека? Попробовать символы загнивающего капитализма – Кока-колу и «Мальборо». Представлялось, что мы сидим не в автопарке, а за стойкой бара на диком западе, как в фильмах про индейцев из далекого детства. Только дикий был не Запад, а Средняя

Азия, а вокруг не индейцы, а душманы. Но разве в тот момент это имело значение?

Очень редко мы получали что-то бесплатно, как подарок. В основном шла ожесточенная торговля. Мы пытались продать или поменять все, что попало, от ненужных запчастей до продуктов. Постоянно что-то меняли. Особым шиком считалось продать местным лавочникам аккумулятор. Конечно, неработающий, давно выработавший свой ресурс и списанный на свалку. Перед продажей он тщательно чистился. Клеммы зачищались и смазывались солидолом. Заливался свежий электролит. От нового не отличишь, хотя внутри была труха. Когда нам нужно было что-то купить или поменять в Кундузе, мы давали команду водовозу слить воду, и он докладывал ротному о пустой цистерне. Машина шла за водой, а мы за необходимым товаром.

Мы были там больше пятидесяти раз, но только один раз мы попали в передрягу. В тот день, когда мы подъехали, на заводе было пусто. Только перед воротами стояла БМД десантников. Встали рядом в ожидании выезда нашей водовозки. Около БМД стоял сержант-десантник. Вокруг него, как всегда, толпились местные жители. Один из них достал из складок одежды пистолет и выстрелил в сержанта. Сразу после этого еще, как минимум, с трех точек по нам открыли огонь. Увидев это, я с брони нырнул в БТР за пулеметы и дал очередь поверх голов, затем очередь вдоль улиц. Потом методично стал долбить крупным калибром в дом, из узкого окошка которого раздавались короткие очереди. Началась отчаянная перестрелка. Улицы мгновенно опустели, и только треск очередей и одиночных выстрелов нарушали порядок. Отстрелянные листья и ветки падали на землю, как в

листопад. К нам на помощь подошли две БМПшки с мотострелками, которые сходу ввязались в бой. С охраны моста подтянулся танк, который, недолго думая, разнес из пушки второй этаж здания, откуда велась стрельба. После чего все стихло. Стали появляться люди. Приводили свои места в порядок. Тушили пожары.

Вторым по значимости был маршрут в северный городок. Наш гарнизон состоял из двух частей. Боевые подразделения находились на аэродроме, а подразделения обеспечения в степи в нескольких километрах севернее Кундуза. Ремонтный батальон, прачечная (мыльный пузырь), полевой хлебозавод, продовольственные склады, хранилище ГСМ и т.д. По дороге это было более двадцати километров. Кроме сопровождения автотранспорта, шедшего за продуктами, за запчастями, за горючкой, хлебом и в прачечную, иногда требовалось перевезти туда офицеров штаба дивизии. Сложно сказать, сколько раз мы были в северном городке, но два-три раза в неделю — это точно. После завода, куда мы ездили за водой, дорога уходила резко вправо и через метров пятьсот появлялась центральная площадь с круговым движением. Среди площади находилась широкая тумба со столбом, на которой сначала стоял регулировщик. Наш БТР не вписывался в круг, поэтому мы резали по встречке налево.

Дальше по улице мимо рынка доезжали до моста, который охраняли с обеих сторон танкисты, и уходили в заливные луга, покрытые высоким камышом. Этот камыш был для нас занозой в одном месте. Из камышей постоянно стреляли. В том числе из гранатомета. Буквально перед нами сожгли БРДМ. Этот участок мы пролетали на максимальной

скорости. Духи боролись со скоростью, перекапывая дорогу, и когда водитель инстинктивно перед ямой жал на тормоз, стреляли по машине. Наш БТР не останавливала никакая яма. Я готовился к удару заранее и проходил это место безболезненно. Что не скажешь о наших пассажирах. Нормальных офицеров мы предупреждали заранее, а вот некоторых — нет. Не предупредили о яме майора из политотдела, который по дороге вымотал нас своими разговорами и наставлениями. Проезжая яму, он умудрился с сиденья старшего, через открытый люк, подпрыгнуть так высоко, что с него сдуло фуражку.

— Срочно остановиться. Мне нужно подобрать фуражку, — заверещал он.

Но, выслушав наши доводы об опасности такого действия, согласился с нами и всю оставшуюся дорогу, насупившись, ехал молча.

После камышей был крутой подъем, и дорога выходила в степь, которая тянулась до нашей границы на реке Пяндж. Мы один раз с ротным ездили туда. Там с обеих сторон границу охраняли наши пограничники. Но река в том месте была очень быстрой. Вряд ли ее можно было пересечь. Постояли на берегу, посмотрели на Советский Союз. Вздохнули, вспомнив дом родной, и вернулись в реальность.

Через несколько километров по степи слева начинался северный городок, занимающий огромную территорию.

Больше всего нам нравилось сопровождать машину за офицерским пайком. По договоренности с начальником офицерской столовой, мы получали натурой часть груза. Это мог быть батон копченой колбасы, сливочное масло в жестяной

банке или другие вкусности. Один раз раздобыли ящик печенья и мешок изюма. Печенье с изюмом на жаре в таком количестве навсегда отбило у меня вкус к этим продуктам. Поездки на хлебозавод за хлебом тоже были подарком, так как мы не только наслаждались горячим хлебом, но доставали у ребят дефицитные сухие дрожжи, которые потом успешно превращали в пенный напиток.

Когда приезжали за запчастями, то всеми способами пытались достать новую резину на БТР. Ездили много, и на жаре резина быстро изнашивалась. Несколько колес у нас были просто лысыми. За все время нам удалось поменять четыре колеса из восьми.

Приезжали за бензином, который хранился в громадных прорезиненных емкостях размером с футбольное поле. В одно из таких сопровождений, бензовоз с техником роты заправил цистерну бензином, заправил свой бак и через двести метров заглох. На все попытки завестись никак не реагировал. На нем заменили почти все навесное оборудование, а он никак. И только когда уже стало нечего менять, прапорщик проверил бензин. Оказалось, вода. В резервуаре для бензина оказалась вода. Мы здесь воевали. А какая-то сука в Союзе воровала бензин, доливая вместо него воду. И ребята из автобата, рискуя своей жизнью, везли обычную воду вместо бензина. Наш прапорщик пообщался с начальником склада ГСМ, после чего слили бочку и бак, залив все снова, уехали, не заявив куда надо. Прапорщик прапорщика, как говорится.

Пока сопровождаемые машины загружались, мы это время проводили с пользой. Уезжали в степь на другую сторону дороги и тренировались в стрельбе. Прикольно было

стрелять по трупам верблюдов и ишаков, которые на жаре раздувались как воздушные шарикИ. При попадании изда- лека они лопались.

На новом месте сразу началось строительство. Ротный строил бассейн, заливались фундаменты под КПП в парке, под другие объекты. Нужен был цемент, песок, щебень и камни. Цемент мы добыли трофейный. В Ханабаде был недостроенный ирригационный комплекс. Приехав туда, мы загрузили полный кузов цемента. Там же мы прихватили для себя чугунную ванну, которую впоследствии разместили в автобусе у задней двери. Свободное время в жару мы про- водили, по очереди окунаясь в ванну с холодной водой.

Что касается песка, то песок централизованно копали на берегу реки. Перед аркой в Кундуз мы уходили влево и перед мостом съезжали на песчаный пляж. В колонне было десяток самосвалов и войсковой экскаватор на базе автомо- била «КРАЗ», почему-то называемого кирасиром. Я постоянно поражался профессионализму работающих на нем двух солдат-крановщиков. Парням по девятнадцать лет, а они вытворяли со своим краном всё, что хотели. Они были прикомандированы к нам и стояли с нами в парке. Отличные ребята. Стоит отметить, что профессионалами становились все, и довольно быстро. Когда от твоего умения и професси- онализма зависит собственная жизнь, это одно, а вот когда жизнь твоих друзей, то это совсем другое. Время на долгое обучение могло просто не найтись. Учились сразу и основа- тельно. Я не раз с благодарностью вспоминал капитана Сме- лого из учебки. Не зря он нас гонял. И как он был прав, когда говорил, что время для прицеливания не будет.

На берегу реки мы занимали удобное для кругового обзора место и осуществляли охрану. Один за другим самосвалы нагружались песком и, с разгона проскакивая песчаные места, вставали в колонну на твердом грунте. Если груженный песком самосвал начинал вязнуть в песке, то при попытке выскочить рвал колесные полуоси. После чего приходилось тащить его до дома на буксире. Загруженная колонна под нашим присмотром возвращалась на аэродром. Пока работал экскаватор, мы купались в этой мутной, холодной и быстрой горной реке, не забывая следить за обстановкой. Один раз купание резко прекратилось, когда по течению проплыл раздутый труп в афганской одежде.

Запредельная жара, с которой не сталкивались в Союзе, влияла на организм специфически. Вся жидкость из организма уходила с потом. Были дни, когда по-маленькому даже и не ходили. А вот прыгнув в воду, организм реагировал моментально. Поэтому каждый, спрыгнувший в воду, некоторое время неподвижно стоял, изображая привыкание к холодной воде.

Пробовали глушить рыбу не гранатами, а разрывными пулями. Лёха съезжал на склон таким образом, чтобы мои пулеметы были направлены в реку. Я давал очередь в воду, и мы наблюдали, как в местах входа пуль, кроме пузырьков, ничего не происходило. В этом месте и метание в воду гранат тоже не давало результатов.

Пользуясь наличием водоема, мы решили проверить плавучесть нашего БТРа. Сделали все по инструкции. Откинули волноотражатель. Открыли крышку водометного винта сзади. Задраили люки. Завели двигатели и гордые съехали в воду. Наша ласточка, покачиваясь, поплыла на середину

реки и медленно, но уверенно пошла ко дну. Глубина была небольшой, поэтому, коснувшись дна, встала. Над водой была видна только башня. Быстрые потоки горной реки переливались через броню. Мокрые, мы вылезли наверх. На берегу в голос ржали бойцы. Подогнали экскаватор. Лёха нырнул и подцепил под водой трос. Кирасир поднатужился и выдернул нас на берег. Через незакрытый сливной люк в днище стала выливаться вода. Через него она и заливалась в реку. Открыли боковые люки, и из них ударили водопады, неся в своих потоках разные мелочи, не закрепленные внутри. Лёха открыл двигатели и со словами — Главное, чтобы вода не попала в двигатели, — достал масляный щуп. Из отверстия фонтаном забила вода вперемешку с маслом. Слили воду из двигателей и залили масло, которым поделились экскаваторщики. Так нас на буксире, на включенной передаче, до аэродрома и тащил мощный «КРАЗ». И только на подъезде к парку БТР зачихал, и двигатели начали работать самостоятельно. По приезде поменяли масло, вытащили на солнце наши матрасы, подушки и белье. Просушили внутри и решили, что рождённым ездить — не хрен плавать.

Со щебенкой было сложнее. Точнее, ее не было. Прежде чем найти место, мы с ротным исколесили все окрестности. Сначала искали за аэродромом, но местность там была не очень открытая, да и много кишлаков пряталось в балках. Один кишлак мне запомнился тем, что, остановившись на улице между глиняных стен, я вылез на броню и со своей высоты увидел происходящее во дворе дома. А там занималась своими делами прекрасная девушка с открытым лицом. Она увидела меня и в панике скрылась в доме. В ней было что-то славянское. Говорили, что в районе Кундуза

есть кишлаки с потомками тех, кто сбежал в начале века от Красной армии. Может, это и был один из этих кишлаков, а она была потомком дворянского рода. Еще раз насладиться женской красотой мне посчастливилось в Кундузе. Мы возвращались с северного городка. Я сидел на броне над Лёхой. Рядом, на броне над сиденьем старшего машины, сидел наш старшина. Караван с кочевниками, переходивший дорогу, вынудил нас остановиться. Навьюченные верблюды один за другим проплывали перед нами. На некоторых из них сидели женщины. В отличие от оседлых женщин, ходивших в парандже, кочевники своих женщин не закрывали. На одном из верблюдов сидела девушка неземной красоты. Я сначала даже подумал, что такого не бывает, и это мои видения от жары и усталости. Иллюстрации к «Персидским мотивам» Есенина были жалкой пародией по сравнению с ней.

— Андрюха, смотри, какая женщина, — услышал я восхищенный возглас старшины.

От старшины, в котором, как мы считали, не было ничего святого. Я даже не знаю, что меня больше изумило, красота персиянки или восхищение старшины.

В конце концов наши старания увенчались успехом, Мы нашли вместительную площадку размером с пару футбольных полей, которая с одной стороны прикрывалась скалами, а другой стороной выходила на дорогу, за которой текла река Кундуз. Все площадка была засыпана камнями разного размера от камнепадов. Находилось это место в тридцати километрах от аэродрома. Путь туда лежал не направо в Кундуз, а налево в сторону Баглана. Сначала дорога шла десять километров среди заливных полей по зеленке, потом выскаки-

вала на плоскогорье, где справа были кишлаки, а слева голая степь. Через десять километров степи начинались горы. Горные дороги заслуживают отдельного описания. Только один вид вызывал ощущение тревоги. По обочинам и ниже валялись обгоревшие и уже поеденные ржавчиной остовы сгоревших автомобилей. Разорванные автомобильные цистерны. Смятые в лепешку кабины. Неестественно изогнутые автомобильные рамы. Не хотелось верить, но среди этих груд металла встречались и наши машины. На обочинах дороги, и не только в горах, можно было увидеть множество наспех насыпанных каменных холмиков с воткнутой палкой. На палке трепыхались на ветру уже основательно выцветшие разноцветные тряпки. Это были безымянные могилы путников, умерших в дороге, или получивших пулю с неизвестной стороны. Может, это были могилы водителей, остатки машин которых были разбросаны рядом. Таких холмиков было очень много. Не добавляли оптимизма и нависающие над тобой скалы, уходящие вверх.

Вот по такой горной дороге еще десять километров. После крутого поворота рядом с дорогой открывалась площадка, плавно поднимающаяся вверх. На эту площадку заезжало до десятка грузовиков, где их вручную загружали камнями. Процесс загрузки занимал несколько часов. Мы ставили БТР на обочине и контролировали подъезды к площадке со всех сторон. Сзади были горы, а перед нами, за дорогой, река делала изгиб. Все подходы просматривались и простреливались. Пока молодые кидали камни, мы упражнялись в стрельбе. Или из автоматов, или из пулеметов. Стреляли по самодельным мишеням, летящим птицам, по изоляторам на столбах. Обычно собиралось много машин

из разных частей. В наши обязанности входил осмотр проезжающих мимо нас автомобилей. Не имело значения, легковой это автомобиль, грузовик или автобус. Несколько человек подходили к автотранспорту для осмотра, а другие в это время держали на прицеле каждого осматриваемого. Я наводил пулеметы на кабину, и афганцы понимали, что одна очередь, и их машину снесет с дороги. Особое удовольствие было в досмотре грузовых автомобилей. В провинции Кундуз было очень сильно развито выращивание бахчевых культур. Местные арбузы и дыни славились по всей стране. Вот и везли их из Кундуза по единственной дороге.

Мы же проводили досмотр до тех пор, пока водитель не соображал, что нужно дать бахшиш — подарок. С каждой машины пару самых сочных арбузов или дынь. Дыни были всех возможных сортов. По размеру от яблока, до танкового снаряда. По цвету от белых до красных. По вкусу от огурца до меда. Арбузы тоже отличались разнообразием и вкусом. Наши машины возвращались нагруженные камнями, а БТР - арбузами и дынями.

В одну из поездок мы возвращались домой и уже проезжали среди полей, когда увидели, как впереди идущие машины резко жмутся к обочине, и из них выпрыгивают водители с бойцами, откатываясь в кювет. Это означало только одно, что по ним ведется огонь. Мы тут же своим БТРом стали закрывать их, и когда увидели место ведения огня, рванули в поле. Не проехав и двадцати метров, успешно сели брюхом на вал между грядками. Ротный выскочил и сразу снял одного духа прямо в шею, второй же рванул в поле, бросив автомат в арык. Пока наши догоняли второго и

брали его в плен, мы с Лёхой все это время пытались выбраться из этого болота. Спустили все колеса, чтобы своим весом придавить вал. Накачали колеса автоподкачкой, но это не помогло. Подлезть с лопатой под БТР было тоже делом бестолковым. Наш «Урал» с длинным тросом сдернул нас с вала, и дальше мы выбрались своим ходом. Автомат в арыке мы потом не нашли, а пленного отвезли в Кундуз в Цурандой — местную милицию.

В другой раз, не предупредив нас, «Урал» из другой части поехал за нами, пытаюсь догнать колонну. На обратном пути в кювете мы нашли брошенную машину. В ветровом стекле и капоте сияли пулевые отверстия. Водителя так и не нашли. Прочесали вокруг всю местность. Нашли место, где была устроена засада — между двух валунов, незаметных с дороги, валялись стреляные гильзы. Других следов не было.

Это были постоянные поездки, и они особо не напрягали, так как мы знали каждый камешек на пути. Мы всегда были замыкающими. Как только выезжали на трассу, сразу становились на встречную полосу и не давали себя никому обгонять. Тем самым убивали сразу стадо зайцев или что там у них — стая, косяк или табун. Во-первых, обгоняющая машина могла рассечь колонну и открыть огонь в обе стороны, лишив возможности ответного огня. Про такое мы слышали. Во-вторых, обгоняющая машина могла раньше нас приехать в определенное место и подготовить засаду, зная нашу скорость, состав и броневую поддержку. В-третьих, колонна гражданских машин за нами уменьшала вероятность засады, так как духи могли попасть по своим. Да и мы бы не пожалели тех, кто сзади, в случае боестолкновения. Встречные машины, завидя нас, тоже были вынуждены съезжать в

кювет, пропуская нас, являясь при этом своеобразным защитным экраном. Офицеры не приветствовали такую манеру езды, мотивируя это тем, что мы создаем неудобства местным жителям. Мы, как правило, игнорировали их гуманизм.

Каждую поездку мы начинали с плотного косяка. Можно рассуждать о вреде или пользе, но для нас это было способ обострить свои чувства. Зрение и слух усиливались многократно. Каждая мелкая деталь становилась значимой и требовала пристального внимания. Казалось, время замедляется и мысли ускоряются. Мы понимали с Лёхой друг друга с полуслова. Мы действовали как одно целое.

Строительство шло полным ходом. Ротный закончил строительство бассейна и запустил его в эксплуатацию. Начали строить из камней КПП в парке вместо палатки.

Постоянно обустроивались. Из Союза шла колонна за колонной с материалами и имуществом. Было понятно, что сюда мы пришли надолго и основательно. У нашего БТРа не успевали остывать двигатели. Если что-то ломалось, то ремонтировались ночью. Да и как мы могли оставить своих друзей без прикрытия? Выезжали рано утром, пока еще было относительно прохладно. И возвращались ближе к вечеру, уставшие и голодные. Вечером готовили на паяльной лампе себе еду, так как еда из столовой не сохранялась в жару. А холодильника у нас не было. Да и еда в столовой не всегда отвечала стандартам качества. Продукты привозили из Союза, и за время пути их качество не всегда сохранялось. Многие продукты везли со складов длительного хранения. Еще в Союзе я был на одном из таких. Это подземный тоннель с постоянной температурой, забитый громадными

штабелями ящиков. Неудивительно, что на мясе, доставленном на рефрижераторе, можно было увидеть клеймо пятидесятых годов. Любую пайку из столовой мы сначала давали Толяну, и если собака ела, то ели и мы. Если воротила нос, то мы доставали сухой паек и разогревали его. Или посылали молодых в столовую за сырой картошкой и жарили ее.

Периодически возникала необходимость поездок, которые выделялись из привычного русла текущей работы. Некоторые из них стоят того, чтобы остановиться на них поподробнее. В конце мая для нас был первый выезд на боевую операцию в район Баглана.

Колонна попала в засаду, и наша рота понесла первые потери. Был убит Серик из Казахстана и майор из штаба, а Володьке из Краснодара прострелили обе ноги. Через два дня после возвращения прошла траурная церемония прощания с погибшими. На аэродроме на деревянных постаментах стояли два ящика с цинковыми гробами, и наша рота торжественным маршем прошла мимо них. Цинки были с окошками, и через них были видны лица. После соответствующих речей деревянные ящики с цинками были закрыты и погружены в вертолет, который повез их на родину. Раненых отправили в Ташкентский госпиталь накануне. Каждый оставшийся представил такую же картину и для себя. Чем дольше мы были там, тем дальше казалась гражданская жизнь. Казалось, что путь домой только один. Да еще пошли слухи, что осенний дембель задержат до весны, а может, и еще дольше. На душе было тяжело и тоскливо. Москва готовилась к Олимпиаде, а мы хрен знает где, на изнурительной жаре, помогаем хрен знает кому. Дом и гражданская жизнь были на другой планете, и попасть туда было нереально.

Хотя был у нас рядовой из Западной Украины, который решил самостоятельно отправиться домой. Мы нашли его на вторые сутки в боевом охранении, где он готовился пешком идти домой. Его даже не стали наказывать, просто ближайшим рейсом отправили в психушку. За мою службу это был уже второй боец из моего окружения, который не справился со своей головой. Другие части не отличались от нас. Чуть ли не ежедневно к нам приходили из других частей и давали нам ориентировку на сбежавших и пропавших. Многих находили в охранении, кто-то прятался по закоулкам, некоторых так и не нашли. Наличие постороннего на территории нашей роты воспринималось подозрительно. Кто знает, что у него на уме. И как он может распорядиться своим оружием.

Ночной бросок в Пулихумри.

Примерно в то же время ротный устроил мне ночку. Вечером кому-то из офицеров штаба потребовалось срочно прибыть в Пулихумри. Подвернулась БРДМ (бронированная разведывательно-дозорная машина) с водителем, но без стрелка. Машина с водителем привезла на аэродром офицера из Пулихумри, который улетел в Союз. Стрелок загремел в санчасть. Этот БРДМ вторые сутки маячил около штаба дивизии. При поиске оператора-наводчика, ротный вспомнил про меня. Недолго думая, передал меня в подчинение офицеру. Приказ есть приказ. БРДМ с виду значительно отличается от моего БТРа, но башня стрелка была точной копией. Я привычно разместился на сиденье. Проверил боекомплект. Сразу загнал патроны в патронники. Для КПВТ это делалось тросиком с ручкой, которую нужно было

потянуть почти до пола. Затворы легко щелкнули, что означало нахождение оружия в хорошем состоянии. Выехали уже в сумерки. Не знаю, кем надо быть, чтобы рискнуть в одиночку ехать почти сто километров. Или у русских это в крови. Ночь накрыла нас в горах. Одни посреди гор. Без связи. Три человека в машине. Два пулемета, два автомата и пистолет. Несколько гранат. Четыре колеса и двигатель. Броня, которая держит пулю, но картонка перед гранатометом и крупным калибром. Страшно до боли в висках. Мысли предательски ёжатся и пытаются спрятаться в укромном местечке. Я кручу башней, пытаюсь найти признаки людей. Огней нет даже в кишлаках, которые пролетаем на огромной скорости.

Свет фар выхватывает из темноты обломки машин, отбрасывая жуткие тени. Кажется, что от дерева к дереву пробегают зловещие монстры. Каждый отблеск кажется биноклем или оптическим прицелом, в котором наш БРДМ уже совпал с прицельным крестиком. За все время мы не встретили ни одной машины, ни своей, ни чужой. Темный, мрачный, без единого огонька, весь в развалинах, проскочили Баглан. И вдруг на горизонте появился город Пулихумри. Он сиял и светился всеми цветами радуги. На улицах работали лавки, между которыми слонялись прохожие. Стояла очередь в кинотеатр. Контраст был поразительный. Двадцать километров — и такая разница. Страх прошел, захотелось окунуться в атмосферу праздника. Еще несколько километров пути, и мы на территории гарнизона. БРДМ с водителем отправился в свою часть, а меня офицер накормил и устроил на ночлег. На следующее утро меня запихнули в попутную колонну, шедшую в Кундуз, и я уже в качестве пассажира

спокойно доехал до нашего гарнизона. Это было единственный раз, когда было реально страшно. Если бы у нас что-нибудь случилось, никто не пришел бы на помощь. Это могла быть поездка в один конец. Повезло. По данным официальных источников, по дороге через Баглан за лето 1980 года погибло около двадцати человек. Ранения получили более ста.

Рыбалка.

Где-то в июне ждали комиссию из Москвы. Начальник продовольственной службы дивизии и начальник офицерской столовой решили блеснуть. И, недолго думая, загрузившись в наш БТР, захватив с собой несколько солдат и ящик гранат, отправились глушить рыбу. Место выбрали там, где мы собирали камни. Выехали как обычно. Проехали зеленку, поднялись в степь. Оба майора немаленькой комплекции — продовольственная служба обязывала — сидели на броне над десантом, свесив ноги в люк. Я сидел сзади над вторым люком. Проезжая кишлак, я услышал и краем глаза увидел выстрел с дувала — глинобитного забора, отделяющего двор дома от улицы, в нашу сторону. Майоры тоже это слышали, но их первой реакцией было не спуститься вниз по очереди, а спрятать голову. Люк по своим размерам чуть больше ширины плеч. И когда их головы одновременно нырнули в люк, где уже были их ноги, то соответственно застряли. И над БТРом возвышались две толстые жопы в натянутых галифе. Эта картина привела меня в состояние полного веселья. Смисла прыгать за пулеметы не было, так как мы уже отъе-

хали, и на таком расстоянии стрельба была бы неэффективной. А потом я бы не пролез между ними в десантном отсеке. С большим трудом они освободились и слезли вниз. Мы же подъехали к танкистам, у которых был сторожевой пост перед началом горного участка дороги, и я им объяснил, с какой точки стреляли по нам. Танкисты молодцы, на обратном пути было видно, что в дувале сияют две закопченные громадные дыры.

Мы же продолжили движение и доехали до нашего места. Аккуратно спустились к реке и спрятали БТР под обрывом от лишних глаз. Процесс ловли рыбы был простым. Вверху по течению кидались гранаты, а чуть ниже, на перекате, куда рыбу выносило, нужно было ее только собрать. Рыбы было много, и наше увлечение остановили автоматные и пулеметные очереди по нам. Фонтанчики от пуль поднимались рядом с рыбой, и нам ничего не оставалось делать, как спрятаться под обрывом. Все оказалось предельно просто. Пока мы швыряли гранаты, в это время по дороге пошла из Союза колонна наливников. Около сотни бензовозов с десятком единиц бронетехники. Они увидели, что внизу рвутся гранаты и бегают люди и, приняв нас за засаду, со всех стволов открыли по нам ураганный огонь. Пока за скалой не скрылась последняя машина, мы прятались под обрывом, взглядом провожая проплывающую мимо нас рыбу. Было бы совсем здорово получить пулю от дружественного огня.

Родители.

Новости из страны доходили до нас редко. Газеты были старые, а радио слушать было некогда и негде. Узнали о смерти Высоцкого. О подготовке к Олимпиаде. Из обрывков газет перед использованием читали, что боевых действий мы в Афганистане не ведем. Помогаем местным жителям сажать сады и строить дома. И я в переписке с родителями прокололся. Восемь месяцев скрывал, что я в Афганистане. Писал, что я и на целине, и в Термезе. Письма отправлял с официантками через Душанбе, чтобы на конверте не стоял солдатский треугольник. Выкручивался, как мог.

Вот что я писал родителям в конце марта 1980 года:

Мы стоим под Термезом и руководим действием наших войск в Афгане. Конечно, не я руковожу, а те, кого я охраняю. Поэтому считается, что мы тоже в Афгане. Хотя туда и не собираемся. А если и поедем, то мой призыв останется здесь.

А в мае я писал:

Наш призыв собираются куда-то в ближайшее время отправлять. Или кинут на целину, или мост строить через Амударью в Афганистан, а может еще куда.

Родители поняли, что я что-то не договариваю. Заказали телефонный разговор по номеру, который я им дал для связи в бытность в Душанбе. Дозвонились до узла связи и попросили соединить с КПП. В это время там сидел наш сослуживец, который во время тревоги успешно залег в санчасть и, как только мы ушли, выздоровел.

— А скажите, пожалуйста, как нам найти Андрея? — обратились они к заслуженному дежурному по КПП.

— Андрей? Так их еще в декабре подняли по тревоге и перебросили на границу. А в феврале они ее пересекли и

уже несколько месяцев воюют в Афганистане, – обрадовал он моих родителей.

После чего моя переписка с родителями состояла из таких коротеньких писем:

У меня дела нормально. Погода жаркая. Много фруктов и всякой зелени. Правда, работы тоже много. Но ничего. Работа интересная. Вот больше и писать нечего.

Более подробные письма я писал брату, который в это время тоже проходил службу в Советской Армии. В звании лейтенанта, замполитом роты стройбата, находившейся в Алабино под Москвой. Отдавал свой двухгодичный долг после окончания института. Ему я тоже пересылал письма через официанток, опасаясь, что особисты найдут в моих строчках, по их мнению, секретные данные.

Заметным событием прошли сто дней до приказа. Эта традиция тщательно соблюдалась в Советской Армии. К ней было множество мелких дополнений, например, можно было завести персонального духа, который должен был сообщать каждое утро о количестве оставшихся дней до демобилизации. Но мы этим не занимались. Основа ста дней была бритая под ноль голова. Только почему-то после этого шага с моей стороны, густая шевелюра на моей голове перестала активно расти. Конечно, за службу в армии было достаточно поводов, влияющих на рост волос, но то, что влияние было, я явственно ощутил за сто дней до приказа.

Лето 1980 года.

Лето накрыло нас изнурительной жарой. Температура переваливала за пятьдесят. На солнце железо нагревалось

до температуры, когда плюнешь — шипит. Босиком ходить по броне было невозможно. Спасала только ванна в автобусе. И то через час холодная вода становилась горячей. Постоянно одолевали мухи размером с майского жука. Лучший способ поспать днем - это с головой залезть под мокрое одеяло. Под одеялом было 36.6, что много меньше, чем на улице. И пока одеяло высыхало, можно было урвать часик сна. Хотя жаркая погода тоже имела свои преимущества. Если в мае брага созревала два-три дня, то при такой температуре брага созревала на глазах. Берешь металлическую двадцатилитровую канистру, засыпаешь туда сахар и сухие дрожжи. Заливаешь воду и закапываешь в землю. Рецепт был простой, вот только с ингредиентами было не так все просто. Если сахар и вода были в наличии, то дрожжи были в огромном дефиците. Потребности громадные, а хлебозавод один. Особенности строгости начались после того, как на майские праздники возникли проблемы с хлебом в связи с отсутствием дрожжей. У нас были на хлебозаводе хорошие знакомые, и мы за определенный обмен практически всегда возвращались с жизненно важной составляющей. При строгом соблюдении технологических процедур на следующий день канистра выкапывалась. Теплый, пенный, светло-желтоватый напиток, похожий на подогретое шампанское, приятно пощипывал язык и делал окружающий мир не таким суровым. Единственной хитростью было то, что под пробку вставлялась тонкая проволочка, которая стравливала избыток газа. Иначе последствия были непредсказуемые. Наш водитель бензовоза прикрутил такую канистру к люку цистерны и не позаботился о проволочке. Узнали мы об этом, когда прапорщик, техник роты, бежал по парку и орал:

— Все в укрытие! Сейчас бензовоз рванет! — приняв раздутую канистру с брагой за готовую взорваться канистру с бензином.

Я тоже испытал на себе эффект от раздутой канистры. Мы болтались в парке, когда увидели, что к нам приближается ротный с командиром дивизии. Все бросились прятаться. Я залез в шишигу с тентом, которая давно не ездила, а использовалась как склад для всякого ненужного имущества. Притаившись и подглядывая в щель, стал следить за перемещением офицеров. Запах под тентом оказался подозрительным. Откинув какую-то тряпку и разобрав горку из наших мотоциклетных радиостанций, я увидел раздутую канистру с брагой. Похоже, что молодые решили себе устроить праздник. Необходимо было срочно стравить воздух, чтобы не разнесло канистру. Я стал аккуратно открывать крышку, надеясь удержать давление и тихонько стравить избыток газа. Свои силы я переоценил. Как только зажим вышел из упора, крышка с огромной силой рванула вверх, срезав с большого пальца руки внушительный кусок кожи. Освобожденная брага плотным фонтаном пошла следом за крышкой, обильно поливая меня мутной жидкостью. И пока ротный с комдивом не ушли из парка, я сидел под тентом, липкий и вонючий, со стекающей по пальцу кровью, мысленно представляя, какая кара настигнет хозяина канистры. Когда все снова собрались, мое появление вызвало неподдельное веселье. Устраивать засаду в поисках незадачливых бражников желания особого не было, что и стало основанием для уничтожения остатков в канистре путем пропускания их через организмы весельчаков.

Долго решался вопрос с нашим денежным довольствием. Наконец мы узнали, что мы будем получать денежное довольствие двух видов. В Афганистане нам будут выдавать чеки Внешпосылторга, при этом в Союзе будут начисляться рубли на лицевой счет. Я отлично знал ценность чеков. В институте со мной училось много ребят, родители которых работали за границей и получали чеки. Они всегда были модно одеты, имели продвинутую технику и постоянно обменивались редкими дисками зарубежных музыкальных групп. У всех были фирменные джинсы, стоившие зарплаты инженера, что явно служило признаком большого достатка. С одним из них я даже посетил магазин «Березка» в Москве. Товары, продающиеся там, производили впечатление. Их чековая стоимость была в два-три раза меньше стоимости аналогичных товаров в комиссионных магазинах. Остальной народ не имел представления, что с ними делать. Автолавка военторга, приезжающая к нам, была небогата ассортиментом. Леденцы, печенье, крем для бритья и другая подобная чепуха.

Мы такой же ассортимент, а иногда и лучше, имели в Кундузе. Только один раз Военторг нас порадовал. Только не товаром, а комсомольским десантом, состоящим из молоденьких девочек, продавцов из Центрального военторга на Арбате в Москве во главе с секретарем комсомольской организации Леной. Они размещались у нас в роте, и тот прием, который мы им оказывали, запомнился им надолго. Даже Лена при прощании просила обязательно навестить ее в Москве, когда вернемся. Денежное довольствие значительно отличалось от довольствия в Союзе. Я как сержант получал двадцать пять чеков в месяц. Тринадцать рублей

шло мне на счет в Союзе. Рядовые от 15 до 20 чеков, в зависимости от специальности. Офицеры получали от 180 до 250 чеков в зависимости от звания и должности.

Отдых.

Чеки некуда было тратить, и никто не знал, что с ними делать. Кроме меня. Я прекрасно знал, что в Москве чеки меняют один к двум и даже к трем. Я понимал, что чеки - это мое существование после армии, если, конечно, доберусь до дома. Сначала в нашем автобусе с ванной было устроено казино. Сюда по вечерам собирались любители карточных игр со 149 полка, связисты и разведчики с отдельных частей. Играли в секу, самую распространенную игру в Союзе. Тогда в нее играли в каждом дворе. Играли на чеки, которые для многих были просто фантиками. Мы обеспечивали их колодами карт, купленных в лавках Кундуза. Здесь же была организована биржа. Сюда приносили трофейные вещи, привезенные с операций. Местная валюта имела хождение наравне с чеками. Даже выше. На местную валюту можно было купить в лавках абсолютно все. Биржа работала следующим образом. Трофейные вещи сдавались нам за чеки или афгани. Мы же в ближайшую поездку продавали трофеи местным лавочникам. Закупали необходимые товары, которые, в свою очередь, менялись на чеки или афгани. Чем дальше, тем больше ребята с 149 полка привозили нам трофеев. Это были часы, обувь, целые отрезы шелковых тканей. У всех участников данного процесса росло благосостояние. Мы уже не курили сигареты без фильтра. Ну, если только ручной набивки.

По вечерам мы одевались в модную одежду и хвалились друг перед другом японскими часами. Ненадолго, но красиво. Впоследствии это все продавалось за чеки. Доход был стабильный, но незначительный. Решение пришло в середине лета. Единственное, что нельзя было приобрести в Афганистане, так это спиртное. Сухой закон по всей стране. Около палаток официанток был перехвачен капитан-вертолетчик «МИ-6». «МИ-6» — грузовой вертолет, их эскадрилья стояла на аэродроме. Они практически ежедневно летали в Союз, перевозя грузы и людей. Капитана заинтересовало мое предложение, я ему под заказ любые вещи или местную валюту, а он взамен водку из Союза. Но переговоры были непростыми. Обе стороны понимали, что данная сделка чревата последствиями. И если я мог быть привлечен за спекуляцию, то капитан рисковал привлечением за контрабанду. Тем не менее здравый смысл восторжествовал, и мы стукнули по рукам. Перспективы перспективами, а возможность получить компенсацию за некомфортное несение службы было здесь и сейчас. Теперь при каждом заходе на посадку вертолета мы в оптику рассматривали его номер, и если это был наш, то снаряжали к нему один из штабных уазиков. Причем строго соблюдалась конспирация. К вертолету ни разу не подъезжала одна машина дважды. Все время разные машины и разные люди. Водители не знали, что они отвозят и привозят. Просто за определенное вознаграждение их просили подъехать к борту и передать посылку, взамен получив другую. При инструктировании водителей говорили им, что если кто остановит, то скажете, что какой-то офицер попросил. Сказал, что сам подойдет потом за посылкой. Мы

с Лёхой сами к вертолету не ездили ни разу. Встречи с вертолетчиком происходили во время ужина рядом со столовой в день прилета. Первая доставка состояла из двух бутылок водки. Вечером мы натянули маскировочную сеть от БТРа до земли. Под сеткой поставили стол со стульями. Привезли из Кундуза кока-колу, лед, «Мальборо». Достали в офицерской столовой колбасу и сыр. На паяльной лампе пожарили картошку. Пригласили своих друзей: Саида, Ерему и Воробья из 149 полка и Кубинца из разведывательного батальона. Праздник прошел на ура. После браги, от которой уже тошнило, водка показалась божественным напитком.

С каждым разом объем поставок нарастал. Вертолетчики передавали нам все более объемные списки необходимых товаров, куда входили магнитофоны, обувь, сигареты, афгани, а мы этот списки исполняли по мере сил и возможностей. Среди ширпотреба один раз была заявка на трофейный пистолет с патронами. Надеюсь, что этот пистолет в Союзе не стал орудием преступления. Все это мы покупали или выменивали в лавках Кундуза. Заказывали в пехоте, и нам пехота привозила трофеи с операций. Взамен мы получали водку, которую продавали через доверенных дедов в других частях. Бутылка стоила у нас от пяти до двадцати чеков, в зависимости от покупателя. Солдатам пять, офицерам двадцать. В Союзе водка стоила три рубля 62 копейки. Получалось, что мы продавали от трех до десяти раз дороже. Доход значительно увеличился и в месяц приближался не к одной сотне чеков. Понятно, что хранить у себя такое количество чеков было опасно. Деньги по несколько сотен чеков запечатывались в почтовый конверт и передавались официанткам из Душанбе. Они, в свою очередь, уезжая домой на отдых,

оставляли конверты у себя дома. Конверт за конвертом оседали в Душанбе по разным адресам. Когда поставки достигли двух ящиков за раз, мною, несмотря на Лёхины возражения, было принято решение прекратить поставки. Во-первых, денег уже было достаточно на первое время на гражданке, а во-вторых, в памяти еще были яркие воспоминания о второй полковой печати, канистре вина, а точнее, о том, как я был сдан участниками тех событий. Я был уверен, что и здесь кто-то попадетсЯ и выведет на меня. Я хотел домой, а не в дисциплинарный батальон. Да и дисциплинарным батальоном я себя успокаивал, понимая, что за такие авантюры можно загреметь в полноценную тюрьму на продолжительный срок. Принцип системы не сработал бы, так как в моих руках был не совочек, а совковая лопата, хотя и не бульдозер. Как известно, жадность и алчность до добра не доводят.

Выезды на операции.

В конце июля мы отправились на общевойсковую операцию то ли в Ишкашим, то ли в Ишкамыш. Наша задача состояла в охране и сопровождении командных машин штаба дивизии. Сначала построение в роте, где старшина проверил экипировку каждого. Потом уже всех построил командир дивизии.

— Бойцы, — обратился он к нам, — перед вами стоит ответственная задача по освобождению афганского народа от бандитов. Во время операции соблюдайте уставы и порядок. Если по вам выстрелили из стрелкового оружия, отвечайте

тоже из стрелкового. На пулеметы отвечайте пулеметами. Пушки только в крайнем случае. Ясно?

— Так точно.

После ухода командира вышел начальник штаба дивизии.

— Слышали, что сказал комдив?

— Так точно!

— Повторяю. Если по вам выстрелили из винтовки, отвечаете со всех стволов, в том числе из пушек. Ясно?

— Так точно!

И мы двинулись, предварительно выстроившись в колонну.

Сначала мы ехали среди сопок. Стало темнеть, когда мы стали карабкаться по серпантину. Было темно и пыльно от впереди идущей машины. Дворники работали, счищая пыль с окошка водителя, как воду в летний ливень. Лёхе не видно было абсолютно ничего. Ехал на ощупь. Я приоткрыл люк над ним и всматривался в дорогу. Габариты были выключены, чтобы не стать мишенью. В какой-то момент БТР стал опасно приближаться к обрыву.

— Лёха, влево! — заорал я, и Лёха резко крутанул руль вправо, прижав нашу ласточку к скале.

Ну, бывает, перепутаешь право и лево. Только Лёха потом так и не смог мне объяснить, почему он крутанул вправо, услышав команду влево.

Ночью мы остановились в каком-то кишлаке. Не видно было ни одного огонька. Даже не лаяли собаки. Все как будто вымерло. Мы спрыгнули на обочину. К нам подтянулись водители с других машин. Закурили. Было ощущение, что за нами наблюдают со всех сторон. Поняв, что огонек сигареты — прекрасная мишень, быстро все потушили и забрались по машинам.

Тронулись дальше и выехали в долину среди гор. Светало. В долине расположились у развалин конезавода. Заняли боевые позиции и стали готовиться к зачистке горных кишлаков. По команде началась артподготовка. Пушки, танки и «Град» обрабатывали склон горы. После грохота пушек и воя реактивных снарядов на склон пошла пехота. Однако сразу же наткнулись на ответный огонь. Мне это было хорошо видно, так как наш БТР стоял у командного пункта, и все руководство операцией было в пределах слышимости и видимости. Пехота залегла, и артподготовка началась снова. И так несколько раз в течение дня. В очередное затишье заработал дивизион «Град». И было видно, как реактивные снаряды сначала медленно, а потом набирая скорость и оставляя за собой след, уходят в горы.

— Кто дал приказ? Командира ко мне! Разжаловать! Под трибунал! — кричал командир дивизии. А ракеты, одна за другой, уходили в зачищаемый район.

На следующий день все повторялось. Сколько длился этот поход, сказать трудно. Зачищали кишлаки, пуская перед собой афганские части. Карабкались в горы до тех пор, пока дорога не переходила в тропу, и дальнейшее движение осуществлялось только пешком. Не понимая, выполнили мы поставленные задачи или нет, возвращались домой. Ехали назад по другой дороге, нависающей над обрывом. В одном месте был такой крутой изгиб, что наш БТР просто не мог повернуть. Радиус поворота у нас был около 13 метров, а поворот серпантина метров десять. Но мы проехали этот поворот. Правые колеса шли по дороге, а левые колеса по очереди зависали над пропастью. Приехали в часть уже к вечеру. Наводить порядок в БТРе не хотелось. Внутри было

грязно и пыльно. Все было забито ящиками с боеприпасами и продуктами. Решили переночевать в роте. Предварительно отметив с ребятами благополучное возвращение парой плотных косяков, пришли в палатку и завалились спать на свои кровати. Привычно тарахтел дизельный генератор на улице.

Крепость, в которой я провел свое детство, располагалась между рекой Даугавой, железной дорогой, учебным аэродромом и озером Шуня. Ночная тишина нарушалась звуком реактивных двигателей со стороны аэродрома и звуком от постоянно идущих поездов по железнодорожному мосту с другой стороны.

Уже в полусне я слышал не звук двигателя, а казалось, что это перестук колес поезда, въезжающего на мост через реку. Я под этот перестук засыпал в своем далеком детстве. По давлению на рельсы было件нятно, что это идет не товарный состав, а пассажирский. Стук колес становился отчетливее, хотя ближайшая железная дорога была в трехстах километрах за двумя перевалами.

— Лёха? Слышишь? — повернул я голову через проход к Лёхиной кровати.

— Да, Андрюха. Это наш дембельский поезд, — не поворачиваясь ко мне, сквозь сон ответил Лёха.

И всю ночь в наших снах то ли дембельский поезд, то ли поезд из детства увозил нас домой под перестук колес.

Август.

В начале августа вечером пришел к нам в парк Кубинец из отдельного разведывательного батальона. Мишка, это

было его настоящее имя, был прикольным парнем. Хоть он и был младше нас по призыву на полгода, но постоянно вращался в нашей компании. А кубинцем его звали за то, что был родом из азербайджанского города Куба. На нем не было лица. От него мы узнали, что накануне две роты его батальона попали в засаду. Вместо того чтобы идти по склонам, им приказали пройти по ущелью, где с двух склонов их и расстреляли. Погибло около пятидесяти человек его друзей. Столько же получили ранения. Он же в этот день был в наряде по батальону. Чувство вины за то, что он не был вместе со всеми, и чувство радости, что он там не был, переплетались в нём. Впоследствии всё списали на командира батальона, хотя решение о выдвижении по ущелью принимал не он. Комбата, которого Кубинец боготворил, разжаловали, а начальник разведки, отдавший приказ, через три месяца странно погиб в районе Кундуза.

Через несколько дней после этого к нам прибежали молодые со 149 полка и сообщили нам, что ночью подбили БМП Саида. Саид был нашего призыва и служил в соседнем полку, но, как и Кубинец, предпочитал наш коллектив. Мы рванули в санчасть. Перед входом стоял бледный в обгоревшем бушлате без рукава, но живой Саид. Рука ниже плеча была плотно перебинтована.

— Саид, ты как?

— Нормально, — ответил Саид, с жадностью затягиваясь сигаретой.

— Мы ночью шли через кишлак. Первая машина выехала на перекресток и почти проехала, как в нее попала граната из гранатомета. Я на второй (Саид был механиком-водителем).

лем БМП) уже тоже высунул нос, когда второй выстрел попал в меня. Прожгло бушлат и руку до кости. Но машина не заглохла. Первая машине не подавала признаков жизни. Я под огнем зацепил тросом переднюю машину и потащил ее назад за стенку. После чего мы стали доставать погибших и раненых из первой машины. Только после этого почувствовал боль в руке и увидел кровь. Вот теперь привезли сюда на лечение, — рассказывал он, и голос его постоянно срывался.

Было видно, что в него вкололи не один тюбик промедола. У каждого из нас была индивидуальная аптечка оранжевого цвета. Такой небольшой пластиковый пенал. Наряду со всякими таблетками, в основном противорадиационными, там было два шприц-тюбика. Белый тюбик с промедолом — наркотическим опиоидным анальгетиком. Красный тюбик с афином — антидотом, применяемым в случае поражения отравляющими веществами. Выбежал врач, обозвав нас нехорошими словами, увел Саида на обработку. Потом его отправили в госпиталь в Союз. А за спасение личного состава и техники представили к ордену Красной Звезды.

Бывают дни, которые с утра не задаются. Просыпаешься и чувствуешь, что предстоящий день надо не прожить, а пережить. А бывает, что день начинается светло и спокойно. Таким и выдался один из дней августа. Проснулись мы уже тогда, когда солнце прогрело броню БТРа и внутри стало тепло. Свернув матрасы и затолкав их в конец десантного отделения, вылезли на улицу и в лучах яркого солнца стали приводить себя в порядок. Умылись из умывальника, висевшего специально для нас на вкопанном столбике. Лёха долго

хохотал, когда я попытался почистить зубы кремом для бритья, который он мне подсунул вместо зубной пасты. Тюбики были похожи друг на друга, так как они были из одного набора, приобретенного накануне в автолавке военторга. Набор назывался «Арбат», выпущенный фирмой «Красная заря». В него входила зубная паста, крем для бритья, мыло и одеколон. Перепутать было несложно, так цветовая гамма была идентична. Сверху вниз шла золотистая полоса, потом синяя, далее золотом «ARBAT» по красной и завершала золотистая. По нижней полосе наискосок мелким шрифтом описание содержимого. Не торопясь дошли до столовой, где попили чая с хлебом, политым сливочным маслом, которое уже успело растаять. Так же неторопливо направились в расположение роты, узнать о планах на день.

Баглан.

У своей палатки стоял ротный, смотрящий на нас, и по его виду стало понятно, что для нас есть работа.

— Здравия желаем, товарищ старший лейтенант, — поприветствовали мы его.

— Так, ребята, сегодня вам нужно сопроводить колонну до Пулихумри, — сходу поставил он перед нами задачу.

— Во сколько выезд?

— Вас уже ждут. От нас едет Олег на «ЗИЛ—131» и Михаил на «ЗИЛ—157». Старший колонны — майор саперной службы. От саперов будет еще четыре машины. «ЗИЛ—131» загрузите для нас материалами, а мормон (так называли «ЗИЛ—157») оставляете там.

— А броня от них будет?

— Нет. Вы одни. Свободной брони нет. И людей я ни вам, ни в машины не дам. Свободных нет. Справитесь и так.

За Олега мы не переживали. Он был классным водителем, и его зиллок всегда был в отличном состоянии. Мишка тоже был классным водителем, чего не скажешь о его мормоне. От старости мормон рассыпался на ходу. Его двигатель перебирался Мишкиными руками чуть ли не раз в три дня. Это и послужило сдачей мормона, как выработавшего весь свой ресурс. Мормон ехал не больше пятидесяти километров в час, и то с горы.

— Так что выезжайте прямо сейчас и ждите на выезде у шлагбаума.

— Сделаем, товарищ старший лейтенант, — козырнули мы и пошли в автопарк.

Зиллок и Мормон уже выехали из парка и стояли перед воротами на дороге. Ребята курили рядом. Поприветствовав друг друга, обсудили план действий. Мы, как всегда, идем замыкающими. Перед нами Мишка, а перед ним Олег. Вперед пускаем саперов.

Отправив ребят дожидаться нас у шлагбаума, проверили БТР. Баки полные, боекомплект в порядке. Забили небольшой традиционный косяк и выехали из парка. Через пару минут мы подъехали к спуску с плоскогорья, где на площадке перед шлагбаумом выстроилась наша колонна. Мы привычно встали в хвост и вылезли на землю.

— Товарищ сержант, — обратился ко мне подошедший майор со знаками инженерных войск в петлице, — я старший колонны, и вы мне подчиняетесь.

Удивительно было то, что нормальные офицеры, с которыми мы выезжали, сначала узнавали наши имена, а потом уже определяли порядок взаимодействия.

Ладно. Если ему так хочется – не вопрос. Мы прошли вдоль колонны и увидели, что в других машинах отсутствуют старшие машин и водители сидят одни. Это было не очень хорошо. Хорошо, было то, что один «ЗИЛ–130» и три «ЗИЛ–131», а это значило, что ехать медленнее нашего тормоза они не будут. По дороге к БТРу к нам подошел прапорщик.

– Ребята, вы в Пулихумри?

– Да.

– Возьмите с собой. У меня там часть. Я только из Союза. Был в госпитале.

– Почему не взять. Залазь в десант.

Прапорщик был без оружия. Он забрался вовнутрь и удобно устроился, облокотившись на свернутый матрас. Толян, который не пропускал ни одной поездки с нами, устроился рядом с ним, высунув язык от жары.

Появился майор, и перед тем как занять места, подъехал УАЗик, из которого вышел подполковник.

– Товарищ майор, я следую в Пулихумри и присоединяюсь к вашей колонне, – поставил в известность он скорее нас, чем майора.

После чего все расселись по машинам и тронулись в путь. Уазик встал в колонне, пропустив вперед пару машин из саперного батальона. Колонна спустилась вниз и въехала в аллею. Майор и я сидели на броне. Колонна после аллеи стала поворачивать налево.

— Товарищ сержант, занять свое штатное место и закрыть люки, — приказал он мне.

— Товарищ майор, наш опыт показывает, что сопровождение колонны более эффективно, когда я нахожусь на броне, — попытался я его образумить.

— Приказы не обсуждаются. За пулеметы и закрыть люки, — добил он меня, соскочив с брони на сиденье старшего.

Я спустился вниз на свое место, предварительно закрыв все верхние люки. Привычно заняв встречную полосу на дороге, мы услышали от майора убийственный приказ, обращенный к Лёхе.

— Рядовой, занять свою полосу и на встречную не выезжать.

В ситуациях, когда нам не хотелось общаться с пассажирами, мы надевали шлемофоны и переходили на внутреннюю связь. Так мы поступили и в этот раз. Шум двигателей заглушал наши разговоры, и майор не слышал большого количества слов, сказанных в его адрес. Первые километры дороги были нами досконально изучены, поэтому пулеметы были направлены в те места, где мы уже или получали, или потенциально могли получить. Из-за мормона ехали медленно, и нас постоянно обгоняли попутные машины, набитые афганцами. Так же медленно мы въехали в горы, и только проехав место сбора камней, очутились на незнакомой дороге. В горах смысла крутить башней не было. Слева стволы упирались в скалы, а справа внизу протекала река, склон другого берега был на значительном расстоянии. Поэтому в прицелы я видел только впереди идущую колонну.

Горы закончились, и мы выехали в долину. По сторонам растлались поля, разделяемые кустарниками или деревьями. Все было пронизано каналами. Километров пять по зеленке мы проехали спокойно. Я вращал башней, присматриваясь в прицел к подозрительным местам. Толян, до этого спокойно сидевший у прапорщика, подобрался ко мне и стал пытаться забраться на коленки.

— Толян, место! — согнал я его и по связи обратился к Лёхе — Лёха, что-то не то.

Мы въехали в пригород Баглана, точнее, в то, что от него осталось. Руины и развалины. И не успели мы договорить, как попали под шквальный огонь. Стреляли слева. Я развернул башню и в прицел увидел несколько больших пригорков, между которыми в горы уходила проселочная дорога. Мест, откуда могла вестись стрельба, было множество. И отдельные камни, и обломки развалившихся заборов и глиняных сооружений, и редкие деревья с кустами. У афганских машин, которые обгоняли нас по дороге, было достаточно времени, чтобы приехать раньше нас и подготовиться к встрече. Да и наличие в колонне командирской машины давало им надежду на получение значительного вознаграждения за убитого офицера. Наши передние машины, услышав стрельбу, рванули вперед. Олег не мог бросить мормон, оставив нас одних. Мы были отличной, медленно движущейся мишенью, чем душманы и воспользовались. Кунг мормона на наших глазах превращался в решето. Из него вылетали щепки и куски пенопласта. Души, наверное, думали, что внутри есть что-то ценное. Досталось и Олегу. Было видно, что кузов пустой, поэтому били по кабине и колесам. Сквозь шум двигателей было слышно цоканье пуль по нашей броне.

Выбрав наиболее вероятные места нахождения духов, я открыл огонь. Короткая очередь из крупного калибра по предполагаемому месту, разносящая в пыль камни, и последующий длинный веер из обычного пулемета. Пулеметные кнопки электроспусков находились сверху рукоятки вращения башни. Свободным оставался только большой палец, который мог поочередно нажимать на них. Для одновременной стрельбы приходилось менять кнопки быстрее, чем заканчивалось движение затворов. Наткнувшись на ответный огонь, интенсивность стрельбы по нам уменьшилась. Это позволило нам продолжить движение. Когда возникла пауза, связанная с заменой боекомплекта, стрельба возобновилась. Ответный огонь дал нам возможность вырваться из этого места. Кунг мормона дымился и коптил. «ЗИЛ—131» был в плачевном состоянии. Задние левые колеса были прострелены. Подкачка не справлялась. Оба колеса ехали на ободе, и если одно еще пыталось цепляться резиной за дорогу, то второе было разорвано в клочья. Горящие ошметки разлетались во все стороны. Остатки колеса горели, и была вероятность перекидывания огня на кузов и бензобак. Задымилось и закоптило соседнее колесо. Но мы продолжали движение. И даже если бы кто-то встал, мы зацепили бы его на буксир и тащили бы даже без колес.

Зная местную тактику, мы были готовы к продолжению. При движении колонн только с замыкающей бронетехникой цель первой стрельбы состояла в блокировании задних машин. Вырвавшиеся вперед машины становились легкой добычей. На них и был сосредоточен основной удар. Брошенные на обочине как попало, наши машины в центре Баглана не вызвали удивления. Стрельба была односторонней и не

очень интенсивной. Наши молчали, а к одиночным выстрелам и автоматным очередям с той стороны периодически добавлялся тяжелый крупнокалиберный пулемет, выстрелы из которого звучали с интервалом в секунду. Олег с Мишкой съехали на обочину и, выскочив из кабин, залегли в кювете.

— Лёха, вперед! — дал я команду Лёхе.

Мы проехали до первой машины. Все машины были пусты. Водители лежали в кювете, вжимаясь в землю. В уазике стоящем на обочине, были и водитель, и подполковник. Дверцы были открыты, но они не пытались выбраться.

Майор, сидевший в БТР, попытался что-то сказать, но после Лёхиных слов — Мы знаем, что делать — затих и вжался в сиденье.

— Лёха, стань на обочине впереди уазика, — приказал я.

БТР задом двинулся вдоль колонны. Я дал несколько очередей из пулеметов по деревьям и стенам. После того как БТР остановился, Лёха нырнул через боковой люк на улицу, прихватив свой автомат. Он залег в канаве и открыл редкий огонь. Я выскочил через верхний люк и, стреляя из автомата, спрыгнул на землю. Как и предполагалась, основная встреча нам готовилась здесь. Сквозь деревья и кустарники проглядывали рваные стены дувалов и развалины стен.

— Прикрывай! — крикнул я Лёхе и рванул к уазу.

Подполковник и водитель сидели на сиденьях. У подполковника были прострелены обе ноги в районе ступней, а у водителя правая нога над коленом. Они не могли пошевелиться и сидели, истекая кровью.

— Лёха, ко мне! — крикнул я.

Стрельба не прекращалась, но стала менее интенсивной. Лёха подбежал, пригибаясь и постреливая короткими

очередями в сторону построек. Подполковник был высокого роста и плотного телосложения. Откуда взялись силы, сложно сказать, но мы его подхватили как пушинку и потащили к БТРу. Я за ноги. Лёха за плечи. Прапорщик, сидевший в уголке десантного отделения, помог втащить раненого в БТР через боковой люк. Мы вернулись к уазу, и тем же способом водитель оказался в десантном отделении рядом со своим командиром. Бой на улице продолжался. Вкололи каждому раненому по тубику промедола из своих аптечек. Сняв с себя кожаные солдатские ремни, перетянули подполковнику ноги, чтобы остановить кровь. Крови было много. Она каплями и струйками стекала с их ног и собиралась в лужи на рельефном металлическом полу. Порвали простыни с наших спальных мест и перебинтовали обоих.

Снова выбрались из-под брони. Отцепили буксировочный трос и накинули на клыки уазика.

— Андрюха, давай ты за БТР, а я за руль уазика, — прокричал Лёха.

— Давай лучше я, — ответил я ему.

И тут мы снова вспомнили о прапорщике. Забрались в БТР, и пока Лёха садился за руль, я предложил прапорщику сесть за руль уазика.

— Я не умею, — услышал в ответ.

— А что тут уметь, седи и рули. Я приказываю! — убедил я его.

Мы выбрались с ним через боковой люк на улицу. У прапорщика в руках был Лёхин автомат. Прапорщик попросил у меня мой автомат и побежал к уазу.

— Зачем два? Оставь один.

— Пригодятся, — услышал я уже издалека.

— По машинам! — прокричал я ребятам и нырнул в БТР, где Лёха уже готов был нажать на газ.

Быстро сев за пулеметы, короткими очередями стал прикрывать посадку водителей в машины. Машины стали срываться с обочины и уходить вперед. Как только последняя машина ушла вперед, двинулись и мы. Несмотря на стрельбу, мы выскочили из города и на первом же пригорке, организовав круговую оборону, ребята приступили к ремонту подбитых машин.

Во время короткой остановки прапорщик успел прокричать, что в его машине нет тормозов. Мы рванули в госпиталь. Сзади на прицепе болтался уазик, из окон которого в каждую сторону торчал ствол автомата. Подполковник, перед тем как потерять сознание, попросил сигарету. Водитель подполковника, мешая русские и украинские слова, всю дорогу орал нам, чтобы мы его везли сразу в Ташкентский госпиталь. Лужи крови на жаре высохли и от вибрации частички крови в виде пыли витали в воздухе. На огромной скорости проскочили Пулихумри и вскоре влетели на территорию гарнизона. На КПП узнали путь к госпиталю. Он находился почти сразу на въезде. Вызванные нами санитары перегрузили раненых на носилки и унесли их в палатку, похожую на операционную. Мы же, отцепив подбитый уазик, рванули на помощь своим. За это время они поменяли пробитые колеса, потушили мормон и ехали к нам навстречу. Мы вернулись в долину, где располагался запасной командный пункт армии и стоял наш 395-й мотострелковый полк. Казалось, что уже поздний вечер. Каково же было мое удивление, когда я узнал время. В Баглане мы пробыли не больше часа. Стало приходиться осознание случившегося. Адреналин, сдерживаемый

во время боя, литрами стал поступать в организм. Страх и возбуждение попытались завладеть организмом, но попытка была недолгой. Знаем, проходили. Плотный косяк успокоил и привел мысли в порядок. У Олега в машине насчитали восемь дырок. Одна из дырок была в зеркале заднего вида, другая в бортовой доске кузова на уровне головы. Между этих двух дырок находилась его голова. Подошел прапорщик с извинениями. Оказалось, что он служит в автобате.

— Ребята, поймите меня. Я только что из Ташкента после ранения, — оправдывался он.

По тому, как он управлялся с уазиком при помощи ручного тормоза, для нас это не стало неожиданностью.

Только майор, ни сказав, ни слова, ушел в сторону штаба. Мы его даже не осуждали. Бывает. Растерялся. Он же так из БТРа ни разу и не вылез. Хорошо хоть не мешал. А то потеряли бы всех. А так только двое раненых и простреленные машины.

Мы сдали мормон. Долго отмывали БТР от крови. Запах крови не выветривался, и казалось, что все им пропахло. В это время в грузовые машины загрузили необходимый материал на складах. Появился майор, который предложил возвращаться в Кундуз. В культурной форме он был послан по известному адресу. Попасть в Баглан, да еще на ночь глядя, решение не совсем умное. Мы организовали маленький лагерь и приготовились к ночлегу. Расположились мы под ровным полукруглым холмом, который в местном гарнизоне имел некультурное название. Наверху холма располагался пост охранения. Как всегда, на броню высадили Толяна для охраны, которого после боя с трудом вытащили из-под фальшпола в БТРе. Я уже засыпал, а перед глазами раз за разом

прокручивался дневной бой. В Москве в это время проходила летняя Олимпиада, а я был за тысячи километров, в другой стране и думал: ну почему я не поехал на китайскую границу? Хотя с другой стороны, может, все то, что происходило со мной в предыдущие два года, в том числе и шаг вперед на плацу в учебке, были подсказками, ведущими к сегодняшнему дню. И мое присутствие на раскаленной дороге в Баглане было необходимостью для спасения людей.

Выехали рано утром тем же составом, только без мормона. Гнали под сотку. На выезде из Баглана по нам засадили из гранатомета. Услышав слева сзади звук выстрела, я мысленно начал обратный отчет. Страх не было. В голове включился метроном. Три, два один — мимо. Разрыв гранаты справа сбоку. Я видел, как Лёха вжался в сиденье, понимая, что происходит, а его нога давила на газ, казалось, проминая металлический пол. А майор даже и не понял, что произошло. Дальше мы доехали без приключений. Если только не считать вечернего празднования успешного возвращения. Кстати, ротный от нас узнал о том, что произошло. Когда я обратился к ротному с просьбой представить к наградам личный состав, он очень удивился и сказал:

— Какие награды? Скажите спасибо, что не привлекли к ответственности. Майор в рапорте написал, что вы нарушали устав и не выполняли его приказаний.

Этот, не знаю, каким словом его назвать, не сказал про боевое столкновение ни слова. А из доказательств - только я, Лёха, Олег и Мишка. Остальные водители из саперного батальона. Они-то против своего офицера слова не скажут. Да кто их будет искать? А мы уж размечтались о наградах за

спасение личного состава и техники. Особенно за подполковника. Жалко, что не запомнил его фамилии. Интересно, как сложилась его дальнейшая судьба?

Гарнизон постоянно обустроивался. Под плоскогорьем, слева от съезда с плоскогорья, пробурили скважину. Теперь водой стали заправляться на ней. У нас пропала возможность ежедневно выбираться в Кундуз. А при поездке в северный городок остановиться у лавки не давали едущие с нами офицеры. При очень острой необходимости выезжали в самоволку, понимая, что за такое по головке не погладят. Тем более, двое черпаков, Шляпа и Сокол, съездили в самоволку после браги, разнеся об дерево командирский уазик, за что были сосланы в пехоту.

Традиции.

Не успели отойти от Багланской засады, как возникла еще одна проблема. Мы давно не ходили в столовую. Пайку нам приносили молодые в парк. В один из дней нам пришлось ждать дольше обычного.

— Бойцы, почему так долго? — задали мы им вопрос по прибытию.

— Мы убрали посуду за дедами.

— За какими? Все деды здесь.

— Так деды из другой части.

К штабу дивизии перед операцией прикомандировали роту солдат, состоящую то ли из армян, то ли азербайджанцев. У нас не было разногласий на межнациональной почве. В нашей роте были ребята разных национальностей. Татары и осетины, киргизы и немцы, белорусы и латыши, казахи и

русские — всех не перечислишь. И мы закрывали друг друга грудью, не думая о составе крови. Мы и в Союзе не обращали на национальность внимания, а в Афганистане все были братьями. Но припахать наших молодых выходило за рамки приличия.

Атмосфера моего детства предполагала постоянную готовность постоять за себя в битвах с ровесниками из соседних районов. Причем отдельных врагов не было. Могли сегодня объединиться с одним районом в борьбе против другого. А через неделю — наоборот.

В армии изредка происходило выяснение отношений с местными или солдатами из других частей, но в Афганистане пока такого не было. Война войной, однако, сохранять устоявшийся порядок и блюсти традиции Советской Армии было необходимо.

Вечером с Лёхой и еще парочкой своих дедов мы пришли на ужин в столовую. Лёха, который был на гражданке разрядником по боксу, рвался в бой, но сдерживался мною. Сели. Слева от входа за столами сидели наши гости. Мы заняли правую половину. Разнесли еду. В столовой витало напряжение.

— Ты кого послал? — рванул в бой Лёха, как только встретился взглядом с обидчиками наших молодых. Все дружно встали, отложили автоматы в сторону, чтобы не мешали, и ринулись в драку. Полетела посуда, столы, стулья. В самый разгар прозвучал выстрел. Честно говоря, мы все испугались. Неужели кто-то схватился за оружие и сейчас начнется стрельба? На входе стоял старшина с пистолетов в руке. Из ствола тянулась струйка дыма, а в потолке сияла дырка.

— Стоять! — прокричал он и продолжил дальше тирадой, в которой напрочь отсутствовали культурные слова.

Все замерли. После чего восстановили порядок в столовой и продолжили ужин. Меня и сержанта с той стороны старшина вывел из столовой. Выяснив причину потасовки, старшина, признав причину уважительной, предложил нам решить вопрос дипломатическим путем. Все вопросы были решены, и наши молодые были оставлены в покое. Впоследствии наши противники оказались нормальными ребятами, что было неоднократно подтверждено совместными перекурами.

Толян.

В это же время сбежал Толян. Собака, которая прошла с нами путь от Душанбе до Кундуза. Собака, которая не пропустила ни одного нашего выезда. Собака, которая запрыгивала ко мне на колени перед опасностью и пряталась в недоступном месте во время опасности. Собака, которая на привале, сидя на броне, охраняла наш сон, не подпуская никого ближе двадцати метров. Толян, который в парке начал лаять за несколько минут до появления любого офицера, игнорируя при этом солдат и сержантов. Бросаясь под ноги любого постороннего до соответствующей команды от нас. Не один раз спасший нас от проверок, давая нам время спрятать или спрятаться.

Один раз у нас в парке стоял БТР из другой части. И когда он рано утром выехал по своим делам, то Толян, думая, что это мы едем без него, выбежал перед ним и лег в колею, не давая проезду. И пока нас не разбудили и не попросили

его забрать, он так и лежал на дороге. И даже когда его стали подзывать, он несколько раз смотрел то на нас, то на чужой БТР, пока не понял, что мы не уезжаем без него.

И этот Толян, служивший нам верой и правдой, бросил нас, увязавшись за какой-то сучкой из боевого охранения. Потом, как рассказывали ребята, он вернулся, но, не найдя нас, затосковал и пропал уже навсегда.

Арест.

Но на этом неприятности не закончились, а только нарастали. Рядом с палатками официанток располагалась персональная палатка старшего офицера штаба дивизии. Не хочу называть ни его должности, ни фамилии. Мы его звали «боров» за его фигуру с огромным пузом и не совсем приятную сущность. Всю ночь летчики гуляли с официантками, оставив след на его палатке. Начальник, которому всю ночь не давали спать, вышел из палатки и, увидев продукт переработки еды, пришел в ярость. Он стал искать виновников, и первые, кто попался ему на глаза, были я и Лёха. Мы пришли на кухню попить чайку после вечернего отдыха. Вид у нас был соответствующий, что привело борова в состояние крайней напряженности.

— Сержант! Рядовой! Ко мне! — заорал он в нашу сторону. А когда мы к нему приблизились, приказал позвать ротного. Он нас прекрасно знал. Мы не раз возили его в северный городок. Когда офицеры сидели в нашем БТРе, и понимали, что их жизнь в наших руках, то обращались к нам исключительно по именам. И для борова мы были Андрей и

Леня. Когда к нам с инспекцией приезжал командующий Туркестанским округом, генерал-полковник Максимов, и его нужно было с аэродрома доставить в северный городок, то поручили это сделать нам. Первое, что сделал командующий, спросил наши имена. Он сел сзади Лёхи, все пытался расспросить нас о службе и откуда мы родом. На что Лёха только и отвечал: «Есть! Так точно!» Называл нас сынками и по имени. Командование дивизии сидело в десанте и пыталось услышать разговор. К этой поездке БТР готовился как никогда. Изнутри и снаружи все помыли. На металлический фальшпол постелили ковер. На сиденья подложили мягкие подушечки. В сопровождение дали две БМПшки. Оказался нормальным мужиком. После поездки лично сказал нам спасибо и пожал нам руки, что не всегда можно было услышать от обычного офицера.

Появившийся ротный выслушал от борова долгую речь о состоянии дисциплины в нашей роте, о внешнем виде и других моментах военной службы, которую он перемежал матом и все больше распалялся.

— Пять суток ареста каждому, — завершил он свой монолог.

— Есть пять суток ареста! — козырнул ротный и повел нас в роту.

— Товарищ старший лейтенант, за что? — спрашивали мы его, когда нас везли в северный городок на гауптвахту.

— Поймите, ребята. Если я не посажу вас, то он посадит меня. Так что извините.

С учетом того, что офицеров отправляли на гауптвахту в Термез, то мы его очень хорошо понимали, хотя считали, что он мог за нас и заступиться.

Нас оформили и посадили на гауптвахту, сделанную из огромной железной бочки, больше похожей на железнодорожную цистерну. Просидели мы несколько часов, пока ротный оформил нам справки о заболеваниях, не позволяющих находиться под арестом. Вечером мы уже были в парке.

Файзабад.

Апофеозом был конец августа и начало сентября. До приказа оставалось меньше месяца. Ротный был то ли в отпуске, то ли в командировке. Пришел офицер из штаба дивизии и сообщил нам, что нас прикомандировывают в дивизион реактивных установок «Град». Думаю, что без борова в этом тупом решении не обошлось. А тот, кто мог нас отбить, отсутствовал. Вечером мы заправились под горловину, загрузили боеприпасов на месяц, не забыв засунуть пару ящиков гранат, и выехали в Северный гарнизон выполнять поставленную задачу. Дивизион реактивных установок долго разыскивать не пришлось. Командиром дивизиона оказался капитан с недобрый лицом.

— Товарищ капитан, прибыли в ваше распоряжение с вверенной нам техникой, — доложил я ему.

— Зачем? — удивился он — Кто приказал?

— Распоряжение штаба дивизии, — еще больше удивился я.

— Присоединяйтесь к пехоте, — указал он на две стоящие рядом с дивизионом боевые машины пехоты.

Мы встали рядом с бээмпешками. Кроме водителя и оператора наводчика, в БМП было по два пехотинца. То, что

все они были молодыми, не прибавило уверенности в завтрашнем дне и не разъяснило ситуации. Их прибытием капитан тоже был удивлен. Наверное, у него была такая манера общаться с посторонними. А может, мы ему были и не нужны.

Прилично выспавшись, рано утром выстроившись в колонну, встав сзади дивизиона, выехали на операцию. Огромная колонна из танков, БТРов, БМП и другой военной техники двинулась в Кундуз. На центральном кругу повернули налево. Значит, путь наш лежит в сторону Файзабада. Наш дивизион располагался в середине колонны. Шли в броне, с закрытыми люками. Слева внизу остался Ханабад и ирригационный комплекс, где мы пополняли свои трофеи для стройки и отдыха. Сразу за Ханабадом начались горы, и мы километров двадцать ехали по ущелью, пока не выскочили в долину, в которой находился город Талукан. Дальше сложно было сказать, где мы, так как топографических карт у нас не было, а докладывать нам никто не собирался. Вечером вышли на местность - в небольшую долину среди гор. Надо было готовиться к ночевке. Машины с реактивными установками и машины с боекомплектom встали на боевые позиции. Машина пехоты встали по краям дивизиона. Нам же капитан поставил задачу выдвинуться на сто метров в сторону вероятного нападения и организовать секрет. Наш БТР остался среди установок. Нам в помощь он дал двух молодых пехотинцев из БМП. Нас, специалистов высокого класса, почти дембелей, как махру (так называли простых мотострелков) в окоп.

У нас уже были такие ситуации, когда мы как пехота двигались в горах. Не помню, по какому поводу это было. То ли

на операции, то ли на зачистке, то ли на прочесывании. Запомнилось одно восхождение. Шли по тропе рядом с горным ручьем. Вода была чистая и прозрачная. Грех было не попить при дефиците воды. Только вверху по течению наткнулись на трупы духов, разбросанных поперек этого ручья.

— Товарищ капитан, — обратился я к нему, — наше присутствие в БТР будет более эффективным для отражения атаки.

— В секрете от вас будет больше пользы. Пока вы будете защищаться, мои бойцы успеют подготовиться.

— Так ночью нас там вырежут на раз.

— Будете плохо нести службу — вырежут. А я потом своим бойцам покажу, что от вас осталось, и они увидят, что бывает с теми, кто плохо несет службу. Это будет для них хорошим уроком.

Мы четвером пошли вниз по дороге и, найдя укромное место, подготовили себе укрытие. Подкопали углубление, обложив бруствер камнями, сделав бойницы. Определив порядок дежурств, стали по очереди следить за дорогой. Лежа на дне и глядя в ночное небо, которое обволакивало тебя звездами, осознание того, где ты и что ты тут делаешь, представляло все нереальным. На рассвете, когда реальность соревновалась со сном в абсурдности происходящего, раздались первые выстрелы. Это не долина, в горах звук распространяется по своим законам. Вычислить место выстрела без специальной оптики практически невозможно. А долго всматриваться в надежде увидеть дымок от выстрела - это убедиться в том, что следующий выстрел будет в тебя. Одно было понятно, что стреляли с противоположного склона. Мы ответили. В ответ начался шквальный огонь со

стороны дивизиона. Мы вжались в дно укрытия и достаточно долгое время наблюдали, как над нами в обе стороны пролетают пули. Патронов было мало, и мы не стреляли, оставляя их на случай прямого контакта. В это утро, на дне окопа, мы дали с Лёхой клятву друг другу, что тот, кто выживет, своего сына назовет именем друга. Как только подошли вертушки и стали утюжить склон, все стихло. Потерь с нашей стороны не было, и мы аккуратненько, предупредив по радиации о своем возвращении, добрались до дивизиона. Утром, переместившись на несколько километров и заняв позиции, со всех стволов выпустили реактивные снаряды. Красиво было смотреть, как они вылетают, как бы зависают на мгновение и с диким воем улетают вдаль, оставляя за собой след. А сзади машин поднимаются клубы пыли и мелкого мусора. И это все на фоне стрельбы и канонады, которая слышалась из разных мест. Капитан по радиации с кем-то связался, лицо его при разговоре помрачнело, и со словами — «не туда» — дал приказ зарядить снова. Еще один залп, наверное, уже туда, куда надо, и мы стали сворачиваться и выдвигаться на новую позицию. Через несколько дней операция закончилась, и все стали собираться в обратный путь. По ходу движения к колонне присоединялись еще автомобили и бронетехника. Или я не запомнил, но мне казалось, что назад мы возвращались по другой дороге. Шли по дороге над руслом реки. В прицел я увидел до боли знакомую картину — справа скала, а слева осыпающаяся насыпь к руслу реки. Последнее, что я помню, это вспышка справа от идущей перед нами машины и удар по голове.

Мне показалось, что очнулся я почти сразу. Я был завален ящиками с боеприпасами, коробками с инструментами и

другим имуществом, не закрепленным в БТР. То ли взрывом мины, то ли от Лёхиной реакции наша ласточка съехала вниз по насыпи, почти став набок. Меня выкинуло из сиденья стрелка, стукнуло головой о броню и накрыло тяжелыми ящиками из десанта. Лёха удержался в сиденье, схватившись за руль. Дальше восприятие жизни из режима кинофильма перешло в режим диафильмов. Один кадр: меня по насыпи поднимают наверх. Под ногами осыпается земля, и я, держась за руку, карабкаюсь вверх. Следующий кадр: я сижу, прислонившись к стене, и смотрю, как мой БТР вытаскивает танк, перехлестнув два мощные танковых троса. И ещё один кадр: я лежу в десантном отделении, и меня кидает из стороны в сторону. Мыслей нет совсем. Лёха сидит за рулем и что-то мне орет. Меня тошнит, голова раскалывается, болит шея, и я ничего не слышу. Я прихожу в себя утром следующего дня, а может, и не следующего, в северном городке. Капитан реактивного дивизиона, видя, что мы с Лёхой оклемались, отпускает нас в часть. Мы договариваемся молчать о произошедшем инциденте. Ему не нужны проблемы. Напоследок он просит его понять, мол, его бойцы - это его бойцы, а мы у него прикомандированные. Мы все понимаем.

Вечером, уже основательно придя в себя, приехали в свою роту на аэродром. Доложились старшине о прибытии, умолчав о происшествии. Вернулись в автопарк. Достали из запасов бутылочку и употребили ее в качестве лекарства. Не успели, как следует закусить, как в парк прибежал майор с политотдела и потребовал срочно его доставить в северный городок. Соответственно был прямым текстом послан на три

буквы. После чего он убежал не по месту послания, а к старшине, замещающего ротного. Старшина появился сразу. Посмотрев на нас, он дал команду часовому, отобрать у нас автоматы и повел в расположение роты. Там он нас спрятал в бассейне подальше от глаз начальства. Контузия и стакан сделали свое дело. Я сидел на топчане, а Лёха сквозь слезы вытряхивал содержимое желудка в бассейн. Там мы и вырубались. К чести наших прапорщиков, дело замяли. Да и кому хотелось афишировать данное событие. Система сбоев не дает. Старшина объяснил в тот же вечер майору, что мы только прибыли с боевой операции. Баки были пустые, мы были уставшие и т.д. Всем, кто нас видел, было дано указание не болтать лишнего. А ротный так и не узнал о том, что произошло в его отсутствие.

У меня из головы не выходила картинка перед взрывом. Я в этом месте раньше был. И потом я вспомнил. Эта картинка из сна годичной давности. Уже потом, в блокноте, который я с другими бумагами и вещами хранил у Сашки дома в Душанбе, я нашел описание, которое один в один совпадало с реальной картиной за секунду до взрыва. Мало того, в это же самое время, как потом мне рассказали родители, у них произошла странная история. Вечером родители приехали с дачи. В то время они уже знали, что я служу в Афганистане. Соседи им рассказали, что их разыскивали военный и милиционер. Визит в семью, в которой сын служит в Афганистане, военного и милиционера, означал только одно — привезли цинк. Всю ночь родители не спали, думая о самом страшном. Отец, уволившись в запас, в то время работал директором фабрики химчистки. Утром он пришел на ра-

боту, и ему там рассказали, что приходили милиционер и военный, которым понадобилась лестница-стремянка. Персонал ответил, что только с разрешения директора. Два дебила, взяв домашний адрес отца, пошли его искать. Но на следующий день и в последующем они больше не появлялись.

Вот я и думаю, может, в том месте и в то время произошел переход в другое измерение. И в той жизни мы героически погибли. И военный с милиционером приходили по соответствующему поводу. А очнулись мы в параллельном мире, где все пошло так, как идет и сейчас. А два не очень умных товарища - это просто было наложение миров.

Экстремальные условия эксплуатации. Постоянные передряги. Пройденный по всем типам дорог путь в несколько тысяч километров. Все это не лучшим образом сказалось на нашей ласточке, верой и правдой помогающей ратной службе. БТР под номером 087 стал сдавать и угасать на глазах. В темноте было видно, как в некоторых местах проводки проскакивают искры. Двигатели не развивали былой мощности. Коробка переключения скоростей, казалось, говорит нам: «Все, ребята. Хватит. Я больше не могу. Пожалейте меня». В БТР ходовая была устроена таким образом, что один двигатель крутил первый и третий мост, а другой — второй и четвертый. У нас же коробка включала первый и третий мост вперед, а второй и четвертый назад. В результате наш БТР в песке закапывался, как черепаха. Лёха разобрал двигатели и ковырялся в них, пытаюсь реанимировать. До приказа оставались считанные дни, и не было никакого желания совершать поездки. С водкой мы закончили. Большинство наших друзей или уехали, или не имели возможности

приходить в гости. Серега еще раньше уехал на дембель по рождению двух девочек-близнецов. Ребята из других частей - по госпиталям, кто с ранениями, а кто и с желтухой. Эта тварь косила бойцов в огромном количестве. Каждое утро мы мочились в пробирку и капали сверху капельку йода. Если появлялся зеленый ободок, значит, желтуха. Желтуха — это три месяца в госпитале в Союзе, месяц отпуска дома и оставшаяся служба в Союзе. Были и такие, которые искали больных, чтобы от них заразиться. Как только появились первые заболевшие, мы в Кундузе отловили лавочника, который понимал по-русски, и узнали от него, что хорошей профилактикой является отвар верблюжьей колючки. Мы собирали верблюжью колючку, рубили на мелкие части и заваривали в ведре с водой.

Каждый вечер рядом с КПП парка шумела наша паяльная лампа, разогревая воду для заварки. Когда после очередного косяка нападал сушняк, гасили его только отваром. Не знаю, или помог отвар, или психологический настрой, или постоянные косяки, но никто из тех, кто употреблял отвар, желтухой не заболел. А может, самым действенным лекарством от желтухи была родная водка.

Считая часы до дня, о котором не забывали все два года, мы проводили время в парке. По вечерам собиралась большая кампания. Сидели, болтали, готовили на паяльной лампе. Скрашивали будни как могли. Постоянная физическая и моральная нагрузка выматывала организм. Необходима была разрядка, поэтому пользовались любым поводом для приколов и розыгрышей. Больше всего от меня доставалось Лёхе. Не один раз он бегал за мной по автопарку с гаечным ключом и криком — Убью!

— Лёха, умеи сдерживать собственные эмоции, — смеялся я на бегу.

Развлекались с полуметровым вараном по кличке Орлик, который неизвестно откуда у нас взялся и так же неизвестно куда пропал. Дикий животный мир в местах нашего обитания был не особо разнообразен. Кроме вышеперечисленных ежеиков с длинными ушами, больших черепах и варанов, были еще и разнообразные змеи, которые заставляли постоянно следить за обстановкой и реагировать на любое движение. К скорпионам, паукам и всяким многоножкам, хоть я и привык еще в Отаре, но отношение не изменил. Тем более что здесь они были побольше и поядовитее. К нашей радости, никто из нашей роты на себе сей факт не проверил.

Любое нестандартное событие привлекало наше внимание. Не стал исключением и день, когда между нашим автопарком и автопарком 149 полка остановилась загадочная колонна. Впереди был уазик, за ним БТР и штук шесть шишиг с тентом. Из передних машин вышли офицеры без знаков отличия и пошли в сторону штаба. Через минуту без единого звука из машин стали выпрыгивать бойцы в неизвестной форме. Они строились в шеренгу и выдвигались за офицерами. Не было не произнесено ни слова. Вооружения у них было больше, чем в обычной роте. На каждое отделение один автоматический гранатомет. Такие гранатометы были не в каждой мотострелковой роте. На все обращения к ним в поиске земляков в ответ полное молчание. Автомашины заехали в парк 149 полка. Водители с саперными лопатками окопали границы и тут же организовали охрану. Мы были в недоумении. Кто это и откуда? Мы уж стали подумывать, что

это наемники с Кубы или с Анголы, когда один из них подошел к нам и попросил прикурить.

— Говорящие, — произнес кто-то из нас, и все грохнули оглушительным смехом. Потом мы узнали, что это прибыл спецназ «Каскад». Несмотря на охрану и специальную подготовку, в первую же ночь бойцы 149 полка сняли у них запасное колесо с уазика

Весенний призыв 1980 года после соответствующей подготовки в учебных подразделениях стал прибывать и к нам в часть. Человек пять-десять, не больше. Мы вызывали их к себе в парк и расспрашивали про Союз. Ведь он был так далек, а они только недавно ходили по улицам родной страны. Они с таким уважением и восхищением смотрели на нас, расспрашивая о службе. Мы же в свою очередь делились с ними опытом и хитростями. Молодые пели нам под гитару афганские песни, которые уже появились в Союзе.

*По дорогам крутым, сквозь огонь и туман
Тянут в горы ЗИЛы, надрывая кардан.
Автоматы в руках, передернут затвор,
Не остаться в горах, так молись на мотор.
Афганистан, Афганистан.
Письма редко отсюда доходят домой.
Афганистан, Афганистан.
Не одна мать-старушка зальется слезой.
Афганистан...*

Это пелось на мотив мелодии "Smokie" - What can i do», а мы сидели и слушали, вытирая слезы.

Приказ.

И вот он наступил. День, который каждый военнослужащий срочной службы ждет с первого дня службы, отмечая прожитые дни крестиками в календаре. И каждое вечернее:

«Спи, солдат. Спокойной ночи!

Дембель стал на день короче.

Пусть приснится дом у речки,

Баба голая на печке,

Самогону полный таз,

И Устинова — приказ!"

(Дмитрий Федорович Устинов — министр обороны)

приближало этот день.

Связисты штаба дивизии постоянно делали запросы в штаб армии. И вот он: Приказ Министра обороны СССР от 27 сентября 1980 года под номером 254, «Об увольнении из Вооруженных сил СССР в октябре-декабре 1980 г. военнослужащих, выслуживших установленные сроки службы, и об очередном призыве граждан на действительную военную службу».

Первым пунктом приказа шли слова, которые проникали в самые потаенные уголки души и разливались по всему телу ощущением безграничного счастья: *«Уволить из рядов Советской Армии, Военно-морского флота, пограничных и внутренних войск в запас в октябре-декабре 1980 года, военнослужащих, сроки действительной военной службы которым истекают до 1 января 1981 года*

Деды всех частей выдохнули с облегчением. Про нас ни слова. Значит, мы все будем уволены, как положено. Максимум нас могут задержать до Нового года, но это было не

страшно. Всю службу нас пугали фразой – «Будешь плохо себя вести – пойдешь на дембель за час до Нового года». Тот день в гарнизоне был незабываемым. Весь день мы принимали поздравления от молодых солдат до старших офицеров. Несмотря на отдельных идиотов, у нас много было друзей среди офицеров и прапорщиков. Как только стало темнеть, начался праздник. По всему плоскогорью возникала стрельба трассерами в небо со всех видов оружия. Взлетали сигнальные и осветительные ракеты. Веером разлетались трассеры. Одним словом, все, что могло греметь и гореть, в тот вечер гремело и горело. Всю ночь то тут, то там в небо уходили пунктирные линии. И тут же это подхватывалось в других местах. При встрече все только и твердили ДВЕСТИ ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТЫРЕ.

Вечером в парке мы собрались на праздничный ужин. Стол ломился от закуски, предусмотрительно запасенной к этому дню. Был и продукт, совсем недавно который, поставлялся нам вертолетчиками. Душевно сидели допоздна, любясь ночным звездным небом, изредка перечеркиваемым автоматными и пулеметными очередями.

С этого дня мы стали дембелями. Как положено, перевели в деда наших черпаков, а те, в свою очередь, молодых в черпаки. Стали ждать отправки домой. Мы слонялись по парку. Валялись на кроватях в роте. Занимались всякой ерундой. А ротный молчал и ничего не говорил. Мы постоянно просили у него дать нам дембельский аккорд, чтобы по его выполнению уехать домой. Ротный молчал. Пока было непонятно, что делать с демобилизацией в Афганистане. Пару раз он подходил к нам с просьбой съездит в Кундуз и северный городок.

— Товарищ старший лейтенант! Мы уже почти гражданские. Мы хотим домой вернуться, — пытались мы отказаться

— Я тоже хочу вернуться домой, — отвечал он.

И мы мчались улицам Кундуза, на огромной скорости входя в повороты. Иногда возвращались тогда, когда спускались сумерки. По пустынному ночному городу мы неслись еще быстрее, с риском не вписаться в поворот. В готовности открыть стрельбу по любому движущемуся объекту. Когда наступал комендантский час, мы имели право стрелять без предупреждения. Мирные жители по ночам не гуляют.

Отметил свой день рождения. Стукнуло двадцать два. Причем стукнуло прилично. От того студента двухлетней давности практически ничего не осталось. Собралась вся оставшаяся команда. Все поздравляли, дарили всякую всячину. Забили поздравительный косяк. Долго обсуждали, что будем делать на гражданке. Я всем говорил, что Афганистан коренным образом повлияет не только на судьбы каждого, но и на страну. То, что мы никогда не забудем нашу службу и наших друзей, было очевидным для всех. До перестройки было еще пять лет и почти десять лет до окончания нашего интернационального долга.

Домой.

Наконец, ротный дал нам дембельский аккорд. В парке стояла пожарная машина «ЗИЛ – 131», которая ни разу не выезжала. Как она оказалась в парке, история умалчивает. То ли трофей, то ли приехала с нами из Союза. За все время с нее было снято на запчасти все, что можно было открутить. Ротный пообещал нам выдать документы после того, как мы

на этой машине, своим ходом, объедем вокруг парка. Как только об этом узнали в роте, все, кто был свободен от службы, пришли в парк и со словами: «Уважаемые Андрей Михайлович и Леонид Ильич! Вы отдохайте, а мы все сделаем в лучшем виде», — занялись восстановлением. Носились гонцы по другим частям, выискивая необходимые запчасти. Перетряхивались свои заглашники. На третий день был вызван ротный, и мы с Лёхой под рев пожарной сирены объехали на машине вокруг парка. Ротный принял работу, а машина вернулась на свое постоянное место. Все, кто принимал участие в ее восстановлении, так же быстро вернули машину в первоначальное состояние. 26 октября 1980 года рота была построена в полном составе.

— Рота! Равняйся! Смирно! — скомандовал ротный, после чего приказал выйти нам из строя.

— От своего имени и от имени роты хочу сказать вам огромное спасибо за службу.

— Служу Советскому Союзу! — ответили мы хором.

— Вы достойно выполнили свой долг, — с этими словами вручил нам документы.

— У вас до вертолета остался один час. Есть время попрощаться, — сказал он нам напоследок и оставил нас одних.

Все собрались в курилке. Забили плотный косяк и дали нам с Лёхой. Сделав три затяжки, мы попытались передать сигарету дальше по кругу, но в ответ слышали: «Мы здесь еще покурим, а вам на память».

Присели на дорожку. Провожающие загрузились в автобусы и поехали с нами на аэродром. На полосе уже стоял «МИ-6» с вращающимися лопастями. Все стали прощаться. Крепкое объятие с каждым на несколько секунд. Несколько

слов, которыми невозможно было выразить чувства, разрывающие нас. Предательское вытирание глаз, опять пыль попала. Последние «до встречи», искренне веря, что встречаться будем постоянно. Мы прощались, понимая, что расстаемся с самыми близкими и надежными друзьями. Любой из нас, не задумываясь, закрыл бы друга грудью. Настоящая мужская дружба, взаимопомощь, честность и справедливость - все это было в нашей жизни в течение всего времени в Афганистане.

Мы забрались по трапу внутрь вертолета. По аппарели заехал бортовой «ГАЗ—53». Аппарель закрылась, шум винтов стал усиливаться. Вертолет оторвался от земли и, зависнув на несколько секунд, стал набирать высоту. В кузове газона стояли два деревянных ящика с цинками. Мы все летели на Родину.

Вертолет набрал высоту и взял курс на аэродром Кокайты рядом с Термезом. Справа и слева перед дверью в кабину летчиков были скамейки. Рядом с дверью висели два парашюта. Напротив нас с Лёхой сидели водитель машины и сопровождающий прапорщик. За все время полета мы не обмолвились с ними ни словом. Наши состояния были по разные стороны понимания.

Когда вошли в горы, вертолет стало трясти и кидать в воздушные ямы. В этом месте раньше на наших глазах потерпел крушение «МИ—10», вертолет-кран, который вез МАЗ-бензовоз. Когда мы охраняли погрузку песка, над нами пролегал вертолетный маршрут из Кундуза в Союз. Вертушки постоянно тарахтели в небе. Пролетел и «МИ-10», на опоре, удерживаемой четырьмя стойками, стоял бензовоз. Когда вертолет уже пошел над горами, раздался хлопок, и

звук стал прерывистым. Было видно, что что-то случилось. Дыма не было видно, но вертолет стал разворачиваться, накренившись вбок. С платформы слетел бензовоз и упал в горы, а следом за ним рухнул и вертолет, перевернувшись в падении винтом вниз. Помощь на место крушения прибыла быстро, и, как нам говорили, выжившим нашли только водителя бензовоза.

— Андрюха, ты умеешь прыгать с парашютом? — попытался сказать мне на ухо, перекрикивая шум двигателя, Лёха.

— Если надо, — прыгну.

— Если нас подобьют, то я вырубаю водителя с прапором, а ты цепляй парашют и прыгай, — продолжал орать мне в ухо Лёха.

Прощальный косяк давал о себе знать.

Через час мы приземлились на аэродроме. У нас не было ни дембельских альбомов, ни крутой парадной формы. Из вещей были только бумаги на дембель да пара фотографий на память. В кармане лежала пьезозажигалка с логотипом Мальборо — подарок на день рождения. При выходе с вертолета нас встретили пограничники с собакой.

— Главное, чтобы не гавкнула, — думали мы, судорожно вспоминая, а не завалялось ли в кармане чего-нибудь запрещенного.

После проверки документов и соблюдения всех формальностей мы сделали шаг на свою территорию. Свершилось. Мы в Союзе. Это уже было хорошо, но это было далеко не все. Нужно было добраться до дома, сделав по дороге много дел. Первая же местная попутная машина подбросила

нас до вокзала в Термезе. Все то же старинное здание с куполом наверху встретило нас суетой и оживленным движением. Как, впрочем, и весь город, наполненный в основном военными, был похож на муравейник, что было непривычно наблюдать, после того как я видел этот город полностью безлюдным. На вокзале взяли билеты на ближайший поезд до Душанбе. До отправления было пару часов, и мы вышли в привокзальный сквер покурить. Спокойно сидели на скамейке, наслаждаясь первым закатом на гражданке, когда к нам стала цепляться местная пьяная молодежь, ошивавшаяся на вокзале. Им не понравилось то, что у нас красные погоны мотострелков, которые они пытались приравнять к бордовым погонам внутренних войск. Я старался не поддаваться на провокации, но в какой-то момент Лёха не выдержал и полез с ними в драку. Их было человек десять, но в мои планы не входило знакомство с местным патрулем, да и про Термезскую гауптвахту ходили не очень хорошие разговоры. Пришлось быстро организовывать подмогу из солдат и сержантов, ожидающих своих поездов на вокзале. Когда на площадь стали подтягиваться военные, антисоциальных элементов как ветром сдуло. Ситуация на вокзале, по сравнению с годом ранее, когда я смотрел из окна, проезжая мимо, кардинально изменилась. Практически не видно было пограничников. Пустые ранее пути были забиты товарными составами, вдоль которых ходили вооруженные караульные, что указывало на военную принадлежность вагонов. Много было открытых платформ, на которых стояла разнообразная зачехленная техника. Все это постоянно трогалось, и по вокзалу разносился резкий звук от зацепления вагонов. Поезд

шел шесть часов, и хоть за окном было темно, спать не хотелось не только от переполняющих ощущений свободы, но и от того, что знакомые названия станций шли в обратном порядке, как будто кино завертелось в обратную сторону. Джаркурган. Кумкурган. Денау. Турсунзаде. Гиссар. И как точка в этом кино — Душанбе, куда приехали далеко за полночь.

И снова Душанбе.

Поехали к Сашке, но оказалось, что он переехал на новую квартиру. Тогда мы приехали в мою бывшую часть. На КПП выяснили обстановку. Там уже были новые люди. Только мой старый приятель продолжал руководить гарнизонной гауптвахтой. У него все было в порядке. Он учился в школе прапорщиков и планировал возглавить гауптвахту. Всю оставшуюся ночь мы просидели с ним за стаканом вина, рассказывая о нашей службе. Отоспавшись, нашли Сашку, который получил квартиру в новом доме недалеко от нашей части. Искренняя радость от нашего возвращения читалась на лицах Сашки и Людмилы. Но мне расслабляться было некогда. Первое, что мы сделали, это получили деньги, которые за это время набежали на наш счет. Почти по сто рублей на брата. Мы наняли такси на весь день. Предстояло собрать все конверты, которые были разбросаны по разным адресам. Часть из них мы собрали в течение дня без проблем. Оставалось два адреса, в которых мы никого не застали. Вечером, сидя за столом, который ломился от деликатесов и спиртного, я отправил по этим адресам Лёху. Лёха

не появился ни через час, ни через два, ни через три. Понимая, что что-то не так, в два часа ночи я поехал его искать. По первому адресу бывшая официантка сообщила мне, что три часа назад она отдала все конверты Лёхе, после чего он уехал. По второму адресу у дома стояло наше такси. Поднявшись на второй этаж деревянного дома, похожего на общежитие, я с трудом в длинном коридоре нашел нужную комнату. Дверь была приоткрыта, и я, не задумываясь, переступил порог. Посредине комнаты накрытый цветной скатертью стоял круглый стол. За столом, в совершенно невменяемом состоянии, сидел Лёха и пытался сосчитать чеки, разбросанные по всему столу. Он вслух заплетающимся языком начал считать, но, тут же сбившись, начинал снова. Не совсем трезвая официантка, стоящая у окна на фоне потертой занавески, повторяла, что не надо торопиться, что сейчас придут ее друзья, и все будет хорошо. Перспектива встречи с непонятными людьми меня не прельщала, и я, не считая, сгрэб все бумажки в сумку. После чего, вытащив Лёху из-за стола, поволок его к выходу. Хозяйка тащилась за нами до такси, уговаривая остаться. Пообещав вернуться утром и запихнув безвольное тело в машину, рванули на базу. На следующий день мы пересчитали наши чеки. За исключением последнего адреса, где мы не досчитались около ста чеков, все сходилось. Всего же чеков было около трех тысяч в основном мелкими купюрами. Еле запихнули все деньги в дипломат, купленный накануне.

Стали решать вопросы с билетами до Москвы. Ехать четыре дня в поезде, хоть и в супер-комфортных условиях, которые мы могли себе позволить, нас не устраивало. Только

самолет, билетов на который не было на месяц вперед. Помог нам Володька, доставший бронь Министерства обороны. Знал ли я, выправляя ему направление в Душанбе, что через него буду доставать билеты на дембель? Только Лёхе пришлось сдерживать эмоции, когда мы пришли выкупать их в кассу с бронью. Перед нами нагло и грубо влез гражданский тип. И только то, что я заметил у него в руках удостоверение сотрудника КГБ и вовремя остановил Лёху, который уже собирался объяснить товарищу его неправоту, не стало препятствием по дороге домой. И вот на руках были билеты до Москвы по шестьдесят два рубля за штуку.

29 октября мы купили билеты, а 30 октября мы уже томились в здании аэропорта в ожидании посадки в самолет.

Нас провожали Сашка с Людмилой и несколько человек из театра. На дорогу выпили вина. Опять слезы прощания. Несколько часов сна во время полета, и наш самолет приземлился в аэропорту Домодедово. Было уже темно. Падал редкий снежок. Когда мы спустились по трапу, не договариваясь, встали на колени на асфальт аэропорта и поцеловали родную землю. Об этом дне я думал каждый раз, засыпая, вне зависимости от того, спал ли я на кровати, на земле, на досках, на сиденье десанта в бронетранспортере или на дне окопа. *«Пройдет всего два года, изменится лишь мода»*

Москва.

В здании аэровокзала я собрался позвонить брату и сказать, что я в Москве. Телефонные автоматы требовали пятнадцатикопеечную монету. Мелочи в карманах не было,

и я обратился к военному патрулю, который незаметно оказался рядом с нами.

— Ребят, помогите пятнашкой. Нужно позвонить, а у меня нет.

По лицам начальника патруля и двух патрульных было понятно, что мы им ну очень интересны. Капитан покопался в карманах и протянул пятнадцать копеек. Я позвонил брату, сказал, что все нормально, что я в Москве и скоро увидимся.

— От нас что-то надо? Предъявить документы? — обратился я с вопросом к патрулю, который стоял в шаге от нас и не собирался отходить.

— Нет. Не надо. Ждем, когда вы покинете здание аэровокзала. Вам показать выход и место остановки общественного транспорта?

— Спасибо. Мы на такси.

— Пойдемте. Мы вас сопроводим до стоянки.

— Товарищ капитан! А чем обусловлена такая забота о нас?

— Понимаешь, сержант, у нас негласный приказ. Таких солдат, как вы, не трогать. Выявив среди пассажиров, прикладывать все усилия по дальнейшей отправке из аэропорта.

— А какие мы?

— Прибывающие к нам из известной страны.

— А как вы определяете, если документы не требуют?

— Вы себя видели? Так что наша задача сопроводить вас до любого транспорта и выпроводить из аэропорта. Вчера одного пьяного на носилках из самолета вынесли. Шинель сняли, а там грудь в орденах. И куда его? На губу? Так

что мы вас проводим, — продолжил начальник патруля, тоном, не требующим дальнейших пояснений.

Мы действительно выделялись среди многочисленных лиц на аэровокзале. И не только от военных. Выгоревшие волосы. Обветренные лица. И что-то такое, что заставляло людей провожать нас взглядом.

Нас проводили к выходу. На стоянке такси было много машин, но первые в очереди отказывались нас вести, думая, что дорога дальняя, а деньги у дембелей вряд ли есть в нужном количестве. Один таксист, стоящий пятым или шестым в очереди, подошел к нам и согласился нас отвезти. Падал редкий снег. Он нас вез по ночным дорогам на предельной скорости. По дороге мы рассказывали про себя, а он рассказывал про свою службу, которую он прошел три года назад, что и стало основанием оказать нам помощь в доставке домой. Когда мы подъехали к моему дому, он был удивлен, что, открыв дипломат, полный чеков, я расплатился с ним по счетчику не рублями, а чеками. Считай в три счетчика. Вошли с Лёхой в подъезд и на лифте поднялись на одиннадцатый этаж. Вот моя квартира, вот мой дом родной. Об этой секунде я мечтал последние два года. За дверью слышен был звук телевизора. Еле слышно доносились голоса отца с матерью. Я потянул руку к кнопке звонка, и меня накрыло. Внутренняя пружина, которая все два года только и делала, что сжималась, одномоментно выстрелила, снося на своем пути все барьеры. Слезы, которых не было стыдно, потекли по щекам, соединяясь на подбородке. Я сполз по стенке на бетонный пол и сидел, не сдерживая своих эмоций.

— Слабак, — сказал Лёха, потянулся к кнопке звонка и сел рядом со мной, вытирая слезы.

Так мы и сидели, два плачущих ребенка, вернувшихся домой. Несколько дней назад мы участвовали в войне, теряли друзей. Сами были на волосок от гибели. А сейчас лили слезы, как дети. Мы и были детьми, только прошедшими через войну. Успокоившись, нажали на кнопку. Открыла мать. Отец стоял сзади. Они солили капусту и были в капусте и моркови.

— Я вернулся. Это Лёха. Мой брат, — единственное, что я мог выговорить.

И нас с Лёхой снова накрыло. Мы прошли в мою комнату, в которой за два года ничего не поменялось. Все лежало так, как я и оставил. Сели в кресла и курили одну сигарету за другой, пытаюсь взять себя в руки и успокоиться. Через какое-то время мы вышли из моей комнаты. На кухне сидели плачущая от счастья мать и радостный отец. На столе стояла бутылка коньяка, подготовленная для этого случая. Домашняя еда, стакан коньяка и чистое белье поставили последнюю точку в двухгодичном отсутствии.

Утром мы поровну поделили наши чеки. На такси проехали по магазинам «Березка» в Москве. Лёха купил себе вельветовый коричневый костюм. И я его посадил в поезд Москва - Тамбов, идущий через Мичуринск.

Вечером я вышел покурить на балкон. Два года назад я курил на балконе и даже представить не мог, что меня ждет впереди. Круг замкнулся. Два года службы закончились. Закончилось два года нереального цирка. Где рядом были и смех, и слезы. Потери и приобретения. Где каждое утро давало надежду, а каждый вечер давал удовлетворение прожитым днем. Где начинал клоуном, а закончил профессио-

налом. Пройти по канату — легко. Спрятать танк — Копперфильд отдыхает. Спрятаться самому или вылезти из любой ситуации — Гудини плачет от зависти. «Кто в армии служил, то в цирке не смеется» — это о том, что мы знаем этот цирк. И каким трудом дается кажущаяся легкость в выполнении номеров. Много чего ждало меня впереди, но что было за эти два года, не выветрится из памяти никогда.

Память. Память. Память. Запах восточного базара. Запах пыли. Запах пороховых газов в раскаленном БТРе. Арабские мелодии и тарахтение вертушек над головой. Ярчайший Млечный путь и жёлто-серый цвет выгоревшей окружающей природы. Желтые пески и черные скалы. И светлые лица друзей.

После войны.

Первые годы.

Первые три года, когда я рассказывал про войну в Афганистане, на меня смотрели, как на барона Мюнхгаузена. Только в 1983 году официально было признано, что мы участвуем в боевых действиях. Правда, это не афишировалось. Даже удостоверение, которое выдавали прошедшим Афганистан, называлось «Свидетельство о праве на льготы». Для этого по тем правилам нужно было делать запрос в часть за подтверждением.

Первое время постоянно встречался с афганцами. И не только с однополчанами. Это были студенты, прошедшие Афган, с которыми я познакомился, сразу восстановившись в институте. Особенно легко и свободно было с Андреем и

Экраном, проживающими в общежитии, куда я заселился. У первого не было ноги до колена, а у второго обеих ног. Грустно и весело было смотреть, как они постоянно хвастались друг перед другом новыми татуировками, роль которых выполняли переводные картинки, наклеиваемые на протезы ног. Вставив в магнитофон кассету с афганскими песнями, пустив по кругу самодельную сигарету, мы могли просто просидеть несколько часов молча, перебирая в памяти события недавних дней. Это был Кубинец, перебравшийся из Баку в Москву. Проживший пару лет в Москве, он снова вернулся в Душанбе, где окончил школу прапорщиков. Вернулся в Москву только после вывода наших войск. Появлялся на горизонте все реже и реже и, в конце концов, пропал. Это были местные ребята, которых с каждым годом становилось все больше. Среди них я снова обретал те ощущения правды, справедливости и взаимовыручки, которых не хватало в обычной жизни. Со временем встречи стали реже и в конечном итоге сошли на нет.

Стараюсь не посещать торжественные мероприятия, связанные с Афганистаном, которые организуют власти. Как-то это все выглядит показушным, для галочки. Нет тепла и взаимопонимания. Отсутствует единство. Люди стали адаптироваться к окружающей жизни. Кто-то спился. Некоторые свели счеты с жизнью. Афганистан дал каждому участнику в жизни ускорение. Распорядился этим кто как смог. Причем не важно, кем ты был в Афганистане, писарем в штабе или спецназовцем. Стоял в охране или сидел за рулем бензовоза, наматывая километры по горным дорогам. Шел в атаку на душманов, уничтожая караваны, или готовил

еду для своих сослуживцев. Наша война оставила след в сердце каждого.

Перейти на гражданский режим жизни оказалось не так просто. Первые дни, просыпаясь, рука привычно тянулась к автомату. Отсутствие под рукой автомата делало процесс пробуждения стремительным. Любой хлопок от проезжающей машины вызывал в организме мгновенную реакцию занять удобную позицию лежа или использовать укрытие. Первые годы преследовали кошмарные сны. Один сон, как меня снова призывают в армию, а я пытаюсь доказать, что я там уже был. Второй сон, что я нахожусь в Афганистане. В горах, на улицах, в кишлаках — по-разному. Объединяло этот кошмар только одно — я во всех снах был без оружия. Со временем эти сны стали реже и реже, пока совсем не пропали.

Не прошло и двух лет после возвращения из армии, как судьба забросила меня в город Николаев на пару дней. Это было бы ничем не примечательным событием, если бы не дорога назад. Дефицит денег позволил приобрести только самые дешевые билеты до Москвы. В самый медленный, идущий через Полтаву почтово-пассажирский поезд. Как только я зашел в наш общий вагон, на меня нахлынули воспоминания двухлетней давности. Это был тот же поезд, который вез меня призывником из Алма-Аты в Отар. Я бы не удивился, если бы где-нибудь на стенке нашел бы свою надпись — Андрей 78—80. Деньги закончились. Длительная борьба желания поспать с желанием поесть не выявляла победителей. Устроившись у окна и удобно прижавшись лбом к стеклу, я рассматривал пробегающие передо мной ландшафты. Буйство природы южной Украины еле тащилось перед глазами со скоростью велосипедиста. Поезд подолгу

стоял на каждой станции, ожидая, пока не обменяется почтовой корреспонденцией и посылками, которые вываливались в железные тележки, прицепленные к автокару. Вид в окне стал меняться. Фруктовые сады и поля, уходящие вдаль, сменились на пустынные земли. Все меньше становилось растительности. В вагоне прибавилось людей, и гул от разговоров стал заглушать перестук колес. На горизонте стали появляться холмы, перерастающие в сопки. Пустая выгоревшая земля, на которой не за что было зацепиться взглядом.

— Какой знакомый пейзаж, — думал я, разглядывая природу.

— А это красочное пятно откуда здесь взялось? — задал я себе вопрос, увидев одиноко пасущегося ишака.

На горизонте, под сопками, появился городок из пятиэтажных домов.

— Выходи строиться, — услышал я команду, когда поезд остановился.

— Сейчас я встану вместе со всеми и пойду в этот городок, где я буду полгода обучаться военному искусству разведчика — в голове появилась картинка, где под завывание вьюги качается лампочка на столбе, под которым я стою в тулупе, охраняя замерзшие танки.

— Потом полгода проведу в штабе, — картинка из караула сменилась на кабинет, где я ставлю печать на разные бумаги.

— После чего уеду в Душанбе, где пробуду не более месяца, — в голове затанцевали балерины из театра оперы и балета.

— После чего проведу год на войне в Афганистане, — пробежало у меня в голове, и я стал подниматься.

— Стоп. Это уже было. Не хочу. Хватит! — забились мысли в голове, и я проснулся.

Поезд стоял на какой-то станции. Привычно сновали люди. На платформе стояли ведра с яблоками и абрикосами, бдительно охраняемые их хозяйками.

Интересно, почему мне привиделись картины двухлетней давности? И тут я понял. Это же были поезда времени. Они ездили по всей стране и в нужную минуту останавливались около тебя. У них не было маршрута. Это были поезда из ниоткуда в никуда. Поезда воспоминаний. Или связующие цепочки между измерениями. Поезд, прокатив меня по сопкам моей памяти, дальше продолжил свое скитание во времени и пространстве. Измерение, отстающее от меня на два года, соприкоснулось с моим, и каждый поехал дальше. Я, который «тот», готовился встретиться с армейской службой; я, который «этот», продолжил свое движение. Когда я ехал служить, мне приснился сон, в нем перед окнами пробежали южно-украинские пейзажи, которые я воспринял как игры сна, не связав их ни с настоящим, ни с будущим. Попытки снова найти этот поезд обречены на провал. Его не только не найдешь в расписании, но и местные жители будут убеждать, что такого поезда нет, а они-то уж знают лучше. И если только кто-нибудь один почему-то шёпотом вспомнит, что вроде бы он на нем ехал, но объяснит это возвращением со свадьбы и не совсем трезвым состоянием.

Комсомол.

Интересно завершилось мое участие в комсомоле. После института я стал работать в одном известном и уважаемом академическом заведении. Трудовой коллектив принял меня как своего, что нельзя было сказать о местной комсомольской организации. Первая встреча с секретарем местной ячейки заставила меня вспомнить и о командире стройотряда, отправившем меня в армию, и о замполите роты, ведущем меня на расстрел. Этот был такой же идейный. Его возмутило состояние моего комсомольского билета. Я согласен, что мой билет был слегка потрепан. Ну как слегка? Он был весь искорежен, как пересохшая подошва. Чернила и печать были размыты, а фотография криво приклеена, после того как ранее она просто оторвалась. До того, как я пролил на него пиво и чуть-чуть красного вина, он и так не очень показательно выглядел. Высказав в мой адрес по этому поводу длительный монолог об отношении к святому святых советских комсомольцев, он написал на меня бумагу в комитет комсомола. Через месяц мое персональное дело рассматривалось на комитете в головном институте. Прибыв на Ленинский проспект в институт Академии Наук, я долго сидел в приемной, пока уважаемые комсомольцы не перешли к рассмотрению моего дела о неподобающем отношении к комсомольскому билету.

Войдя в большую комнату, я увидел громадный стол, за которым сидело все комсомольское руководство института. Это они совсем скоро бережно подхватят все имущество, выпадающее из рук коммунистической партии и, для его со-

хранности, оставят себе. А сейчас передо мной вальяжно сидели командиры стройотрядов и армейские замполиты, только на порядок идейнее.

— Слушается персональное дело комсомольца о халатном отношении к хранению комсомольского билета, — объявил один из них, и понеслось.

— Да как ты мог! Да это святая святых! Да это показывает твое отношение. Это основание для исключения. Да за такое во время войны — каждый из них бросал в мой адрес слова, которые должны были объяснить мне, какой я ничтожный человек.

Невозмутимо выслушав все лозунги и тот бред, который несся в мой адрес, я попросил дать мне ответить. Дождавшись, когда они уютно устроятся в своих креслах и приготовятся надменно выслушать мои никчемные оправдания, я начал.

— Уважаемые товарищи! Я с большим пониманием выслушал вашу озабоченность по поводу состояния моего комсомольского билета. И ваш гнев по этому поводу я бы с вами разделил, если бы не одно но. А это но заключается в том, что я совсем недавно принимал участие в боевых действиях в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. И с комсомольским билетом я не расставался ни на минуту. Находясь на груди моей гимнастерки в самые трудные минуты, он согревал меня и указывал мне путь, который прокладывала Коммунистическая партия Советского Союза. К сожалению, на войне нет сервантов, в которые можно было положить билет и доставать его только для уплаты взносов, — мой голос набирал мощь, и я видел, что

члены комитета комсомола вжимались в кресла, понимая, что что-то идет не так, как они привыкли.

— Да. Мой билет не идеален. Но он такой от впитанного пота и крови. Я с ним и попадал в засады, и форсировал реки, — продолжал я, чуть не засмеявшись, вспомнив, как мы утопили БТР, пытаюсь на нем поплавать.

— Этот билет напоминает мне о моих однополчанах—комсомольцах, которые рядом со мной с честью выполняли интернациональный долг по решению Коммунистической партии Советского Союза, — вбивал я гвозди в крышку их комитета.

— И если вы считаете, что мое место не в комсомоле, то я дойду до Центрального комитета комсомола в поисках справедливости, — добил я всех контрольным выстрелом.

Над столом возникла тишина, которая стала предательски затягиваться. Желających говорить не было. Наверное, в этот момент они думали о нехорошем секретаре филиала, который втянул их в эту ситуацию. А может, о том, как красиво вылезти из этой ситуации. Сложно сказать. Меня попросили выйти и подождать принятия решения. Через минут двадцать, когда я уже стал сомневаться в их адекватности, меня пригласили для оглашения решения. Никаких взысканий на меня не налагалось. Мне было рекомендовано получить новый билет без сдачи старого. Вскоре я получил новый билет, в котором в будущем не появилось ни одной отметки об уплате взносов. Просто после этого разбирательства я сам себя исключил из комсомола. По возрасту мне еще пару лет можно было пребывать среди молодой смены строителей коммунизма, но я понимал, что с ними мне не по пути.

Степи и горы, которыми я был сыт по горло, казалось, останутся только в воспоминаниях. Но жизнь, как всегда, любит преподносить сюрпризы.

Степи.

Новое место работы располагалось в Москве, однако имело объекты по всей территории СССР. Мне же выпал объект в городе Приозерске, раскинувшемся на озере Балхаш, что в Казахской ССР. В двухстах километрах от станции Отар, где я провел незабываемые тринадцать месяцев своей срочной службы. Устроившись на новое место работы, я с тремя, как мне объяснили, особо важными документами и билетом на самолет прибыл в Московский аэропорт Внуково. Командировочное удостоверение на три месяца, командировочное предписание и допуск секретности лежали во внутреннем кармане. Отдельно лежал стандартный билет Аэрофлота с нестандартным пунктом назначения. Рейс 567. Москва – Камбала. Ну не было в стране населенных пунктов с таким названием.

— Объявляется посадка на рейс номер такой-то до..., — слышал я голос из динамика, и назывались известные города Советского Союза, как правило, южного и восточного направления.

— Объявляется регистрация и посадка на рейс 567, — прозвучало в залах аэропорта, и как я не прислушивался, окончания объявления не последовало.

Найдя необходимую стойку регистрации, я встал в быстро движущуюся очередь. Очереди к другим стойкам

резко отличались от нашей. Там стояли люди, по виду которых становилось понятно, что между ними нет ничего общего. Наша очередь скорее была похожа на очередь сотрудников одного предприятия, которые утром садились в служебный автобус, чтобы доехать до работы. Многие были знакомы друг с другом и активно переговаривались. Быстрый осмотр - и аэродромный автобус довез нас до самолета, который стоял с работающими двигателями. Так же быстро все расселись по местам, и самолет, разогнавшись по полосе, оторвался и тут же убрал шасси. Лететь предстояло около четырех часов. Не успел самолет набрать высоту, как стали откидываться столики, и пассажиры, как один, приступили к трапезе предусмотрительно взятых с собой продуктов. По салону самолета разносился запах вареных куриц. Постоянно слышался хрустящий звук разбиваемых яиц с их последующей чисткой. Дополняли картину ароматы кофе и чая из открываемых термосов. Все это не вызвало бы удивление, если бы было в купе поезда, но никак не в самолете. После завтрака началось хождение и брожение по салону. Разговоры, начатые в очереди, продолжились на борту. После пары часов полета, сытые и уставшие, пассажиры, откинув кресла и удобно устроившись, предались сну. Я всматривался в окно иллюминатора, и мне вспоминался полет в Алма-Ату восьмилетней давности. Как и тогда, путь мой лежал в неизвестность. Я снова летел по тому же маршруту и в те же места. Внизу заблестала в лучах солнца громадная река.

— Наверное, пролетаем над Волгой, — подумал я и, поддавшись общему настроению, провалился в сон.

— Просьба привести спинки кресел в нормальное состояние и пристегнуть ремни. Наш самолет приземляется в аэропорту «Камбала», — раздался голос стюарда, и я проснулся. Осознание реальности происходящего пришло сразу, как только я выглянул в окно иллюминатора. Там не было Черного моря, как в свое время в Сухуми. Под ногами была бескрайняя степь, изрезанная колеями проехавших машин. По степи в беспорядочном, на первый взгляд, порядке были разбросаны объекты, на которых ощущалось присутствие людей. Несколько домиков, установки или комплексы, покрашенные в армейский цвет или закрытые маскировочными сетями — это все, из чего они состояли. Самолет сделал разворот над водной гладью, как потом оказалось, озером Балхаш, и пошел на посадку.

— Так вот она какая «Камбала», — удивлялся я, когда самолет подкатил после короткого торможения к аэровокзальному комплексу. Здание аэровокзала поражало своими размерами и видом. Казалось, что его строили по проекту придорожного кафе вдали от больших городов. Размерами чуть больше автобусной остановки, где одна часть была застеклена, а другая была совсем без окон. Рядом с ним был выезд из аэропорта, перекрытый шлагбаумом. Это все было видно через иллюминатор, но потрогать все это оказалось не так просто. Как только самолет остановился, никто из пассажиров не бросился доставать ручную кладь и бежать в сторону выхода. Все невозмутимо сидели, продолжая заниматься своими делами. Подъехал трап, и по нему поднялись в салон прапорщик и сержант срочной службы. Скрупулезно изучая представляемый каждым пассажиром комплект документов, они давали разрешение на выход. Не торопясь те, у кого

было все в порядке, потянулись к выходу. И опять никто не побежал в здание остановки, чтобы дожидаться своего багажа. Все стояли под самолетом в ожидании, когда выйдет последний пассажир. Первые же глотки степного воздуха отбросили меня в недалекое прошлое. Степи, с пятнами не растаявшего снега и пробивающейся травы, тянулись до горизонта. Весенний ветерок с привкусом полыни. Будто не было шестилетнего перерыва.

Чтобы попасть на свой объект, пришлось преодолеть пять контрольно-пропускных пунктов. Каждый пункт выдавал свой пропуск взамен предыдущего. Становилось понятно, куда делись мои восемнадцать фотографий, сданные при устройстве на работу. Такая система оборота с документами делала нереальной возможность покинуть данную территорию. За мной захлопнулась калитка в зону, которой бы позавидовали Стругацкие. Я ехал работать, а оказался за множеством рядов колючей проволоки. И передо мной была перспектива отбыть здесь три месяца. Настроение катилось вниз по наклонной. Успокаивало только то, что по площадке ходило много людей, а перед домами играли дети, что говорило о приемлемости условий жизни. Да и моя служба в армии преподавала такую школу выживаемости и адаптации к любым условиям, что наличие колючей проволоки не должно было сильно повлиять на выполнение моих служебных обязанностей. Три года и три месяца, которые я провел на этом объекте, были наполнены интересной работой и еще более интересным отдыхом. Заметным событием для меня была экскурсионная поездка в Алма-Ату. Путь в столицу Казахстана проходил через станцию Отар, и в окна автобуса я опять смотрел на сопки, полигон и казармы, которые совсем

недавно занимали в моей жизни глобальное место. Кардинальных изменений не наблюдалось, но мы уже не шли в коммунизм. Так же, как и при мне, готовились сержанты и специалисты для Советской Армии, армии, которой оставалось существовать совсем немного лет. В этот раз изучение достопримечательностей столицы Казахстана было более плодотворно, в отличие от первых двух раз, один из которых был проездом к месту службы, а второй – пробегом по значным местам.

Запомнилась и сногшибательная рыбалка на озере. Сети, бредень, удочки и иные приспособления для ловли рыбы, делали этот процесс увлекательным. А наличие катера и спирта, выдаваемого на рабочем месте для проведения регламентных работ, еще и захватывающим. По стране маршировал сухой закон, строго соблюдаемый на территории полигона. Нас это не особо смущало, так как всего в двухстах пятидесяти километрах от нашей площадки, располагался урановый рудник, в поселке при котором работала пивная с разливным пивом. Раз в неделю махнуть за пивом, договорившись с ребятами на КПП, не составляло особого труда. Пятидесятилитровая бочка свежего пива скрашивала наш быт и удаленность от цивилизации.

Горы.

По иронии судьбы, следующий объект, на котором я стал работать, находился в горах Кавказа. Новое место отличалось кардинально. Вылет тоже из Внуково, но никакой конспирации. Никаких Камбал, Дальних и иных зашифрованных пунктов назначения. Обычный рейс в обычный аэропорт

под названием Минеральные воды. Комфортабельный салон «ИЛ—96», в котором при взлете не звучал стук разбиваемых яиц и хрустящих куриных костей. Где пахло разнообразными ароматами, а не застарелым перегаром. Соответственно и я чувствовал себя скорее человеком, направляющимся на курорт, а не в закрытую зону. Да это и был курорт, с признанными курортными городами, расположенными на расстоянии вытянутой руки друг от друга.

Самолет сел на полосу, и все дружно потянулись к выходу через нижний этаж, где на стеллажах лежал багаж. Меня никто не встречал, но была инструкция, как добраться до места. От Минвод до нужной мне станицы – моего конечного пункта, как я себе представлял, шел междугородний автобус, на который я успешно опоздал, пока выяснял обстановку. Как потом выяснилось, от момента приземления до отправления рейса было всего тридцать минут. Следующий автобус был через два часа. Побродив по площади перед аэровокзалом, битком забитой разномастными машинами частников, предлагающими довезти тебя хоть на Луну, при этом активно жестикулируя, я решил поехать с пересадками. Разобравшись с маршрутом, я сел в автобус до Черкесска, который находился на середине пути. Старый, раздолбанный «Икарус», выпустив облако копоти, двинулся в сторону гор, видневшихся на горизонте и, не доезжая до них, повернул направо и помчался по прямой и ровной дороге среди станиц и полей. Хоть автобус был и междугородний, но остановок у него было, как у рейсового - у каждого столба. Множество станиц и хуторков принимали в себя пассажиров автобуса, а на их место садились другие. Почти сто километров пути промчались незаметно. Черкесск как город ничем

не отличался от множества районных городов. Стандартный автовокзал, где я без труда пересел в автобус до нужной мне станции. Такой же «Икарус» повез меня дальше. Когда мы выскочили из города, дорога пошла вдоль реки Кубань, русло которой находилось в глубоком широком каньоне. Проехав Усть-Джегуту, автобус пересек речку по плотине, за которой открывалась водная гладь водохранилища. Над аркой плотины огромными буквами сиял лозунг: «ИДЕТ ВОДА КУБАНЬ-РЕКИ, КУДА ВЕЛЯТ БОЛЬШЕВИКИ». Шел третий год перестройки и ускорения, и становилось понятно, что дни подобных лозунгов сочтены.

Небольшой автовокзал принял меня, и я оказался в нужной мне станции. Она славилась не только местами отдыха, но и крупнейшим в мире оптическим телескопом с десятиметровым зеркалом. Там же, высоко в горах, находился еще один телескоп, работать на котором мне и предстояло в ближайшей перспективе. На следующий день я отправился в путь к рабочему месту. На работу нас собирал громадный военный «КАМАЗ» с пассажирским кунгом. Но для пассажиров там не стояли удобные самолетные кресла, а по периметру шла обычная деревянная лавка, так что кунг был не только пассажирский, но и грузовой. Подбирая по дороге сотрудников, «КАМАЗ» продолжал движение вперед, точнее, вверх. Километров двадцать мы петляли по серпантинам среди горных лесов, выскакивая на крутые повороты и снова уходя в тенистые аллеи. Все сидели друг напротив друга и синхронно качались в такт движению, привычно подпрыгивая на стыках бетонных плит. На крутых поворотах, ты наваливался на соседа, тут же возвращаясь на место. Как куклы-неваляшки.

Первый раз, как только мы въехали на серпантин, во мне сразу что-то ёкнуло. Дорога и нависающие над ней горы отбросили меня назад, и холодок пробежал между лопаток. Умом я понимал, что я дома, в Советском Союзе, но организм предательски отказывался воспринимать эту поездку как путь на работу. Но это быстро прошло. А может, просто прошло время, и отголоски войны закопались в памяти, не мешая нормальному восприятию действительности. Вот не зря же говорят, что история повторяется дважды: первый раз как трагедия, а второй раз как фарс. Я бы развил эту мысль. Человеческие ситуации повторяются дважды: первый раз как геройство, а второй раз как обыденность. Первые мои степи были как место для выживания. Я боялся их, но сопротивлялся. Так же и горы, я их боялся, но боролся. Чувство гордости за себя вызывало желание снова оказаться в степи или горах, чтобы получить ощущение победы над окружающей обстановкой. Но второй раз это было уже не геройство, а обыденность. Что и компенсировало внутри боевой задор. Теперь я не хочу ни в степи, ни в горы, испытав на себе все крайности от нахождения в этих природных зонах. Поэтому, если ты хочешь избавиться от навязчивых идей, воплоти их дважды, в крайностях. И все пройдет.

В шесть часов вечера, когда заканчивалась смена, все снова грузились в будку на колесах и совершали спуск в обратной последовательности. И так каждый день. Утром восхождение на 2200 метров вверх, вечером спуск. Погодные условия не влияли на работу. Ни мороз, ни дождь, ни снег не были препятствием для многотонного армейского вездехода.

Так получилось, что и в горах я провел три года и три месяца, после чего вернулся домой.

Война уходила все дальше и дальше, изредка напоминая о себе. На одной из инаугураций местного руководителя я оказался за одним столом с новым его замом. Оказалось, что в то же время и в том же месте он служил молодым офицером особого отдела. Их особый отдел располагался в зоне видимости нашего автопарка. Под водочку вспоминали те времена. Когда коснулись темы сухого закона, он поведал мне историю, о том, как они всё лето охотились за контрабандными поставками водки в гарнизон.

— Представляешь, Андрей, мы обложили их со всех сторон. Уже практически готовы были взять их с поличным. Знали, что поставки осуществляются вертолетчиками. Почти вычислили вертолет. Подготовили операцию по перехвату, а они не появились. Ни в этот раз, ни в последующий. Делали засады у каждого борта, приземляющегося на аэродроме. Ни следов, ни людей, — жаловался он мне.

— Бывает. Наверное, кто-то предупредил. Наверняка за этим кто-то стоял, — философски отвечал я, думая, как важно вовремя остановиться. И представляя, чтобы было, если бы они нас тогда взяли.

Люди.

Перестройка и пена, поднявшаяся на волне преобразований, сделала так, что нас стали стыдить за войну. «Агрессоры», «убийцы», «вас туда не звали», «это не наша война», — стало звучать с трибун разнообразных съездов. Эти слова плотнее сближали нас, но отделяли от государства. Одних

ломали через колено, других делали еще сильнее. Время показало, кто есть кто, но для многих было уже поздно. Вывод войск может, и был необходим, но признание ошибочности ввода обесценило гибель тысячи наших ребят. За неимением другой даты, день вывода 15 февраля стал официальным днем памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества. Для этого потребовалось ждать до 2010 года.

Несмотря на плотный рабочий график, я не забывал свое недавнее прошлое. До развала Советского Союза про нас вспоминали. Выпускали законы, помогали по жизни. Мы отвечали взаимностью. Активно работал наш местный Союз ветеранов Афганистана, в создании которого я принимал активное участие и долгое время был заместителем председателя. На счету нашей организации много достойных дел.

— Если не ты, то кто? — слышал я постоянно.

Со временем, как альтернатива нашему Афганскому союзу, чиновники создали аналогичную организацию, объединив в ней всех участников боевых действий. Стали сразу понятны перспективы новой организации, что и подтвердило время. Если сначала по памятным датам про нас вспоминало Министерство обороны, награждая памятными медалями, то потом этот процесс был передан новой организации. На вопрос к местному руководителю, почему из всех афганцев, медаль, посвященную очередной годовщине вывода войск, получили всего четверо, был получен ответ: — А остальные не платят членские взносы и не являются членами организации.

Как говорили советские классики в «Золотом теленке» — «Пиво отпускается только членам профсоюза».

Что касается лично меня, то, увидев отношение государства ко мне, я ответил государству взаимностью. Уйдя из профсоюза и распрощавшись с государственным предприятием, в котором работал длительное время, занялся собственным делом. Сразу после армии получил два высших технических образования. По иронии судьбы, более двадцати пяти лет занимаюсь экономикой и юриспруденцией. Конституционный долг я государству отдал ранее, а налоговые долги перед ним стараюсь не иметь.

Своего старшего сына, как и обещал, назвал именем друга. Когда он непонятно с кого взял пример на втором курсе бросить институт, приложил все усилия для отправки его в армию. Отслужил год в мотострелковых войсках. Знакомые до сих пор удивляются, почему я его не отмазал от армии. Даже не пытаюсь им объяснить. Не поймут. По их мнению, было бы лучше прятать свое чадо на чердаке до 27 лет. Впрочем, некоторые из них так и поступают.

Две мои дочери с гордостью рассказывают своим знакомым о службе брата.

Младший сын, которому до армии еще далеко, надеюсь, тоже выполнит свой долг и обязанность гражданина Российской Федерации.

Что касается других участников событий.

Командир стройотряда, выдавший мне направление в ряды Советской Армии и временно поставивший точку в моем обучении, продолжает воспитывать молодежь в авиационном институте, дослужившись до заведующего кафедрой.

Максимка так и не закончил институт. Многократно был женат. От своих страстей не излечился. Были моменты в его

жизни, когда он становился богат. Но это длилось недолго. Мировые казино легко освобождали его от этого тяжелого бремени. Одно время крутился в шоу-бизнесе. Снялся в клипах у известного в то время певца и в рекламе МММ. В настоящий момент занимается частным извозом в Москве на взятой в кредит машине, хотя в свое время утверждал, что водительские права ему не понадобятся, так как у него будет персональный водитель.

Из офицеров учебки. Взводный дослужился до командира части. Развелся со своей Джульеттой. Живет в Риге. Командира роты встречали в Алма-Ате в чине полковника. Из офицеров штаба могу только сказать о начальнике разведки и моем прямом начальнике в штабе. Оба дослужились до полковников и на пенсии ведут активную жизнь в социальных сетях. Командир полка, по словам моего штабного командира, сначала был назначен командиром дивизии. Потом командовал армией. Дослужился до большого генерала. Занимал высокие должности в Министерстве обороны. Безупречная репутация. Главное - вовремя заполнять постовые ведомости.

Мой напарник Али был сослан на китайскую границу следом за мной. Расследование по поводу второй печати докатилось и до него. В отличие от меня, он сначала оформил себе отпуск домой, где пробыл почти месяц. В Душанбе он прибыл после Нового года, когда нас там уже не было. Был направлен в Курган-Тюбе в отдельный полк, с которым вошел в Афганистан. По непроверенным данным, погиб под Файзабадом.

Леночка, которая в Гвардейском не давала мне забывать, что есть еще и гражданская жизнь, живет в Москве, куда они сбежали после развала Советского Союза.

Гостеприимный Сашка из Душанбе, когда там стало небезопасно находиться, перебрался на постоянное жительство в Астрахань.

Ротного я разыскивал несколько лет. Первую информацию получил в 2003 году. Закинул поисковый запрос в интернет. Через несколько месяцев пришло письмо, где он писал, что его дети увидели этот запрос и сообщили ему. Оказалось, что последние десять лет служит в Министерстве обороны России. Пригласил меня к себе на работу. Встретились в фойе, и он провел меня в свой кабинет. На полу кабинета два офицера, полковник и подполковник, мудрили что-то с войсковыми картами.

— Товарищи офицеры, разрешите вам представить моего афганского сослуживца, — обратился он к ним.

— А чего представлять? Кто Андрея не знает? — не отрываясь от работы, ответили они.

Мы с ротным от неожиданности лишились дара речи. Начали выяснять. Оказалось все просто. Я несколько лет сотрудничал с редакцией одного экономического журнала и постоянно туда наведывался. В этой организации были свои охранники, которые меня хорошо знали. Ими и оказались подчиненные ротного, которые в свободное от службы время подрабатывали там. В то время в армии было не совсем хорошо, поэтому каждый офицер выкручивался, как мог. Ротный знал об этом и не препятствовал. Ну ладно ротный, а я, несколько лет разыскивая его, пару раз в неделю

проходил мимо его подчиненных. Ротный уволился в запас в 2009 году в чине генерал-майора.

Лёха — пошел по стопам своего отца. Начинал хорошо. Устроился водителем. Завел семью. Родились две дочки. Потом стал пить. Последний раз, когда я к нему приезжал, вытаскивал его из лечебно-трудового профилактория. Лишился прав. Потерял работу. Первая судимость — шесть лет. Вторая — двенадцать. Там же добавили еще за производство браги. Во время отбывания срока вышел в социальные сети и, проведя персональную работу, развел многих на деньги.

— Мне нужно сто – двести рублей, чтобы позвонить домой, — писал он собеседникам, указывая номер телефона.

Первое время это работало. Как только перестало работать, в сети он больше не появлялся. Я склонен полагать, что он давал информацию, а от его имени в сети работали другие. В настоящий момент его местоположение неизвестно.

Сергея — отработав в Москве более тридцати лет водителем, бросил все и в настоящий момент занимается фермерством в деревне. Интересно, как мы с ним встретились в Москве. Когда мы с Лёхой, между поездок по «Березкам», попытались его найти по оставленному им адресу, оказалось, что в общежитии он больше не живет. Они с женой и двумя дочками получили квартиру в новом районе. Нового адреса никто не знал. Через шесть лет после войны, когда я устраивался на работу в контору, отправившую потом меня в степи и горы, мне понадобилось сделать восемнадцать фотографий для отдела кадров. Единственное «Срочное фото», о котором я знал, располагалось на Варшавском

шоссе, куда я и заехал. В тот же день забрать фото не смог, поэтому приехал на следующий день. Я нашел свои фотографии в коробке, только к ним была приколота его фотография с адресом, написанным мелким почерком на обороте. В огромной Москве, в одном фотоателье и в один день наши пути пересеклись. Как он потом при встрече рассказал, что когда ждал свои фото, взгляд упал на коробку с готовыми фотографиями, а там сверху лежали мои.

Олег, с которым нам пришлось жарко в Баглане, живет в городе Омске. Поздравляем друг друга с праздниками и изредка общаемся в социальных сетях.

Все время меня интересовала судьба подполковника, которого ранило в Баглане. Я проштудировал множество сайтов, связанных с тем временем и местом, чтобы найти какую-либо зацепку. Конкретно о нем ничего не нашел. Изучив списки всех погибших в районе Баглана летом 1980 года, офицеров в звании подполковника не обнаружил. Значит, выжил.

Судьба остальных в настоящий момент неизвестна. Многие теперь живут в других государствах, бывших в свое время союзными республиками.

В социальных сетях принимал участие в создании группы нашей роты. Собралось более ста человек почти из тысячи служивших в нашей роте в Афганистане. Общаюсь с некоторыми однополчанами, не упоминаемыми в этих воспоминаниях.

Места.

Что касается мест, непосредственно связанных с моей службой в вооруженных силах Советского Союза, и где происходили описанные события.

В первые годы после распада СССР городок, где я постигал азы службы, пришел в упадок. Большинство людей разъехалось. Все без исключения здания в моей части были просто демонтированы. Долгое время оставались только следы от фундаментов. В последнее время эта территория развивается, и на месте наших казарм стали появляться новые. Восстанавливается городок. Идет строительство. Теперь на всей территории полигон Казахских вооруженных сил, где проводятся международные армейские игры.

Что касается Душанбе. Выведенная из Афганистана, наша дивизия вернулась в родные казармы. После этого еще лет десять находилась там же, только уже в статусе военной базы. Нахождение иностранных военных в самом центре города было не совсем удобно, и военных передислоцировали на окраину города. Лет десять после этого территория пустовала. В настоящее время на этом месте разбит парк Национального флага Таджикистана, где расположена самая высокая мачта с флагом в мире. В парке имеется большой пруд, как раз там, где была наша казарма, штаб дивизии, улица Чапаева и то КПП, через которое уходили на войну.

Насосная станция на полигоне в Термезе, как и раньше, качает воду на орошение.

Винный пункт в Джаркургане стоит на месте, и на снимках из космоса отчетливо видны серебристые бочки с вином.

В Афганистане все осталось практически без изменений, как и сорок лет назад. Как и сто лет назад. Как и тысячу

лет назад. Только нет теперь около аэродрома нашего лагеря, о котором на спутниковых снимках до сих пор напоминают четкие линии дорог.

Москва
2019 год

Если Вам понравилась книга, то приветствуется любое финансовое вознаграждение.

Яндекс кошелек автора – 410014014192025

Сбербанк автора 4276 3801 0420 1178

Если вместе с благодарностью Вы пришлете свой почтовый адрес и данные получателя, то по указанному адресу будет выслан книжный экземпляр.

Спасибо!